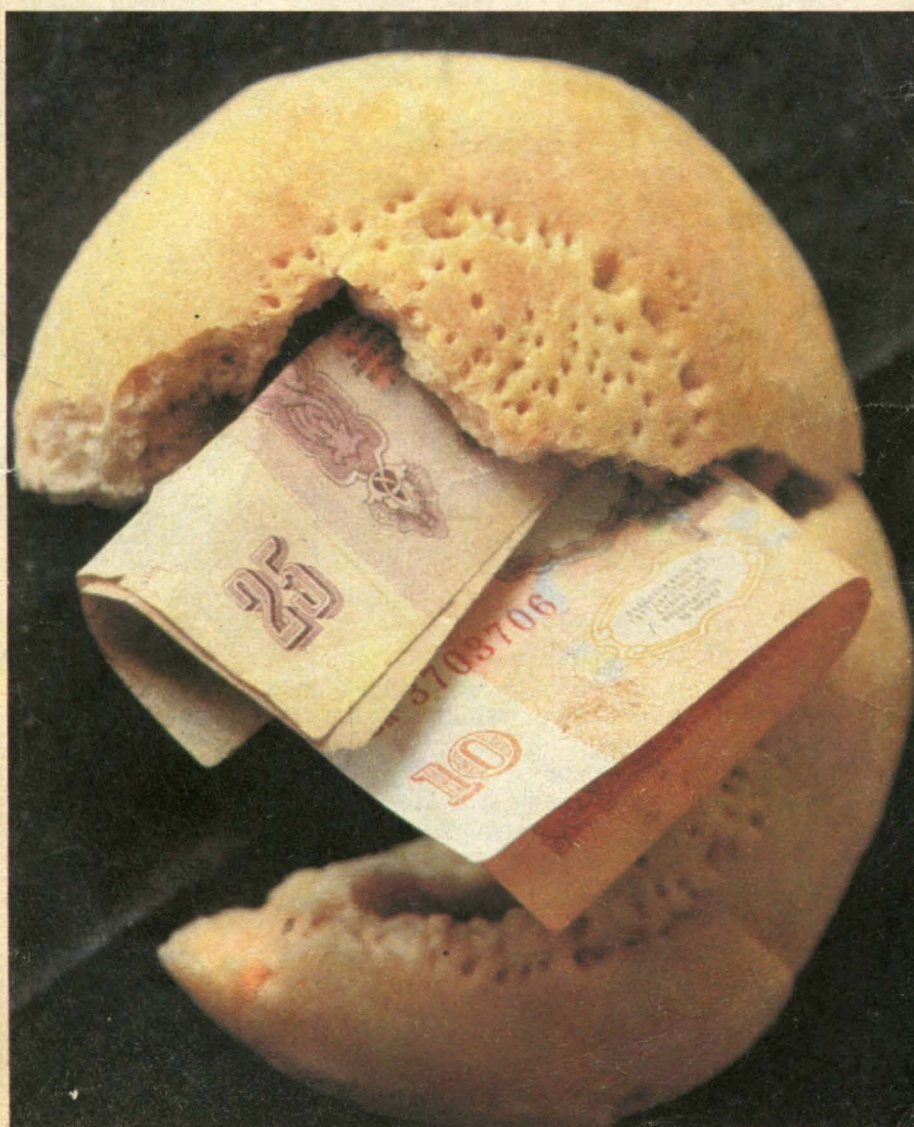

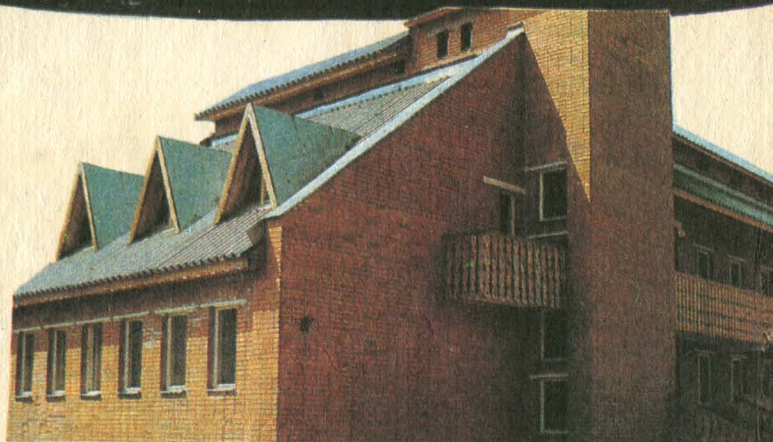
ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

2

1992

Коллаж М. Панковой

● Все годы жизни нашего государства он существовал параллельно со всемирно известным архипелагом ГУЛАГ. На одном полюсе была система следственных изоляторов, тюрем и лагерей, на другом — система спецраспределителей, спецсанаториев, спецбольниц, спецдач... За зелеными заборами шла своя «другая жизнь», тайны которой охранялись куда более строго, чем гулаговские.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ПРАВОВОЙ
ЖУРНАЛ

2
1992

Главный редактор
В. М. СИРЕНКО

Учредитель:
Международное неправительственное объединение «Союз юристов»

Редакционный совет:

АГЗАМХОДЖАЕВ А. А.
АЛИЕВ И. А.
БАЕКОВА Ч. Т.
БАРБАЛАТ П. А.
БУРЧАК Ф. Г.
ДАРБИНЯН В. С.
МИТЮКОВ М. А.
НУРМУХАМЕДОВ Б. К.
САРТАЕВ С. С.
СОКОЛ С. Ф.
ХУВАЙДУЛЛАЕВ Н. Х.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1971 ГОДА

В НОМЕРЕ

МОЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Н. МИХАЙЛОВ. Оптимизм по-калужски

3

ЗАОЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

„Повышены социальные гарантии

12

ПУБЛИЦИСТ РАЗМЫШЛЯЕТ

С. ЧУГУЕВ. Архипелаг номенклатуры

15

Н. АНИСИН. Ах, Одесса, ох, Одесса

30

В. ГОРШЕНИН. Молодежь вне игры

72

ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПРАВА

29, 42

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ 37, 127

КРИМИНАЛЬНЫЙ ПЕРИСКОП 38, 90

ДОМАШНЯЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ 39

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Гражданские права военного человека.
На вопросы читателей отвечает полковник юстиции Н. АРТАМОНОВ 43

Критерий действий — законность. Беседа с военным юристом М. МАТАКИНЫМ 48

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Армии нужны крепкие ребята 52

БЕЗ ГРИФА «СЕКРЕТНО»

Л. АРЕСТОВА. Иностранцы 58

ОЧЕРК

О. АКСЕНОВ, В. КУЛИК. Розыск ведется АС 78

ПЕЧАЛЬНО, НО ФАКТ...

Д. ГАЛИНА. Парад уборщиц 86

ПОВЕСТЬ

В. СУХОРЕБРЫЙ. Кино в кино 91

КРОССВОРД

Знаете ли вы право! 128

Редакционная
коллегия:

А. Т. АНОСОВ

Г. К. БОЛЬШАКОВА
(заместитель
Главного
редактора)

В. Н. ДОВЖУК

В. П. КОНОНЕНКО

О. Е. КУТАФИН

В. М. ЛЕБЕДЕВ

М. Н. МАРЧЕНКО

Л. А. ПЕТУХОВА

В. Д. ПОВОЛЯЕВ

Н. Т. РЯБОВ

А. Я. СУХАРЕВ

А. А. ТРЕБКОВ

М. М. ТРОИЦКАЯ

А. Е. ЮФЕРЕВ
(заместитель
Главного
редактора)

Художественный
редактор

М. В. ПАНКОВА

Технический
редактор

В. А. СЕРЯКОВА

Фото

В. С. ЗИМИНА

ОПТИМИЗМ ПО-КАЛУЖСКИ

Мудрый Монтень заметил в свое время: ничто не ввергает государство в такую бестолочь, как взводимые новшества. Реформы для захиревшего общества столь же мучительны, как и хирургические операции для хворого человека. Но и столь же благотворны: и в том, и в другом случае после искусственных болей сразу наступает облегчение. Великие реформаторы XX века Столыпин и Рузвельт, де Голь и Ден Сяопин, вызывая недовольство у большого числа граждан, решительными нововведениями избавили в считанные годы свои страны от тяжких недугов и открыли перед ними дорогу к процветанию. Перестройка же привела к совершенно иному.

В апреле восемьдесят пятого года, когда новый лидер страны призвал к «достижению нового качества», я жил в Калуге. Обед в калужских ресто-

ранах обходился тогда в два-три рубля. В продмагах было полно всякой дешевой рыбы, кур и всевозможных круп. Сахар, соль, яйца, растительное масло не исчезали с прилавков ни на один день. Овощи в магазинах можно было покупать круглый год. Ныне же обед в захудалой столовой стоит гораздо дороже, чем прежде стоил в ресторане. На большинство продуктов первой необходимости введены карточки, но товаров все равно всем не хватает. Дефицитных же продуктов — колбас, копченостей, шоколадных конфет, цитрусовых — в городе как не было, так и нет.

Обставить квартиру рядовому калужанину на исходе застойных времен труда не составляло: надо было лишь скопить или занять пару тысяч рублей. Залы магазина «Электрон», находящегося у главного въезда в Калугу, были забиты хо-

лодильниками, телевизорами и радиоприемниками разных марок: хочешь бери подороже, хочешь — подешевле. А в магазине по улице Московской человек со скромным достатком мог свободно приобрести всю необходимую для жизни мебель. Универмаги города ломались от самой разнообразной отечественной одежды и обуви — пусть не изящной, но вполне добротной: основательно покопаешься и что-нибудь подходящее найдешь. Теперь же бытовую технику и мебель в открытой продаже в Калуге не увидишь, а одежду и обувь выбирать стало не из чего: дай бог купить, отстояв в очереди, то, что торговля выбросит невзначай.

Падение уровня жизни, всплеск преступности, кровавые межнациональные конфликты считают временно неизбежными; реформатор, как и хирург, не может не делать больно. Согласиться с этим утверждением хотелось бы. Но мешает одно обстоятельство. Последние три года действия Горбачева — действия не реформатора, а революционера.

Все те страны, которые сейчас благоденствуют,

развивались в нынешнем столетии эволюционно. Каждая из них, оказавшись в кризисной ситуации, выходила из нее не за счет ломки всего старого, а за счет избирательной замены отжившего. Преимущество эволюционного совершенствования перед революционным созданием, сокрушающим все прежние устои, продемонстрировали не только капиталистические страны Европы и Америки, но и некоторые бывшие феодальные страны Азии. Это же ныне демонстрирует и социалистический Китай, сумевший меньше чем за десять лет и накормить до сыта, и одеть-обуть свой некогда нищий миллиардный народ. Нашу же страну имущие в ней власть стремятся вновь, как и в 1917 году, повести революционным путем. Политика Горбачева в главных чертах практически повторяла политику Ленина. Сходство их нельзя не заметить. Ленин демонтировал всю систему государственного управления — Горбачев сделал то же самое. Ленин, объявив российское государство «тюрьмой народов», взялся перекраивать его на основе принципа самоопределения наций — и Горбачев пы-

тался это же совершить. Ленин замахнулся осчастливить страну переделом собственности — и Горбачев был увлечен тем же: в приватизации госимущества Михаил Сергеевич видел такое же благо для народа, какое видел в экспроприации Владимир Ильич.

История возвращается на круги своя. Мы опять стали подопытными кроликами в революционном эксперименте, и впереди нас ожидает причудливое будущее. Подтверждение тому я нашел и в разговорах в городе на Оке.

За чаем с дачными травами в калужской пятиэтажке шел спор о сене. Точнее, о роли победоносного сенокоса в деле выживания города Калуги.

Днем раньше председатель облсовета Валерий Сударенков объявил населению: летом калужане имеют возможность заготовить сена на 20—30 процентов больше годовой потребности. При засухе в двенадцати областях России, подчеркивал Валерий Васильевич, это дает не только страховой запас, но и товар для продажи и обмена. «А менять, — утверждал он, — придется и на сахар, и на растительное масло, и на

носки, и на бензин, и на уголь, и на металл».

Хозяйке квартиры председательские слова согрели душу: мы дадим Ростову сено, он нам — крупу, и хоть какие-то талоны отоварим. Хозяин в замышляемом сенобизнесе видел выгоду только для местных колхозов: они теперь плевать хотели на все областные инстанции и напрямую обменивают сено лишь на товары, потребные им самим. Друг и коллега хозяина — инженер с турбинного завода — вообще ставил крест на планах Сударенкова: все излишки калужского сена президент Ельцин изымет своим указом и продаст их в пострадавшие от засухи области — иначе скот там, не дождавшись свершения обмена, околеет.

К согласию в прогнозах стороны не пришли и, отринув препирательства, подвергли рассмотрению небанальную идею хозяйского друга: для успеха бартерных сделок, коими только и можно сейчас спастись, нам надо возродить калужскую государственность. То есть воссоздать Калужскую республику, которая была провозглашена в 1918 году. А затем экспроприровать в ее пользу всю

союзную и республиканскую собственность в границах нынешней области. Суверенное калужское правительство и сено задарма не отдаст, и промышленную продукцию не позволит забирать по дешевке. Но и это не все. На калужской территории четыре супердороги — две железные и две шоссейные. Если завести на них таможи, то сколько денег можно огрести в виде пошлин? А ведут ли эти дороги не куда-нибудь — прямо в Москву. Перекрой их калужский президент на пару дней, тут же столичный мэр приползет к нему на коленях: проси, что хочешь, но пропусти эшелоны и фургоны с продуктами. Ну как при всем том калужскому народу не требовать государственной независимости.

На следующее утро, заступив в просторный кабинет, я пересказал беседу за чаем троим служилым людям. Двое, услышав про калужскую государственность, добродушно заулыбались, а один наморщил лоб: чего бы нам и вправду не воссоздать республику да не ударить своим абсурдом по всеобщей абсурдной суверенизации в стране? Что мы оттого потеряем?

Терять Калуге, возможно, и впрямь скоро будет нечего. Пять с половиной веков она кормилась и крепла трудом пахаря. Облик ее до октябрьского переворота определяли огромные сводчатые подвалы Гостиного двора, кованые петли лабазных ворот и замки в четверть пуда на дверях лавок. В базарный день Калугу заполняли тысячи возов с пенькой, холстиной, шкурами, рогожами, канатами, лыками и всевозможной снедью. Город делался сплошным торжищем. Когда творцы соцреализма раз и навсегда покончили с сельхозторговлей, Калуга превратилась в рядовой райцентр Московской области. Но в войну ей была дарована вторая жизнь. Она получила статус областного города и средства на строительство нескольких заводов. На них хлынули крестьяне и демобилизованные солдаты из сожженных немцами окрестных сел, а также выпускники московских вузов, для которых близкая к столице Калуга была желанным местом распределения.

Благодаря достатку рабочих рук и ученых голов калужские заводы прописались во влиятельных

оборонных ведомствах. Городу это несло некоторые льготы. Калуга их принимала и щедро за них расплачивалась. Ее ведущие предприятия, осваивая все новые капиталовложения, выдавали совершеннейшие изделия, ставшие слагаемым той военной мощи, которая создала стране имя великой державы.

Огромный технический потенциал сохраняется в Калуге и поныне. Но безбедного существования ей он не обеспечивает и, вероятно, обеспечивать уже не сможет, ибо конверсия в городе на Оке, как и везде, оборачивается лишь распылом человеческого и материально-го капитала ВПК.

Богатую сельхозторговую Калугу сгубила повальная государственная регламентация. Калуге же, имеющей могучую индустрию, напротив, грозит гибелью двойная анархия — в политике и экономике. Оборотистый калужский крестьянин плакал от революционной прыти большевиков Ленина и Сталина, гнавших его маршем в неведомый социализм. Умелого калужского пролетария — рабочего и инженера — неолембовики толкают к революционному прыжку

из социализма в капитализм, в так называемую мировую цивилизованную экономику.

Результаты большевистской революции у всех на глазах. Последствия революции неолембовистской пока, увы, непредсказуемы. Но первые ее плоды промышленный пролетариат уже вкусил.

Калужский турбинный завод. В его КБ, лабораториях и цехах работают 38 кандидатов и докторов наук, два Героя соцтруда, 18 обладателей почетных званий РСФСР, 434 кавалера трудовых орденов, 114 медалистов ВДНХ. Степени, звания и премии с орденами и медалями пролетарии «Турбинки» получили не за политическую активность — за разработку и производство конкретных изделий, которые имеют высокую репутацию в стране и за рубежом. Пятнадцать лет — до 1989 года — ежегодный прирост продукции на КТЗ составлял 10 процентов. Позднее он упал до шести процентов. И тем не менее договорные обязательства завод выполняет, а качество изделий не снижается. Но, вкалывая во все тяжкие, его коллектив еле сводит концы к концам. В 1990 году

средний заработок работника «Турбинки» равнялся 243 рублям, а в первом полугодии 1991—258 рублям.

Прощание с нищетой не светит КТЗ ни завтра, ни послезавтра.

Те работники «Турбинки», которые не привыкли стеснять себя в расходах, и те, у которых большие семьи, увольняются поодиночке и целыми бригадами.

Большинство среди них — специалисты высшей квалификации, десятки лет накапливавшие умения для выполнения сложнейших производственных операций. Уходят они в кооперативы и малые предприятия, где благодаря налоговым льготам и спекуляции зарплата в два-три раза выше, чем на КТЗ, и где работа менее напряженна. Рас трата мастерства набирает темпы.

Если лучшие работники завода покидают его сами, то от худших ему, вероятно, вскоре придется избавляться. Всего два года назад начальники цехов «Турбинки» ломали голову, как отвертеться от внеплановых заданий. Теперь головы некоторых из них болят совсем от иного: где найти хоть какую-то работу, чтоб не

оставить подчиненных без полочки. Администрация КТЗ обязалась в коллективном договоре не сокращать кадры. Но поскольку половина цехов завода занята выпуском оборонной продукции, то не исключено, что очередной росчерк пера в Кремле завтра же вынудит ее взять свое обязательство обратно.

Можно спорить, надо ли нам поспешно разоружаться. Но абсолютно бесспорно то, что к ликвидации производства оружия надо готовиться заранее, что нельзя разрушать трудовые коллективы, где собран цвет отечественного пролетариата, и нельзя обрекать на простой самые производительные в стране технические мощности, сотворение которых потребовало от народа огромных лишений. Остановить оборонные заводы — значит ограбить несколько поколений советских людей. А именно к этому дело сейчас и идет.

На перепрофилирование предприятий ВПК нужны деньги, причем большие. Конверсия во всех странах обходится дорого. Но где взять деньги тем же калужским заводам, если им нечем платить зарплату? Лидеры

страны в свое время громко заявили о создании всесоюзного фонда стабилизации экономики. Но он был похоронен сплошной суверенизацией страны. Те калужские директора, которые попытались занять у его учредителей энные суммы, получили от ворот поворот: денег для вас нет и не будет.

Раздел СССР подорвал не только финансирование, но и организационное обеспечение конверсии. Суверенитеты, сокрушая власть союзных министерств, обрывают пусть и несовершенные, но прочные связи между предприятиями и насаждают взамен убийственную для кооперации хозяйственную стихию.

Калужский опытно-моторостроительный завод, производительный потенциал которого, по словам его директора Лейковского, на порядок выше, чем у обычного изготавливающего машины предприятия, потерял недавно треть своих заказов. Так утверждают неофициальные источники. У Минобороны упал спрос на лучшие в мире боевые самолеты, и двигатели к ним, которые делает КОМЗ, уже не требуются в прежнем количестве. Но за-

вод решил не уменьшать их производство. Могучие его двигатели, если присоединить к ним генераторы от 100 до 300 киловатт, можно было использовать как передвижные электростанции, которые нужны жителям отдаленных сел и нефтегазодобытчикам. Чтобы продать им эту свою продукцию, КОМЗу необходимо было найти поставщика генераторов. Прежде при такой надобности руководители завода били челом в соответствующих инстанциях в Москве и, выудив их благосклонность, все утрясали в считанные дни. Теперь же, когда плановое управление экономикой из единого центра вытеснено де-факто рыночными отношениями не крупных корпораций, как на Западе, а отдельных предприятий, поиск поставщика для КОМЗа стал подобен поиску иголки в стогу сена.

«Братцы, караул!» промышленная Калуга пока не кричит. Страх перед увольнением на ее заводах еще не витает. На хлеб и кашу все трудовые коллективы зарабатывают. От растерянности, вызванной утратой военных заказов, они помаленьку избавляются и

хоть и медленно, с колоссальным расходом сил и времени, но начинают осваивать выпуск гражданских изделий на освобожденном оборудовании. Некоторые предприятия обзаводятся подсобными промыслами. Туда переводят тех, кому не находится работы в цехах. В пекарне, кстати, месит тесто шлифовщик высшего разряда.

К сему дню у Калуги не все потеряно. Но вопрос о выживании ее предприятий не снят. Если договорная дисциплина окончательно сгинет, то их крах станет реальностью. Стабилизацию же хозяйственных связей ничто не предвещает. А это делает неизбежным массовый срыв поставок на заводы Калуги. «Турбинка», скажем, не может предложить ни одному из своих 500 поставщиков никаких ходовых товаров ширпотреба. И каждому из них, ныне более или менее исправно выполняющему обязательства, ничто в будущем не помешает начхать на договор и отказать ей в металле, литье или угле. Апеллировать к арбитражу в этом случае практически бесполезно. Во-первых, потому, что штрафы за нарушение дого-

ворной дисциплины у нас не разорительны, а вторых, поставщика-вымогателя всегда может укрыть от суда суверенный Совет, заинтересованный в прибавке потребительских товаров на его территории.

Жутким срывом сырьевых поставок грозит и вторжение иностранного капитала, который изо всех сил зазывают в страну. В калужской электричке я познакомился с летчиком из Львова. Он служил последние месяцы штурманом на самолете частной инофирмы. Этот самолет, у которого 12 посадочных мест и скорость свыше тысячи километров в час, уже побывал в различных сырьевых районах — от Архангельска до Хабаровска. Фирмачи, по словам летчика, занимаются в своих путешествиях тем же бизнесом с местным хозсовначальством, каким некогда занимались иноземцы с папуасами: обменом стекляшек и тряпок на ценнейшие дары природы (разумеется, через подписание бумаг). Остановить бесконтрольную распродажу сырья за границу никто даже не пытается, и сырьевой голод отечественной индустрии обеспечен.

Все перспективы у калужских предприятий туманны. Ясно лишь одно: их трудовые коллективы — коллективы сильные и башковитые, которые, имея первоклассное оборудование, могли бы производить вместо лучшего в мире оружия лучший в мире ширпотреб, — не составят конкуренции инофирмам ни в каком обозримом будущем.

...Инженера «Турбинки», пригласившего меня на чай, я после разговора о калужской государственности взялся пытаться о бюджете его семьи. Вместе с женой он приносит домой 520—540 рублей в месяц. Подработать на стороне у него шанса нет: со смены надо мчаться на дачу. Не будешь там пахать, высунув язык, останешься без харчей, ибо в магазинах их нет, а на рынке всего не купишь, даже имея доход втрое больше нынешнего. Обновить свою мебель семья вообще не мечтает. Одежду и обувь в последние два года покупает только для сына и дочери: они, бесенята, растут столь же быстро, как и в доперестроечные времена. Отпуск чета инженера проводит на даче-кормилице. Минувшим июлем он планировал навеститься

к матери в Полтаву. Но дочери подвернулась курточка за двести рублей, и в Полтаву пришлось отправить большой привет в письме. Главная сейчас проблема в доме — лопнувшая подошва на зимних сапогах главы семьи. На покупку новых сапог в комиссионке надо гораздо больше тысячи, а в госмагазинах они не появляются.

Я спросил инженера: «Если не найдете сапог, что делать будете?» Он скосил глаза на приятеля: «Да установим с ним Калужскую республику и пойдем работать в таможенную на шоссе Москва — Киев. Там, небось, назначат высокую зарплату». И добавил: «Хотя риск будет большой, у брянских и московских граждан, наверное, возникнут территориальные претензии к республике калужан. Так что без стрельбы не обойдется. Но где наша не пропадала!»

Сказано это было шутя. А мне захотелось еще чаю: оптимизм по-калужски надо было запить.

...ПОВЫШЕНЫ СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ

1 января 1992 года на территории России введен в действие Закон «О повышении социальных гарантий для трудящихся», который был принят Верховным Советом 19 апреля 1991 года. Если вы, уважаемые читатели, в свое время не смогли ознакомиться с текстом этого Закона либо подзабыли, что же он вам сулит, предлагаем вместе с нашим корреспондентом побывать на приеме у юриста ВЯЧЕСЛАВА ДЕМИНА.

— Вячеслав Петрович, о каких же социальных гарантиях идет речь в Законе от 19 апреля 1991 года?

— Прежде всего о минимальных размерах оплаты труда, пособий по временной нетрудоспособности, а также стипендий аспирантам, студентам и учащимся.

— И каков же теперь в России минимальный размер оплаты труда?

— 342 рубля с учетом компенсации, введенной с апреля 1991 года в свя-

зи с повышением розничных цен.

В минимальный размер оплаты труда не включаются доплаты и надбавки, а также премии и другие поощрительные выплаты.

— С повышением минимума оплаты труда соответственно повысились и минимальный размер пособия по временной нетрудоспособности, и минимальный размер стипендии?

— Естественно. Так, минимальный размер по-

собия по временной нетрудоспособности установлен на уровне 90 процентов минимальной оплаты труда. Что касается стипендии, то аспирантам, обучающимся с отрывом от производства в аспирантуре при высших учебных заведениях и научно - исследовательских учреждениях, она установлена в размере не менее 100 процентов, успевающим студентам очных высших учебных заведений — 80 процентов минимальной оплаты труда.

— **Законом от 19 апреля 1991 года изменена продолжительность рабочей недели. Она увеличена! Сокращена! И на сколько!**

— С 1 января 1992 года нормальная продолжительность рабочего времени сокращена на один час и не может превышать сорока часов в неделю. (В соответствии с ранее действовавшей статьей 42 КЗоТ России нормальная продолжительность рабочего времени рабочих и служащих на предприятиях, в учреждениях, организациях не должна была превышать 41 часа в неделю.)

— **С 1 января 1992 года увеличена продолжи-**

тельность ежегодного оплачиваемого отпуска. Так какой же у жителей России теперь отпуск!

— С 1 января 1992 года установлен ежегодный оплачиваемый отпуск для всех трудящихся продолжительностью не менее двадцати четырех рабочих дней в расчете на шестидневную рабочую неделю (т.е. четыре календарные недели).

Ежегодный отпуск продолжительностью не менее двадцати четырех рабочих дней (четыре календарных недель) предоставляется всем трудящимся при уходе их в отпуск после 1 января 1992 года, независимо от того, за какой рабочий год он используется.

Впредь до принятия нового законодательства об отпусках сохраняется порядок и условия предоставления дополнительных отпусков, предусмотренных действующим законодательством. При этом у трудящихся, пользующихся ежегодным отпуском продолжительностью 24 рабочих дня и более, продолжительность отпуска не изменяется. Однако предприятия, учреждения, организации с учетом производствен-

ных и финансовых возможностей могут предоставлять им отпуск большей продолжительности за счет присоединения дополнительных отпусков (полностью или частично).

— И последний вопрос. На какую категорию трудящихся и учащихся распространяется действие вышеуказанного Закона и предоставляемые в соответствии с ним социальные гарантии?

— Закон России от 19 апреля 1991 года «О повышении социальных гарантий для трудящихся» распространяется на трудящихся всех предприятий, учреждений, организаций, аспирантов, студентов и учащихся учеб-

ных заведений независимо от их ведомственной подчиненности, а также на трудящихся, занятых обслуживанием отдельных граждан (няни, шоферы, секретари и т. д.).

Из определения, предусмотренного Законом, следует, что его действие распространяется и на трудящихся, работающих на совместных предприятиях с привлечением иностранного капитала, на зарубежных фирмах, действующих в соответствии с законодательством на территории России, на арендных, акционерных предприятиях и в организациях.

ПУБЛИЦИСТ
РАЗМЫШЛЯЕТ

Сергей ЧУГАЕВ

Все годы нашего государства он существовал параллельно со всемирно известным архипелагом ГУЛАГ. На одном полюсе была система следственных изоляторов тюрем и лагерей, на другом — система спецраспределителей, спецсанаториев, спецбольниц, спецдач... За зелеными заборами шла своя «другая жизнь», тайны которой охранялись куда более строго, чем гулаговские.

Не будет, наверное, большим откровением утверждение, что одной из основных причин победы августовской демократической революции в нашей стране стал глубочайший кризис доверия ко всей существующей системе органов власти. Включая сюда, разумеется, прежде всего систему КПСС. Следствием этого кризиса и одновременно ярчайшим показателем его глубины стал выход из повиновения таких основополагающих опор власти, как армия, органы внутренних дел и госбезопасности.

Главной причиной недовольства общества явилась, без сомнения, неспособность руководства страны справиться с грузом политических, экономических, социальных проблем, навалившихся в последние годы на страну. В течение этих лет на наших глазах происходило совершенно невероятное — взрослые и, думаю, неглупые люди, стоявшие у руля страны, изо всех сил пытались доказать и своим согражданам, и всему миру, что можно-таки перепрыгнуть пропасть в два приема. Отказаться от командно-административной системы и не прийти к рынку, замерев где-то посредине. Реформы вязли в ведомственном болоте, провозглашенные экономические свободы тихо душились. В итоге же общество получило то, что имеет сейчас: гиперинфляцию, развал экономики, угрозу голода.

Только ли недомыслием бывших правителей страны следует объяснять эти плачевные результаты? Вспомним, как часто и убедительно объяснял Н. Рыжков, мягко говоря, медлительность возглавляемого им правительства в осуществлении провозглашенных реформ тем, что общество к этим реформам еще не готово. Но вспомним также, что главным вопросом в ту пору, когда Николай Иванович был вынужден покинуть свой пост, стал отнюдь не вопрос о состоянии, в котором оказалась страна после его правления. Основным был вопрос, останется ли у Н. Рыжкова государственная дача.

Этот несколько курьезный эпизод может многое

объяснить. Например, почему руководящие структуры государства сначала стали тормозом экономических реформ, а затем и предприняли попытку государственного переворота. Подозревать их в недалёковидности, узости кругозора, приверженности старым догмам, конечно же, наивно. И Н. Рыжков, и В. Павлов, и прочие «бывшие», конечно же, представляли себе последствия своих экономических и политических эскапад. Но не менее отчетливо представляли они и то, что экономическая свобода и неизбежно последующая свобода политическая не просто лишат их власти, а в пух разнесут невидимую империю — десятилетиями создававшийся закрытый для посторонних заповедник, где стараниями миллионов советских людей коммунизм был уже давно построен. О чем, естественно, миллионы советских людей не знали, а другие только догадывались. Заповедник для избранных — архипелаг номенклатуры. За этот архипелаг те, кому пришлось поменять кремлевские кабинеты на камеры Матросской Тишины, бились до последнего.

«А ЗА ГОРОДОМ — ЗАБОРЫ, ЗА ЗАБОРАМИ — ВОЖДИ...»

Собственно говоря, тот факт, что партийные и государственные чиновники старшего и высшего звена — номенклатура — обладают системой льгот и привилегий, ни для кого секретом не был. Одних анекдотов про икру из спецраспределителей сколько ходило! В последние годы появились посвященные этой теме перепечатки из зарубежных изданий. Однако возьму на себя смелость утверждать, что истинной картины того, что происходило и происходит еще на архипелаге номенклатуры, ни в одной из публикаций отразить не удалось. Не мудро. В эпоху перестройки и гласности все происходящее за «зелеными заборами» охранялось от глаз общественности не менее строго, чем при отце всех народов. Мы уже знали то, что до нас знал весь остальной мир, — сколько у нас стратегических ракет и атомных подводных лодок. Но какими льготами обладает, к примеру, заводделом бывшего ЦК КПСС, не знал толком никто. Попытки журналистов проникнуть «за зеленый забор» пресекались решительно и беспощадно.

Наиболее успешной попыткой приоткрыть завесу тайны над этим явлением нашей жизни стала работа ко-

миссии по вопросам привилегий и льгот бывшего Верховного Совета СССР после того, как ее возглавил белорусский юрист Н. Игнатович. Пользуясь своим депутатским правом, члены комиссии попытались, образно говоря, подойти к берегу архипелага — исследовать хотя бы самые одиозные и легче других поддающиеся расследованию случаи злоупотребления служебным положением, использования в личных целях государственных средств и тому подобное. В беседе со мной Н. Игнатович признался, что ему и его коллегам удалось открыть лишь самую макушку громадного айсберга — системы номенклатурных льгот и привилегий. И не исключено, что для детального исследования архипелага потребуется перо, адекватное по мощи перу А. Солженицына.

«БА, ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА!»

Однако даже эти, поверхностные, по оценке самих же исследователей, результаты (комиссии приходилось работать в условиях крайнего неблагоприятствования, что, впрочем, неудивительно) стали поводом для крупного скандала, потрясшего советские властные структуры летом 1991 года. Напомню, что в дурном свете оказались выставленными имена высших военных руководителей, в том числе маршала Язова, генералов Варенникова и Ачалова. И есть все основания полагать, что пассивное участие армии в путче стало во многом и проявлением реакции бездомных офицеров и прапорщиков на информацию о дачных причудах командующих и других их увлечениях.

Приходилось, правда, в дни скандала слышать и такое: работа комиссии — копание в грязном белье. Высшие должностные лица много работают и должны иметь условия для отдыха... Наверное, есть доля истины и в такой оценке, но обратимся к фактам.

В ноябре позапрошлого года по поручению парламентской комиссии по вопросам привилегий и льгот КРУ Минфина СССР провело ревизию финансово-хозяйственной деятельности Министерства обороны СССР в части строительства и эксплуатации дачного фонда. Что же выяснилось? Прежде всего, что строительство дач, как правило, начиналось по ориентировочной сметной документации, которая затем переутверждалась под фактические затраты. Например, Совет Министров СССР

разрешил построить Министерству обороны для своих высших руководителей дачи сметной стоимостью 40—45 тысяч рублей каждая. В итоге же стоимость каждой дачи оказалась завышенной в четыре-пять раз. А всего из государственной казны на генеральские дачи ушло 3 миллиона 782 тысячи рублей.

В 1989 году Министерству обороны Совмином СССР разрешено построить четыре дачи для маршала Язова, генералов Моисеева, Архипова, Кочетова стоимостью 150 тысяч рублей каждая. Однако утвержденная сметная стоимость дачи Язова оказалась на сто тысяч рублей больше. Как это получилось? Обойти лимит, наложенный Совмином, оказывается несложно. Достаточно завести на одно строительство две сметы. В первой — деньги на непосредственное строительство — как раз 150 с лишком тысяч рублей, в другой — на улучшение эксплуатационных качеств дачи — все остальное. Не отстали в этом от бывшего министра обороны и его заместители.

Ну а для того, чтобы поддержать в должном порядке и сами дачи, и окружающую их территорию, руководители МО СССР не считали зазорным выделить деньги которые, согласно бюджету, должны были идти на капитальный ремонт жилья офицеров и прапорщиков. В 1989—1990 годах таким образом было истрачено 312,3 тысячи рублей.

В принципе-то руководителей можно понять. Содержать госдачи — дело для ведомств крайне убыточное. Только по МО СССР убытки в 1989 году составили 149,1 тысячи рублей. А в целом по проверенным министерствам — ежегодно около миллиарда. Дело в том, что госдачи стоили проживавшим сущие копейки. Мало того, что повсеместно, вопреки постановлению Совмина СССР аж от 1958 года, занижалась арендная плата. В сумму оплаты не включались амортизационные отчисления за пользование коммунальными сооружениями, средствами связи, дорогами, стоимость которых превышает стоимость самих дач и также подлежит самокупаемости. Все расходы вновь ложатся на госбюджет. Кроме того, в скрытом механизме затрат на содержание дач не учитываются расходы на оплату труда обслуживающего персонала.

Между тем, только в охране дач МО СССР участвуют целые подразделения солдат срочной службы, прапорщики и офицеры.

Не надо только делать после прочитанного вывод, что только Министерство обороны грешило насчет своих госдач. Отнюдь. Взять хотя бы дачное хозяйство «Сосны» — собственность Кабинета Министров СССР. Его дачи расположены в самых живописных местах Подмосковья. Они предназначены для круглогодичного проживания и оборудованы по нашим стандартам просто блестяще — асфальтированные дороги, газ, водопровод, канализация, телефон. В самих особняках — казенные ковры, мебель, бытовая техника и даже посуда. В 1990 году дачное хозяйство «Сосны» получило из госбюджета 3,5 миллиона рублей на свое содержание. Арендаторы же особняков платили за свое жилье 30 рублей в месяц.

Так большинство трудящихся СССР оплачивали из своего кармана комфорт меньшинства. Одно лишь могло служить слабым утешением — дачи называются государственными, значит, вроде бы, принадлежат всему народу, а не конкретному чиновнику. Однако и это утешение, как выяснилось, было заблуждением.

ПИОНЕРЫ ПРИВАТИЗАЦИИ

Пока в Верховном Совете СССР народные депутаты еще только прикидывали, с какого бока им начать подходить к разработке процесса приватизации государственного имущества, сама приватизация, как оказалось, шла полным ходом, несмотря на отсутствие хоть какого-нибудь законодательного акта, способного претендовать на регулирование этого вопроса. Причем шла не в каком-то медвежьем углу империи, а в самом что ни на есть сердце государства — в Кабинете Министров СССР, союзных министерствах и ведомствах.

Приватизаторы действовали, в основном, двумя путями. Те, что повыше рангом, предпочитали дачи покупать, те, что пониже, создавали кооперативы, которым передавались дачи и основные фонды дачных поселков. На основании имеющихся фактов можно сделать вывод, что во главе движения стоял человек, который, возможно, как никто другой, сделал так много для того, чтобы процесс приватизации в масштабах страны начался как можно позднее. Председатель Совмина СССР Н. Рыжков. Это он в июне 1990 года разрешил продажу госдач своим товарищам по работе. Сам Николай Иванович

приватизировал свой особняк (общая площадь — 368 кв. м, площадь участка — 1,4 гектара) за 35 с небольшим тысяч рублей. После чего бюро технической инвентаризации произвело его переоценку и оценило уже в 78 тысяч.

И здесь подчиненные шли в ногу с руководителем. А. Бирюкова приобрела стоившую 75 тысяч рублей дачу за 18 тысяч, Л. Воронин вместо 46 с половиной тысяч отдал 22. Также действовали и другие бывшие руководители советского правительства: А. Стерлигов, И. Белоусов, М. Шкабардня. Ущерб государству только от продажи дач по заниженной стоимости составил 206 226 рублей. Но это, как оказалось, лишь внешняя сторона медали.

При определении стоимости реализации не были учтены теплотрасса, освещение, дороги и другие коммуникации, не была учтена стоимость проведенного накануне приватизации ремонта дач. Даже пошлина при заключении договоров взималась с этих, не самых бедных в СССР людей в размере не десяти процентов, а пяти. Любопытно также, что ни один из бывших руководителей бывшего Совмина не представил декларацию о своих доходах, что обязательно по постановлению того же Совмина от 15 мая 1986 года при заключении сделок на сумму более 10 тысяч рублей.

Простому гражданину Страны Советов хватило бы, наверное, любого из этих нарушений для того, чтобы получить, что называется, «на всю макушку». Однако ни один из вышеперечисленных пионеров приватизации не пострадал. Мало того, обнародование этих фактов в парламенте страны несколько не повлияло на карьеры Л. Воронина и М. Шкабардни, перешедших на дипломатическую службу в рангах чрезвычайного и полномочного посла и чрезвычайного и полномочного посланника.

Публика чуть попроще приватизировала свои дачи посредством создания кооперативов. Схема применялась нехитрая. Кооперативу передавались только дачные строения. Все инженерные коммуникации, все элементы инфраструктуры, которые и составляют самую значительную часть дачного хозяйства, остались по-прежнему на балансе министерств и содержались соответственно за государственный счет. Только по кооперативу «Назарьево», учредителем которого стал Кабинет Министров СССР, стоимость дачного хозяйства была таким об-

разом занижена на 2 миллиона 800 тысяч рублей. Все это, как нетрудно понять, происходило при молчаливом согласии как руководителей ведомств (кроме Кабинета министров активны были, в частности, союзный Госнаб и МВЭС — руководители-то и стали членами кооперативов), так и местных властей.

А на других госдачах готовились к рынку иным способом. Весь 1990 год был отмечен активной продажей жильцам имевшегося на дачах государственного имущества по бросовым ценам.

САМОЛЕТ — ХОРОШО!

Также никаких последствий не имел для его участников случившийся тем же летом, почти накануне путча, «самолетный скандал». Тогда члены комиссии по вопросам льгот и привилегий собрали журналистов (отчаявшись получить слово в парламенте) и обнародовали имена высших военных руководителей, которые путали личное с государственным не только на дачах, но и в... воздухе, превратив воздушные лайнеры в персональное средство передвижения. И вот что интересно — в докладе комиссии тогда прозвучали имена тех, кого в конце августа называли среди участников или причастных к попытке государственного переворота. Генералы Варенников, Ачалов, Третьяк... Случайность?

Большому генералу нет нужды стоять в очереди за авиабилетом. И это правильно. Однако, судя по всему, для военачальников престижнее было лететь — на отдых, на совещание, в командировку — на персональном ТУ-154 или ИЛ-62. В гордом одиночестве летали в небе генералы Сорокин, Луцев, Омеличев, Говоров и другие. За границу, правда, летали группами — по 4—5 человек. Причем, как правило, самолеты в тот день возвращались в Москву пустыми, а через несколько дней прилетали обратно, чтобы забрать делегацию домой. Летали генералы Варенников, Ачалов, Архипов, Чернавин и другие во Францию, Финляндию, Болгарию, Ирак. В страны, куда исправно летают самолеты Аэрофлота. Но летать самолетами Аэрофлота как простые граждане генералы, очевидно, не хотели. Персональный самолет, понятно, внушает больше уважения встречающим, хоть и обошлось это уважение нашей стране в большую валютную копейку.

Впрочем, надо отдать должное многозвездным генералам — любителям с комфортом промчаться по небосклону: заботились они не только о себе и своей родне в плане предоставления дармового государственного авиатранспорта. И после отмены шестой статьи Конституции СССР военные самолеты возили делегатов на Российскую партконференцию и на XXVIII съезд КПСС в 1990 году. А в 1991 году — на гсесармейскую партконференцию, на другие партийные мероприятия.

Понятно, что при таком размахе своих военно-транспортных самолетов не хватало. Министерство обороны ежегодно арендовало у МГА самолеты, выплачивая за них по 30—40 миллионов рублей. Как они использовались? Вот лишь один пример. С 15 по 17 июня 1990 года Восточно-Сибирское управление ГА выполнило в интересах МО СССР 32 рейса. При этом 15 рейсов были выполнены порожними, остальные загружены на 65 процентов. Министерство обороны заплатило за все рейсы 211 200 рублей.

И еще один интересный факт. В ходе проверки авиационного хозяйства были выявлены случаи содержания сверхштатных воздушных судов, а также переоборудования за государственный счет пассажирских самолетов в самолеты-салоны. Что ж, летать, так с комфортом.

Шутки шутками, но только в тех частях, где комиссии удалось провести проверку, ущерб от такого распоряжения самолетами и вертолетами, по предварительным подсчетам, составил более 50 миллионов рублей. Не следует забывать, что все эти 50 миллионов — бюджетные, то есть наши общие деньги, которые недоданы здравоохранению, системе социального обеспечения, не пошли на строительство жилья только ради того, чтобы крепла оборона страны.

ЗДОРОВЬЕ — ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Впрочем, много думать о том, сколько и чего там недодано здравоохранению, номенклатуре нужды совсем не было. Давайте вспомним, как еще не так давно в средствах массовой информации царило всеобщее умиление по поводу ликвидации скандально-известного четвертого главного управления союзного Минздрава. Того самого, что специализировалось на обслуживании советской партийно-бюрократической элиты. В конце

1989 года было торжественно заявлено, что четвертого главка больше не существует, а существует лечебно-оздоровительное объединение при Кабинете министров.

На том все и затихло. Предлагалось признать, что тем самым социальная справедливость восстановлена. Так ли? Оказалось, что ЛОО не только стало еще более обособленным и элитарным заведением, но и содержится на средства налогоплательщиков. В 1990 году на его содержание было истрачено 140 миллионов «деревянных» и 12 миллионов инвалютных рублей. В «простом здравоохранении» на одного человека тратилось в 1990 году 40—60 рублей в год, в ЛОО — полторы-две тысячи. На 23,5 тысячи человек, прикрепленных к ЛОО, приходилось 19 тысяч врачей, медсестер и прочего обслуживающего персонала. Медицинское обслуживание, естественно, «прикрепленным» не стоило ни копейки.

Кто же эти счастливицы? В постановлении о ЛОО сказано, что оно создано «в целях медицинского и санаторного обеспечения Съездов народных депутатов СССР, сессий Верховного Совета СССР, других государственных и партийных мероприятий, лечебно-профилактического обслуживания членов Правительства СССР и ЦК КПСС, народных депутатов СССР, партийных и государственных деятелей...»

Как видим, отмена статьи Конституции, закон об общественных объединениях на деле какого-либо ущерба привилегиям партийной номенклатуры не нанесли. Номенклатура могла быть спокойной. Своим привилегиям она нашла неплохую защиту.

И СКАНДАЛ ЗАМЯЛИ...

Даже одного из фактов, о которых упомянуто в этом материале, в любом правовом государстве было бы достаточно для крупного политического скандала, имеющего в финале череду отставок его участников с государственных постов. Однако в нашем парламенте случилось иное.

Мне не раз приходилось слышать от членов комиссии по привилегиям, что им не дают возможности доложить коллегам по парламенту об итогах своей работы. А докладывать было о чем. И о самолетах, дачах, и о ЛОО, и о распределении продуктов в спецбуфетах. Но всякий раз А. Лукьянов находил способы, чтобы не

допустить до трибуны представителя комиссии. Затем, после четвертого съезда народных депутатов, в парламенте произошла ротация. И он, благодаря кропотливой работе А. Лукьянова, вскоре превратился из относительно демократичного законодательного органа в некое молчаливо-покорное образование, проштамповывающее предлагаемые ему решения (что в конце концов парламент и сгубило). А. Лукьянов добился от Верховного Совета абсолютной управляемости. И только после этого позволил выйти на трибуну представителю комиссии.

Расчет оказался полностью правильным. Как помним, кроме легкого волнения, в прессе никаких последствий доклад комиссии не вызвал. Не было сделано не только серьезных оргвыводов, но даже в самом Верховном Совете не случилось скандала. Наоборот, в обилии слышались упреки в очернении армии, в попытках внести раскол в общество. А кончилось все в общем-то ничем. На сенсационные разоблачения зал заседаний ответил фактически молчанием, приняв беззубое, никого ни к чему по существу не обязывающее постановление, которое было тут же забыто. И ведь ничего удивительного в этом не было. Скорее наоборот, было бы наивным надеяться на какой-то иной исход. Ведь слишком многие парламентарии и до выборов принадлежали к номенклатуре, другие этой номенклатурой, по сути дела, стали, подключившись к системе привилегий и льгот.

На том заседании было сказано о случаях нарушения депутатами этических норм. Особенно скандальная обстановка создалась вокруг возможности приобретения депутатами автомобилей в личное пользование. Подавая заявление, парламентарии обязательно указывали, что автомобиль им необходим для более качественного выполнения депутатских обязанностей. Однако анализ путевых листов автомобилей автобазы Верховного Совета на апрель 1991 года показал, что 70 процентов народных депутатов СССР, получивших машины в личное пользование, не пренебрегали и служебным автотранспортом. Особенно усердными в атаках на секретариат Верховного Совета с просьбами о приобретении автомобилей оказались депутаты из Узбекистана (им непременно был необходим автомобиль «Волга»), хотя в прошлом году наибольшее количество «Волг» и так было выделено представителям среднеазиатских республик. Иные, став счастливыми обладателями «Волги», на

том не останавливались и пытались купить еще одну. Так, депутат И. Сафаров переоформил свою «Волгу» на жену и обратился в секретариат Верховного Совета с заявлением на приобретение очередного автомобиля. Тоже «Волги».

Некоторые депутаты, не имея на то оснований, сумели получить московскую прописку или улучшить свои жилищные условия.

Было бы слишком требовать от таких людей активного участия в борьбе с незаконными льготами и привилегиями. Как сказал в бытность свою министр внутренних дел В. Бакатин: «Власть в нашей стране не подчиняется никаким законам». И эту же мысль подтвердили в своем заключении члены парламентской комиссии по вопросам привилегий и льгот: в ходе проверки вскрыто такое количество злоупотреблений, нарушений законов и действующих нормативных документов, что комиссия может однозначно доложить Верховному Совету СССР — верховная исполнительная власть у нас в стране не подчиняется никаким законам. Именно с нее начинается правовой нигилизм, о котором так много сейчас говорят и пишут... Парламент не отреагировал на эти слова. Это сделал немного позже, в конце августа, народ, выразивший заодно и полное недоверие лужьяновскому парламенту.

ИСЧЕЗНЕТ ЛИ АРХИПЕЛАГ!

Существующая в нашей стране система номенклатурных привилегий и льгот представляет из себя настолько запутанный клубок, где нарушения моральных норм теснейшим образом переплетены с нарушением норм правовых, что разговор об их ликвидации или переводе в некое законодательно регулируемое русло требует четко определить — что же такое привилегии и откуда они взялись. Вот что говорил по этому поводу специалист в этом вопросе — бывший председатель комиссии по вопросам привилегий и льгот Н. Игнатович:

— Привилегии как преимущественное право для отдельных категорий граждан в нашей стране являются, с одной стороны, сущностными, родовыми признаками той социально-экономической и политической системы, которую Маркс прозорливо характеризовал как казар-

менный социализм, а с другой стороны,— управленческой функцией бюрократии.

Исторические предпосылки этой уродливой системы были заложены еще тогда, когда в соответствии с доктриной классиков государство от имени общества взяло в свои руки средства производства, чтобы распорядиться ими с целью социалистического строительства, так как само общество в России не было готово, по словам Маркса, к «положительному упразднению частной собственности». Но в классическом марксизме, который был для нас библией, нет сколько-нибудь ясной разработки проблемы возвращения средств производства в руки трудящихся. В этих условиях партийно-государственная бюрократия, овладевшая всеми рычагами государственного управления, стала социальной силой, которая использовала недостаточную развитость общества в социально-экономическом отношении и подчинила своим корыстным целям формально-обобществленное производство. Бюрократия стала, опять процитирую Маркса, «всеобщим капиталистом», классом.

Абсолютная монополия этого класса на собственность породила привилегии на первоочередной доступ к богатству в сфере экономики. Абсолютная монополия на политическую власть породила привилегии на занятие любых управленческих должностей, не неся ответственности за само управление. Абсолютная монополия на духовную жизнь граждан породила привилегии избранных на истину, на правду, на информацию.

Все эти привилегии воспроизводились через механизмы спецраспределений, через номенклатурные назначения, через цензуру. И это привело к тому, что мы имеем сегодня,— к расхождению социальных идеалов народа и паразитирующей бюрократии, к появлению стены отчуждения между ними. А в конце концов — к всеобщей моральной деградации общества, и особенно власти. Не может быть и речи о каком-либо правовом регулировании общественных отношений, если и дальше будут сохраняться в сущности сословные привилегии, и тем самым права человека останутся фикцией...

Наш разговор происходил еще до августовских событий, потрясших мир. За несколько дней удалось достичь того, за что, как ожидалось, пришлось бы бороться и долго, и упорно. Не стало КПСС, и секретные совместные постановления партии и правительства о льго-

тах и привилегиях номенклатуры превратились в пустые бумажки. Очевидно, в скором времени будет разработан и принят Закон о государственной службе, где будет четко обозначено, какими преимуществами могут пользоваться руководители государства. Ведь преимущества, скажем, в транспорте, связи у них, как и во всем мире, должны быть. Однако станет ли одно лишь принятие нового Закона надежной гарантией того, чтобы в старых госдачах не появились новые, но по старым порядкам живущие чиновники? Чтобы новые генералы не продолжали бороздить небо в персональных самолетах?

Похоже, не с того конца начали мы строить правовое государство. Естественно, когда закон идет вслед за реформой, мы же попытались сделать наоборот. И получили в итоге ту самую войну законов, всеобщий правовой нигилизм. Во избежание новых ошибок неплохо бы обратить внимание на мысль Н. Игнатовича о том, что истинной причиной того абсолютно безнравственного и противоправного положения, которое сложилось у нас с номенклатурными льготами и привилегиями, стал не законодательный беспредел. Он — следствие. Причина же прежде всего в монополии. Монополия одного класса на власть, собственность, духовную жизнь. И только ликвидация, полная, безоговорочная, самой возможности существования этой монополии, чьей бы она ни была, пусть даже находилась бы в руках самых умных и справедливых людей на свете, даст возможность по-настоящему действовать, в том числе и законам о приватизации, собственности, госслужбе.

Иначе архипелаг номенклатуры очень скоро может возродиться. Да он, собственно, пока и не ликвидирован.

ИЗ ПАМЯТНИКОВ • ПРАВА •

Если человек возьмет жену и не заключит письменного договора, то эта женщина — не жена.

Если жена человека будет захвачена лежащей с другим мужчиною, то должно их связать и бросить в воду. Если хозяин сохранит жизнь своей жене, то и царь сохранит жизнь своего раба.

Если человек покидает свою первую супругу, не родившую ему детей, то он должен от-

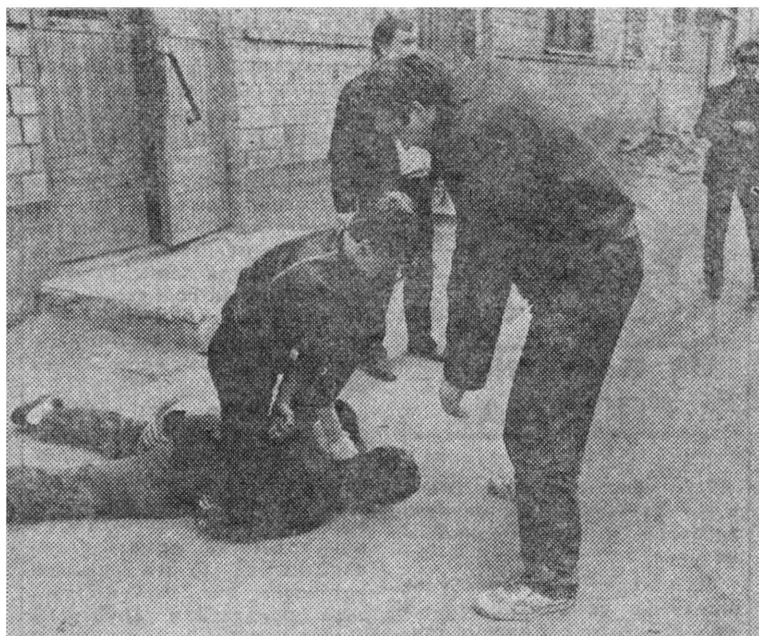
дать ей серебро в сумме ее выкупа, а также восполнить ей приданое, принесенное ею из дома ее отца, и может покинуть ее.

Если жена человека, которая живет в доме человека, вознамерится уйти и станет поступать расточительно, станет разорять свой дом, позорить своего мужа, то ее должно изблечь, и если ее муж решит покинуть ее, он может покинуть ее; он может в ее путь не давать ей никакой разводной платы. Если ее муж решит не покидать ее, то муж может взять замуж другую женщину, а та женщина должна жить в доме мужа как рабыня.

Если жена возненавидит своего мужа и скажет ему: «Не касайся меня», то должно исследовать ее дело среди ее соседей. Если она целомудренна и беспорочна, а ее муж ходит из дома и очень порочит ее, то эта женщина невиновна; она может взять свое приданое и уйти в дом своего отца.

Если она не целомудренна и ходит из дома, разоряет свой дом, позорит своего мужа, то эту женщину должно бросить в воду.

Законы Хаммурапи, царя Вавилона. XVIII в. до н. э.

АХ, ОДЕССА,

Жемчужина у моря вступила в бархатный сезон. Я приехал из аэропорта под вечер, вселился в гостиницу и вышел погулять. Снизу по Дерибасовской валил пляжный народ — в шлепанцах, шортах, майках. Валил степенно и неспешно, изредка задерживаясь у рекламных щитов с физиономиями популярных артистов и иногда заплывая в двери магазинов. Продмаги продавали водку и портвейн. Но продавали

только избранным — тем, у кого имелись купоны. И потому не было видно ни горляющих очередей, ни пьяных.

Когда стемнело, людей на тротуарах стало больше, а суеты не прибавилось. Никто, казалось, никуда не торопился. Но все куда-то шли, шли так же степенно и неспешно, как и днем. Я завернул в одно кафе поужинать, в другое — выпить чашку кофе. И там и тут посетителей было негусто.

Спиртное рекой не лилось по той, видимо, простой причине, что спиртное стоило бешеных денег. За столиками велись задушевные беседы.

Допоздна не затихали голоса в крохотных двориках среди старых двухэтажек: на лавочках мирно толковали взрослые, с гамом носились вдоль и поперек дети, некоторые — в ночных рубашках. Окна во многих домах были распахнуты нас-

тежь: иди и смотри — кто посуду моет, кто стелет постель. Настежь же были раскрыты окна и двери в ресторане, где пела и плясала свадьба.

В гостиницу я вернулся за полночь, и в этот час наискось от нее — на улице Красной Армии еще вовсю торговали роскошными букетами цветов. Жизнь в Одессе выглядела абсолютно безоблачной: кругом тишь да благодать.

Утром в горотделе милиции мне дали последнюю сводку происшествий: за минувшие сутки в богоспасаемом с виду городе было совершено свыше 50 преступлений. А всего за первые двадцать дней месяца преступлений в Одессе было совершено 725. В том числе: 2 убийства, 2 разбойных нападения, 4 изнасилования, 19 тяжких телесных повреждений, 57 грабежей, 484 кражи. Жизнь в Одессе, увы, не безоблачна. И с каждым месяцем она становится все менее и менее безоблачной: с 1 января 1991 года по конец лета общее число зарегистрированных преступлений возросло на 20,5 процентов по сравнению с тем же временем 1990 года. И одесситам, и тем, кто со всей страны едет на пляжи жемчужины у моря, приходится все чаще опасаться и за свою жизнь, и особенно за свое имущество.

Грабят в Одессе по-разному. Грабят по-тихому слабых, неспособных за себя постоять. У жительницы Каунаса Черкасовой неизвестный парень на пляже вырвал сумку, где были деньги, паспорт, удостоверение участника Великой Отечественной войны и пенсионное удостоверение. У одесситки Рехтер незнакомый ей молодой человек сорвал на улице с груди бусы из желтого металла и, не торопясь, скрылся.

Грабят и со скандалом тех, кто может оказать сопротивление. В яхт-клубе Дворца моряков гражданин Родионов был вначале избит, а затем у него отобрали часы и кошелек с 600 рублями.

Обворовыванию в Одессе может быть подвергнут любой человек, любая организация и любое учреждение и предприятие. Воруют в городе жалкие шмотки у отдыхающих со скромным

достатком. Москвички Иванова и Новоселова оставили открытым окно в снимаемой ими комнате и, вернувшись с моря, не нашли на месте спортивный костюм, постельное белье, юбку и платье. У семьи Андреевых так же через открытое окно в гостинице были украдены детские джинсы, мужские брюки и 10 метров портьерной ткани.

Воруют у неширко бдительных малосостоятельных одесситов. У пенсионерки Родченко среди бела дня были вынесены из дома два костюма, два обручальных кольца и велосипед «Украина». У воспитателя школы-интерната Смирновой опять-таки среди бела дня были похищены из квартиры три юбки, две кофты, плащ, свитер, туфли.

Воруют в Одессе из-за желания поесть-попить, идя при этом на риск получить суровую статью за кражу со взломом. В детсаду по улице Махачкалинской украдены 25 банок сгущенного молока и 7 банок зеленого горошка. Из 104-го магазина горхлебторга похищен ящик персиков.

Воруют все, что не шибко ценится распорядителями имущества и что плохо лежит. Со склада ДСУ-32 украдены газовая плита и оконный блок. Из приемной директора института «Укрмедремпроект» похищен кондиционер. Через окно в цехе у объединения «Акация» изъяты 26 женских халатов и 180 бюстгалтеров, а с завода «Промсвязь» таким же образом унесены три рулона обоев.

Воруют и то, чем владельцы дорожат. Из бара «Горизонт» похищены 57 инвалютных рублей, шнуры от магнитофона и видеокассеты на 1800 рублей. У акционерного общества «Гамма» украдены импортные теле-

фонные аппараты «Шарп», «Тесла» и «Вита». Из комбинаата «Одесстранстрой» выкрадены приборы «Виброграф», «Арматура» и два калькулятора.

Абсолютное большинство выше упомянутых преступлений, как и большинство всех им подобных, совершается непрофессионалами, то есть людьми, для которых грабёж и воровство не являются главным источником существования. Профessionалов не интересуют ни дамские сумочки пенсионерок, ни юбки, ни банки со сгущенкой, ни шнуры от магнитофона. Их интерес, как правило, привлекают совершенно иные предметы наживы, принадлежащие особой категории одесситов и гостей города.

Незадолго до моего приезда в Одессу с заявлением в милицию обратился начальник одного из местных РСУ. Из его квартиры «чудесным» образом уплыли: два золотых перстня с бриллиантами и золотой перстень-сеточка, два золотых кольца и пять золотых цепочек. Примерно в то же самое время поступило и заявление от медсестры с улицы Богатовой, у которой были похищены из квартиры четыре меховых шапки (норка, ондатра, чернубурка и голубой пёсец), горжетка из чернубурки, кожаное пальто и дубленка, вязаная шерстяная кофта, три вазы из кобальта, инкрустированная драгоценными камнями шкатулка, кольцо с бриллиантом, золотая цепь, золотое кольцо-ветка, набор французской парфюмерии и две пары арабского белья.

Принимая заявления с такими списками уворованного, милиция не вправе полюбопытствовать у потерпевших, как удалось им занять столько добра. И хотя любому из милицеских сотрудников ясно, что да-

же самым доблестным трудом в стройуправлении или больнице невозможно заработать на имущество, оцениваемое в сотни тысяч рублей, уголовные дела заводятся и розыск похитителей ведется полным ходом. В результате складывается презабавная ситуация: одни преступники наживают себе состояние жульническим способом, вторые — обворовывают этих первых преступников и органы МВД, расходуя огромные государственные средства, а стало быть, и средства честных граждан, занимаются поиском вторых.

За последние шесть месяцев квартирных краж в Одессе совершено (по явно заниженным оценкам потерпевших) на сумму, равную почти 7 миллионам рублей. Само собой разумеется, что эти миллионы слагаются не из стоимости похищенных юбок, брюк и велосипедов. Величину общей суммы краж определяют крупные кражи. А их милиция вынуждена расследовать в первую очередь, ибо совершаются они, как правило, более матерыми преступниками. И получается, что среди всех страдающих от воровства наибольшую защиту государства получают не честные граждане, у которых отнимают последнее, а жулики-богатеи. Констатируя это, я вовсе не хочу далее сказать: да здравствует социальная справедливость — нет розыску преступников, крадущих у богачей, источники доходов которых неизвестны. Такой призыв был бы равнозначен призыву к отмене элементарных норм правопорядка. Источники дохода, как и имущественное состояние каждого гражданина должны быть открыты для государственного контроля. Необходимость этого доказывается и опыт процветающих

стран, в обыкновенный взрывной смысл: если государству ведомо, какое наследство ты получил и какую сумму составляет твой ежегодный заработок, то при таком обстоятельстве тебе невыгодно становиться воровать, ибо потом на ворованное будет трудно приобрести недвижимость, то есть будет трудно воспользоваться «грязными» деньгами. И, следовательно, ты трижды подумаешь, прежде чем хапнуть нечто. Введение финансовой отчетности о личных доходах важно и нужно. Но требовать ее вправе лишь специальная государственная инспекция, действующая на основе соответствующего закона. Дело же милиция — предотвращать и раскрывать преступления, разыскивать и предавать суду преступников вне зависимости от того, кто от них пострадал: праведники-бедняки или плугы-богачи. В этом мире все взаимосвязано, и оставленный сегодня без наказания произвол против одних завтра может обернуться и против других.

Одесская милиция в настоящее время, увы, очень часто оказывается не в силах помочь обращающимся к ней ни бедным, ни богатым. К началу бархатного сезона в городе оставались нераскрытыми 91,9 процента совершенных разбоев, 86,9 процента грабежей и 60 процентов убийств. По сравнению с 1990 годом общее число нераскрытых преступлений возросло на 10,5 процента. Причине всему тому одна: ряды преступников увеличиваются количественно и возрастают качественно значительно быстрее, чем мощь милиции.

Специалисты из МВД СССР определили, исходя из существующей практики, что работник уголовного розыска может ус-

пешно работать, если ему приходится раскрывать не больше 25—30 преступлений в год. Одесская же статистика такова: на одну штатную единицу в уголовном розыске приходилось в 1989 году — 44 преступления, в 1990 — 51, а в 1991 — 54. Чтобы уголовный розыск получил шанс для нормального исполнения своих обязанностей, ему надо пополнять штат еще 300 сотрудниками,

Офицер, который назвал мне упомянутые цифры, вспомнил при этом старый анекдот: посетительница в зоопарке, видя, как у склада слонownika разгружается машина с фруктами, спрашивает у грузчика: «Скажите, пожалуйста, а слон может все это съесть за один день?». Грузчик почесал затылок и ответил: «Съесть-то он съест. Только кто ему такие хорошие фрукты отдаст». Милиция в Одессе, по словам офицера, находится сегодня в таком же положении, как тот слон в зоопарке: средств ей дают столько, что она способна влечать лишь жалкое существование. Беда ее не только в нехватке должного числа работников, но и в отсутствии у имеющегося состава работников необходимого качества. Об этом также красноречиво свидетельствует статистика. Хотя цифры и не могут дать полного представления о качестве, но тем не менее углядеть за ними можно многое.

73 процента сотрудников одесской милиции служат в ней менее пяти лет и, следовательно, не имеют ни достаточных профессиональных навыков, ни необходимого знания криминальной среды. 16 процентов сотрудников проработали в органах МВД двадцать — двадцать пять лет и, стало быть,

уже успели растерять и здоровье, и столь важные для розыскной службы азарт и желание самоутверждения. Сложим теперь 73 и 16, и станет видно, что опытных, но не приближающихся к пенсионному возрасту среди стражей порядка ничтожно мало.

Объяснять то, почему работника в милицию сегодня трудно «завербовать» и трудно его в ней удержать, наверное, не имеет смысла, ибо всем известно, что ни зарплату, ради которой резонно рисковать, ни сносных условий труда и быта она предоставить не может. Жизнь повернулась так, что классному милиционеру стало более выгодно служить тем, против кого милиция должна бороться. Доказать это цифровыми и прочими сравнениями невозможно, поскольку в данном случае не все поддаётся сравнению. Поэтому расскажу лишь о двух своих наблюдениях.

На третий день командировки я поехал на знаменитый одесский пляж «Аркадия». Вышел из троллейбуса у парка, за которым начинался пляж, и увидел, как неподалеку от главной аллеи остановился роскошный импортный лимузин с номерами Одессы. Из него почти одновременно выскользнули водитель и сидевший с ним рядом такой же крепко скроенный молодой человек. Лица их были шоколадного цвета, движения уверенны и спокойны. Неторопливо оглядевшись по сторонам, они шагнули к задним дверцам автомобиля, открыли их и выпустили мужчину лет сорока пяти и юную длинноногую красавицу. Что собой представляла вся эта компания, догадаться было несложно: босс некоего синдиката, его подруга и двое охранников. Прежде

чем тронуться к берегу моря, босс что-то сказал одному из молодых людей. Тот достал из машины радиотелефон, соединился с абонентом и передал трубку хозяину. Разговор длился минут пять. Затем хозяин позволил красавице взять себя под руку и направил стопы по аллее. Охранники шли в двух метрах сзади. На пляже компания выбрала малолюдное место. Молодые люди вынули из двух вместительных сумок матрасы, нагнали в них воздуха, расстелили между ними скатерть и расставили на ней кофейнички, фрукты, несколько бутылочек и рюмки с фужерами. Босспил коньяк, красавица — шампанское. Охранники к рюмкам с коньяком тоже прикладывались, но не осушали их. Зато ели много и с аппетитом. Особенно мне бросилось в глаза то, что одежда у босса выглядела значительно скромнее, чем у охранников. На них были кроссовки и джинсы, майки и плавки, которые ни в одной комиссионке Одессы я не видел. Сколь дорого стоила не дошедшая до прилавков одежда охранников и сколь много они получали за свой труд, сводящийся к разъездам на лимузине и поеданию деликатесов вместе с хозяином, можно было лишь предполагать.

Половину следующего дня я провел в областном УВД. И, топя со своими вопросами из кабинета в кабинет, не мог не обратить внимания на то, что в отличие от загорелых, бодрых, «упакованных в фирму» охранников местного мафиози главные стражи порядка в области выглядели усталыми и поникшими. Лица их были бледны, а одежду они носили швейцарскую. Обедал я в столовой управления. Офицерам со многими звездами на пого-

нах там было предложено: салат из консервированных кабачков, щи с какой-то белесой пленкой и вареная рыба с затхлым запахом. Стоило все это около трех рублей.

После обеда сотрудники шестого отдела УВД обещали взять меня с собой на операцию по захвату группы рэкетиров. В условленное время я спустился к главному подъезду управления, где уже стояли сотрудники отдела, но поехать с ними мне было не суждено. Забарахлил один из назначенных им автомобилей. А их было пятеро, и они сами едва втиснулись в единственный «Жигуль».

Из отчета о проведенной операции я выписал потом следующее: «После получения от гражданки Павлюк 50 тысяч указанные лица были задержаны. У них изъяты названная сумма денег, два автомобиля, 3 тысячи долларов и граната Ф-1». Выписал я это, потому что вспомнил: ни у одного из пяти сотрудников, отправлявшихся на захват, не было под пиджаками облегченных бронежилетов. А вспомнив о том, я взялся спрашивать: почему не было — ведь рэкетеры могли и гранату взорвать, и стрельбу открыть? Оказалось, что не надевались бронежилеты по той причине, что их в УВД нет. Как нет в управлении и облегченных автоматов. Не хватает в нем и видеотехники, малогабаритных радиопередатчиков, радиомикрофонов, портативной фототехники. Но главное, чего не хватает сотрудникам УВД, это веры в то, что когда-нибудь работа их станет легче и результативнее.

Преобразования, произведенные под прикрытием туманного слова «перестройка», породили массовую нищету и смели

многие из тех нравственных преград, которые прежде хоть как-то удерживали людей от криминальных соблазнов. В результате противоправные деяния, совершаемые от безысходности, обреченности и моральной распушенности, все нарастают и нарастают. А поскольку усилила власть имущих для того, чтобы улучшить жизнь народа, чтобы укрепить службу правопорядка, результатов не дают, то руки у работников милиции опускаются все больше и больше. Это первая причина их пессимизма, но не последняя. Если до 1985 года вести борьбу с организованной профессиональной преступностью было трудно из-за несовершенства законов, не признававших наличия в стране таковой преступности, то с расцветом перестройки бороться с ней стало практически невозможно. И те уголовные кланы, которые раньше грабили народ тайно, стали теперь это делать открыто. Спекулянты-торгаши и теневики-предприниматели выбрались из подполья, открыли кооперативы, учредили СП и малые предприятия и продолжили с еще большим размахом делать деньги на игре цен: одни, скупая сырье по госрасценкам, продают товары по ценам договорным, другие просто-напросто берут на госторговых базах и складах партии товаров и, не таясь, как прежде, перепродают их втридорога. Раньше это называлось спекуляцией, теперь — бизнесом.

Почти одновременно с легализацией спекулятивно-теневых капиталов началось его сращивание с профессиональными бандитами. Последние, взяв на себя функции охраны новоявленного бизнеса, с успехом урывают свою долю от открытого ограбления населения, Ко.

миссионерский магазин в Одессе выплачивает, например, в среднем собственной службе охраны 10 тысяч рублей в месяц.

Легальный разбой здравствует и процветает. Борются с ним милиция не вправе (спекуляция — это бизнес, а бизнесмены — уважаемые люди). И ей теперь остается лишь наблюдать за тем, как он набирает силу, и время от времени разнимать драки между различными кланами бизнесменов и их охранниками. Драки эти возникают из-за раздела сфер влияния и отличаются чрезвычайной жестокостью: борьба идет не на жизнь, а на смерть — уже было четыре трупа. В последние месяцы борьба особенно обостряется, так как стартовала приватизация государственной собственности и каждый из кланов, не выбирая средств, стремится отхватить как можно больше лакомых кусочков. Цена их очень высока, ибо хозяевами жизни в скором будущем станут владельцы капиталов и недвижимости.

Первый, начальный этап господства в Одессе криминально-

го бизнеса ознаменовался пустыми полками в госмагазинах и бешеными ценами в кафе: ни в одном из них, не принимая ни грамма спиртного, мне не удавалось поужинать дешевле своего дневного заработка. Что же будет в славном городе, манящем к себе тысячи людей, тогда, когда приватизация закончится и ассы спекуляции сделаются распорядителями всего и вся.

В дни моей командировки я не однажды слышал разговоры о том, что Одессе поскорее надо получить статус вольного торгового города. Сторонники этого почему-то абсолютно уверены, что в их городе всенепременно удастся рынок западноевропейского образца. Но оснований так полагать не разыщешь днем с огнем. Сегодня Одесса полным ходом идет к рынку в гангстерско-колумбийском его варианте. И вполне возможно, что в недалеком завтра известную песенку: «Ах, Одесса, жемчужина у моря...» уместнее будет начинать: «Ох, Одесса...»

ЮРИДИЧЕСКИЙ

ПРАКТИКУМ

Задача 1

Крутикова, рабочая кондитерской фабрики, похитила в цехе килограмм конфет, стоимостью 4 рубля, и была задержана на проходной.

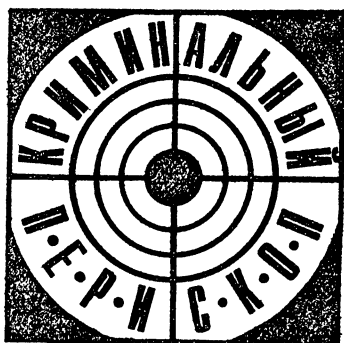
Совершила ли Крутикова преступление?

Задача 2

Сальников перед отъездом в длительную командировку до-

говорился с Лопуховым, что поставит свою машину в его гараж. Вопреки существовавшей между ними договоренности, Лопухов в течение года пользовался машиной Сальникова. Вернувшись из командировки, Сальников написал в прокуратуру заявление с просьбой привлечь Лопухова к уголовной ответственности за умышленное повреждение его имущества, так как за год незаконного использования технического состояние машины ухудшилось.

Есть ли основания для возбуждения уголовного дела?

По сообщениям из Манагуа, в результате перестрелки между так называемыми «реконтрас» и бойцами местного патруля полиции и армии один человек погиб и один получил ранения. «Реконтрас» — группа бывших членов никарагуанского сопротивления. Свидетель перестрелки сообщил, что все произошло, когда около двадцати вооруженных автоматами и гранатометами «реконтрас» неожиданно повстречались на шоссе с силами охраны порядка.

Вооруженные группировки бывших членов сопротивления добиваются от правительства Никарагуа роспуска Сандинистской народной армии и выполнения обещаний о выделении им земельных участков и оказании экономической помощи.

Китайская печать сообщила о казни в Пекине пяти казнокрадов и взяточников. Их называют «экономическими преступниками». Один из них, Гуань Чжицэн, секретарь парткома сталелитейной компании, с 1986 по 1990 год получил в виде взятки более 1,4 миллиона юаней, расхитил из общественных средств еще 80 тысяч,

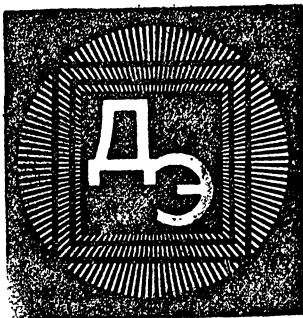
с помощью своей любовницы и других сообщников спекулировал жильем. Немалый ущерб нанесли и другие казенные.

Приговор призван продемонстрировать решимость властей в объявленной несколько лет назад войне с коррупцией, за создание «чистой и неподкупной» администрации.

По сообщениям из Ирака, страну в буквальном смысле слова захлестнула волна организованной преступности. Ежедневно МВД сообщает о раскрытии все новых преступных группировок в различных районах. В иные дни число обезвреженных банд доходит до десятка. В качестве основных причин разгула преступности газеты приводят резко подскочившую безработицу, нехватку продовольствия и товаров широкого потребления. На первом месте по числу преступлений — угон автомашин с последующей разборкой их на запчасти. Далее идут налеты на банки и крупные магазины, квартирные кражи, разбойные нападения.

В иранском городе Захедан казнены 20 контрабандистов наркотиками. Они были захвачены в перестрелке с военнослужащими, а также с провинциальными силами полиции и безопасности. Им предъявлены обвинения не только в контрабанде наркотиков, но и в вооруженном выступлении против государства. Преступники терроризировали местное население, обстреливали из гранатометов бензовозы, убивали полицейских.

Подготовил
Геннадий ЧАРОДБЕВ

ВРЕМЕННЫЕ РАБОТНИКИ—это, естественно, те, кто устроился на работу временно. Но время—понятие растяжимое. Поэтому законодательство уточняет, что временными признаются рабочие и служащие, заключившие трудовой договор на срок до 2 месяцев, а для замещения временно отсутствующих работников, за которыми сохраняется их место работы (должность),— до 4 месяцев.

Разумеется, столь непродолжительные трудовые отношения имеют свою специфику.

При приеме на временную работу не устанавливается испытательный срок.

Временные работники могут уволиться по собственному желанию, предупредив об этом администрацию письменно за 3 дня. Администрация же может по своей инициативе расторгнуть с ними трудовой договор как по общим основаниям, установленным для постоянных работников, так и по дополнительным. К ним относятся:

а) приостановка работы на предприятии, в учреждении, организации на срок более одной недели по причинам производственного характера, а также сокращение работы в них;

б) неявка на работу более 2 недель подряд вследствие временной нетрудоспособности (в случае утраты трудоспособности от трудового увечья или профессионального заболевания, а также когда законодательством установлен более длительный срок сохранения места работы (должности), при определенном заболевании (например, при туберкулезе) за временным работником место работы (должность) сохраняется до восстановления трудоспособности или установления инвалидности, но не более чем до окончания срока работы по договору);

в) неисполнение рабочим или служащим без уважительных причин своих трудовых обязанностей.

При увольнении из-за приостановки или сокращения работы, а также в других случаях, предусмотренных законодательством для всех рабочих и служащих, временные работники имеют право на выходное пособие. Но размер его ниже, чем у постоянных, — трехдневный средний заработок. Лишь временные работники, призванные в армию, получают его полностью — в размере двухнедельного заработка.

Пособие по временной нетрудоспособности выплачивается временным рабочим и служащим не более чем за 75 календарных дней (за исключением случаев трудового увечья и профессионального заболевания, когда действуют общие правила).

Лица, заключившие трудовой договор на срок не свыше 6 дней, могут быть в пределах этого срока привлечены к работе в выходные и праздничные дни. Причем другие дни отдыха им не предоставляются, и оплата производится в одинарном размере.

Как видите, особенности труда временных рабочих и служащих довольно существенны, поэтому лица, принимаемые на такую работу, должны быть предупреждены о них.

И еще следует иметь в виду: если временный рабочий или служащий проработал соответственно свыше 2 или 4 месяцев и ни он, ни администрация не потребовали прекращения трудовых отношений либо если он был уволен, а затем вновь принят на то же предприятие и перерыв в работе был не больше одной недели, а срок работы до и после перерыва привысил соответственно 2 или 4 месяца, то трудовые отношения с такими работниками считаются продолженными на неопределенный срок, и они не являются временными с самого начала работы.

ВСТРЕЧНЫЙ ИСК. Не слишком логично рассказывать о встречном иске читателю, плохо представляющему себе, что такое иск вообще. Увы, энциклопедии строятся не по логическому принципу, а по алфавитному. И до просто «иска» мы дойдем лишь к концу года. Будь наша энциклопедия уже полностью готова в виде книжки (такую книжку вы получите года через два, если, конечно, будете выписывать «Человек и закон»), выход из создавшегося положения был бы прост: см. статью «Иск». Не раз, наверное, видели такие сноски в словарях. Нам же, учитывая издержки «периодично-энциклопедического» жанра, остается лишь уповать на то, что читатель у нас довольно грамотный в правовом отношении (надеюсь, не без нашей помощи).

Напомним только, что иск — это обращение в суд за защитой своего нарушенного или оспариваемого права. Тот, кто предъявляет иск, — истец, тот, к кому он предъявлен, — ответчик. Так, вот, встречный иск — одно из средств защиты ответчика против иска. Это — самостоятельное исковое требование ответчика к истцу, заявленное в суд для совместного рассмотрения с первоначальным иском.

Допустим, к вам предъявили иск о взыскании 10 тысяч рублей — своевременно не возвра-

ценный долг. А у вас к истцу свои претензии: он снимает комнату в принадлежащем вам доме и не хочет ее освободить, хотя срок договора найма истек. Можете ли вы предъявить встречный иск о выселении?

Гражданское процессуальное законодательство допускает предъявление встречного иска в трех случаях.

Во-первых, если встречное требование направлено к зачету первоначального. Например, в ответ на иск о взыскании с предприятия невыплаченной заработной платы администрация предъявит к работнику иск о возмещении материального ущерба.

Во-вторых, если удовлетворение встречного иска исключает (полностью или частично) удовлетворение первоначального. По делу о взыскании алиментов возможен встречный иск ответчика о признании недействительной записи его в органах загса отцом ребенка. Действительно, если будет оспорено отцовство, автоматически отпадает и вопрос об алиментах.

В-третьих, если между встречным и первоначальным иском имеется взаимная связь и их совместное рассмотрение приведет к более быстрому и правильному рассмотрению споров. Классический пример: встречный иск о разделе имущества в бракоразводном процессе. Все вопросы, свя-

занные с распадом семьи, лучше решать одним разом.

Как видите, встречный иск о выселении ни одному из этих условий не отвечает. Выселение из занимаемой комнаты никак не снимает спора о возврате долга и вообще мало с ним связано. Невозможно и представить себе удовлетворение взаимных претензий путем зачета. Согласно статье 229 Гражданского кодекса России, зачетом прекращаются встречные однородные обязательства. Попробуйте привести к общему знаменателю деньги и выселение. Не получается. Поэтому такой встречный иск суд не примет. Он примет обычный иск о выселении и рассмотрит его в самостоятельном процессе. Но это нас сейчас не интересует. Вернемся к встречному иску.

Он может быть заявлен (при наличии хотя бы одного из трех перечисленных выше условий) до вынесения решения по первоначальному иску, практически — до удаления суда в совещательную комнату. Предъявляется встречный иск, по общим правилам, путем подачи искового заявления со всеми реквизитами и с уплатой государственной пошлины.

Подсудность встречного иска (опять хочется написать: см. статью «Подсудность») обусловлена связью с первоначальным иском, и он

предъявляется в тот суд, который рассматривает иск первоначальный. Иные правила подсудности здесь не действуют (часть 2 статьи 121 ГПК России). Принятие встречного иска оформляется определением суда.

Рассмотрев в одном процессе два (а может

быть, и больше) иска, суд в своем решении должен отразить мотивировку и суть постановления по каждому из исков. Если произведен зачет требований, из решения должно быть ясно, что и кому в конечном счете присуждается.

ИЗ ПАМЯТНИКОВ • ПРАВА •

Ни один свободный человек не будет арестован, или заключен в тюрьму, или лишен владения, или каким-либо (иным) образом обездолен, и мы не пойдём на него и не пошлём на него иначе, как по законному приговору равных ему и по закону страны.

Никому не будем продавать права и справедливости, не будем никому отказывать в них или замедлять их.

**Великая хартия вольностей.
Англия. 1215 г.**

Гражданские права военного человека

«Специфика службы не позволяет воинам пользоваться всеми правами и свободами граждан нашей страны. Посудите сами, военнослужащие срочной службы проживают не дома, а в казарме, офицеры служат там, куда их назначат, и т. п.

Так могут ли военнослужащие быть полноправными гражданами? Или это лишь красивая фраза, записанная в наших законах?»

С. СЕВАСТЬЯНОВ, сержант

Редакция попросила ответить на этот вопрос полковника юстиции **Н. АРТАМОНОВА**, доктора юридических наук, профессора.

Идея гражданского подчинения военнослужащих — одна из наиболее привлекательных и демократичных в области военного строительства. Это тот предел, к которому должно стремиться правовое государство при законодательном определении статуса военнослужащего. Но достигим ли он реально? Увы, если реально принять во вни-

мание объективные требования и особенности военной службы, на этот вопрос придется дать отрицательный ответ. Специфика службы требует от военнослужащих жить не там, где хочется, а там, где надо; быть в постоянной боевой готовности (в том числе в любое время прибыть в свою часть по тревоге или по вызову), поддерживать обязатель-

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

ную воинскую дисциплину и безоговорочно повиноваться командирам и начальникам, не щадить своих сил и самой жизни при выполнении воинского долга и др.

Однако советское законодательство с первых дней своего существования провозглашало и закрепляло абсолютное гражданское полноправие военнослужащих. Этот принцип был закреплен в Декрете СНК РСФСР о создании армии и флота (январь-февраль 1918 года) и в Декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 30 сентября 1922 года «Об обязательной воинской повинности для всех граждан РСФСР мужского пола». Правда, в последующие годы сущность правового положения военнослужащих нашла в законодательстве более реальное отражение. Так, в Законе об обязательной военной службе 1930 года записано: «Военнослужащие и военнообязанные в течение всего времени отбывания службы пользуются всей полнотой прав, предоставляемых трудящимся согласно конституции союзных республик и другим законам Союза ССР и союзных республик, поскольку настоящий закон не устанав-

ливает для них изъятий, вытекающих из особых условий военной службы».

Трудно не согласиться с объективностью данной формулировки. Думается, она вполне отвечает реальным условиям и современной военной службы, суть которой в этом отношении за прошедшие годы вряд ли изменилась, а если и изменилась, то отнюдь не в сторону облегчения ее условий. Именно особые условия службы и затрудняют для военнослужащих осуществление многих предусмотренных Конституцией прав.

Так, гражданин, определяемый на действительную военную службу, может осуществить право на труд лишь в рамках воинской обязанности: либо путем поступления в военно-учебное заведение и прохождения в последующем службы в качестве офицера, либо в форме прохождения срочной, а затем при желании и сверхсрочной службы.

Размещение военнослужащих срочной службы в казарме, прохождение службы офицерами в местностях и должностях, определяемых органами военного управления, сви-

детельствуют об ограниченной (по сравнению с другими гражданами) свободе передвижения военнослужащих.

Практически постоянное пребывание в боевой и мобилизационной готовности не позволяет полностью гарантировать военнослужащим право на отдых, в частности на установленные законом продолжительность рабочего времени и дни еженедельного отдыха.

С определенными ограничениями реализуется военнослужащими и право на образование. Так, военнослужащим срочной службы не разрешается поступать в гражданские высшие и средние учебные заведения и обучаться в них. Офицеры, прапорщики, мичманы, военнослужащие сверхсрочной службы могут обучаться на заочных и вечерних отделениях гражданских учебных заведений, но только если профиль вуза соответствует (является родственным) их военной специальности и командованием дано соответствующее разрешение.

При подаче предложений, заявлений и жалоб военнослужащий обязан руководствоваться Дисциплинарным уставом

Вооруженных Сил. А им не предусматривается право военнослужащего обращаться с жалобами в суд (по вопросам военной службы, разумеется).

В отношении военнослужащих пока не действуют правила (а в военное время, видимо, и не могут действовать) о возмещении вреда здоровью, причиненного при исполнении служебных обязанностей. Нельзя не признать, наконец, что возложение на военнослужащего обязанности «не щадить своих сил и самой жизни при выполнении воинского долга» может рассматриваться как определенное ограничение права на охрану здоровья.

Перечисление правовых ограничений, установленных для военнослужащих, можно было бы продолжить. Все они предусмотрены в интересах обороны, государственной безопасности и общественного порядка и не противоречат положениям Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах. Подобные ограничения неизбежны, и в них нет ничего предосудительного. Важно только, как отмечается

в Пакте, чтобы они, во-первых, были установлены законом и не вели к отрицанию соответствующих прав; во-вторых, применялись ко всей категории лиц, на которых они распространяются, без какой-либо дискриминации и, в-третьих, не противоречили обязательствам, взятым на себя государством по международным соглашениям.

Тем не менее в нашей стране с «застойных» времен все еще действует включенная в Закон о всеобщей воинской обязанности 1967 года констатация якобы абсолютного гражданского полноправия военнослужащих. И, судя по последнему проекту Закона об обороне, от нее пока не собираются отказываться. Видимо, по-прежнему принимается во внимание кажущаяся политическая привлекательность этой констатации. На самом же деле, именно в политическом плане, в данном случае скорее мы проигрываем от того, что законодательно закрепляем положение, не соответствующее действительности. Было бы более честно, а потому и более целесообразно записать, скажем, в Законе о ста-

туса военнослужащих: «военнослужащие пользуются правами и свободами граждан страны с изъятиями и ограничениями, обусловленными особенностями военной службы и установленными настоящим Законом».

Исходя из таких особенностей военной службы, как полное единоначалие и безусловность воинского повиновения, следует признать известную условность и политического полноправия военнослужащих. Можно ли, например, считать в полной мере реальными для них свободы слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций? Но, с другой стороны, не будет ли причинен ущерб обороне страны, если в условиях политического плюрализма и многопартийности эти свободы для военнослужащих никак не ограничивать? Ответ тут придется дать положительный. А поэтому необходимо, например, допускать участие военнослужащих лишь в шествиях и демонстрациях неполитического характера.

Целесообразно ограничить и право военнослужащих избирать и быть избранными в органы государственной власти. По

крайней мере, в случае избрания они должны на период выполнения этих обязанностей увольняться со службы.

Военнослужащим следует запретить вступать в политические партии, а ранее имевшееся членство в них на период военной службы приостанавливать.

Вместе с тем, от некоторых необоснованных ограничений, установленных для военнослужащих, следовало бы отказаться. Так, можно было бы признать правомерной их предпринимательскую деятельность, но в предусмотренных формах, в неслужебное время и при приоритете интересов военной службы.

Правдивое, адекватное реалиям отражение в законодательстве специфики правового статуса военнослужащих способствовало бы формированию в нашем обществе правильного отношения и к установленным для военнослужащих преимуществам (льготам), являющимся справедливым компенсатором трудностей военной службы.

Социальную защищенность военнослужащих, о необходимости которой сейчас много и справедливо говорят, надо усили-

вать не за счет формального провозглашения их полноправия, а путем установления законодательных гарантий, надлежащих материально-бытовых условий и правового положения военнослужащих и их семей. Не секрет, что сегодня военнослужащие далеко не в полной мере обеспечиваются жильем, имеют невысокое (по сравнению с другими государствами) денежное содержание и т. д. Иными словами, пока у нас продолжает иметь место некомпенсируемость трудностей военной службы предоставлением соответствующих материально-бытовых благ. Устранять ее надо незамедлительно и, конечно же, не за счет традиционных призывов к патриотизму и добросовестности. Учитывая нынешнее состояние экономики и международную обстановку, нам необходимо идти по пути сокращения Вооруженных Сил и использования освободившихся за счет этого средств для повышения жизненного уровня их личного состава и качества их профессиональной подготовки. С этим напрямую связаны интересы обороны нашей страны, боеспособность и авторитет армии.

Наш корреспондент Игорь ВАШКЕВИЧ побывал в «Белом доме» на Арбате, в кабинете № 3023-Б, у начальника юридической службы Главного командования Вооруженных Сил СНГ, полковника юстиции Михаила МАТАКИНА. Он из семьи фронтовика. По любопытному совпадению родился именно 23 февраля. Ныне ему исполняется 47 лет. Сразу после десятилетки окончил Московское общевоинское училище, а потом юрфак Военно-политической академии. За плечами служба на командных должностях, работа военным судьей, руководство спецлабораторией по изучению военно-правовых проблем, работа в юридическом отделе Минобороны.

Предлагаем вашему вниманию запись беседы, состоявшейся в кабинете полковника Матакина.

КРИТЕРИЙ ДЕЙСТВИЙ

— Михаил Григорьевич, полагаю, что многие наши читатели не вполне осведомлены о том, что представляет собой возглавляемая вами служба, чем она, к примеру, отличается от военных судов и прокуратур!

— Основное отличие — в форме и времени реагирования на нарушения закона. Военные судьи и прокуроры представляют в армии общегосударственные органы и потому обладают определенными властными полномочиями. В случае нарушения законности они вправе требовать ее восстановления, выявлять виновных и привлекать их к ответственности, вплоть до уголовной. Юридическая служба — орган командира, она помогает ему и другим должностным лицам не допускать правовых ошибок непосредственно в процессе службы, в момент принятия управленческих решений.

— Другими словами, если ваши подчиненные хорошо работают, судьям и прокурорам нечего будет делать!

— В каком-то смысле так. Не случайно же теоретики права говорят, что практически правовое государство начинается там, где у каждого руководителя есть помощник-юрист, а у каждого гражданина — адвокат. Если закон не нарушается, ни судьям, ни прокурорам не нужно заботиться о восстановлении законности.

— Но если даже военный суд и прокуратура не избежали определенной зависимости от воинских должностных лиц, в связи с чем выведены из состава Вооруженных Сил, то зависимость войскового юриста от непосредственного начальника неизбежна. Каковы гарантии его служения только закону, справедливости?

— Это действительно серьезная проблема. Ею мы занимались всегда. Например, назначить или освободить от должности нашего специалиста может только начальник Генерального штаба. Кроме того, и сам командир кровно заинтересован в том, чтобы принимаемые им решения соответствовали букве и духу за-

конов и уставов. Ведь оплошности такого рода фиксируются в его аттестациях. А избежать их нетрудно: нужно лишь представлять проекты всех готовящихся документов для юридического контроля. Если же начальник все-таки не прислушивается к мнению юриста, тот вправе проинформировать об этом вышестоящее подразделение юридической службы, и решение по спорному воп-

обычно для консультации по тому или иному вопросу приглашается и сам дежурный, то на этот раз с ним не советовались.

— **Посчитали, что сами разберутся!**

— Наверное. К слову, сразу после появления документов ГКЧП наши товарищи подготовили заключение об их незаконности. Но и его тоже никто не востребовал.

— ЗАКОННОСТЬ

росу будет принято уже старшим начальником.

Как-то прошлым летом в войска, минуя наш контроль, пошел документ, как бы дополняющий Устав гарнизонной и караульной служб и несколько расширяющий права часовых при охране объектов. И что же? Со всех сторон стали поступать сообщения: юристы на местах не визировали решения командиров во исполнение названного предписания. Пришлось авторам приводить документ в соответствие с требованиями Устава.

— В таком случае, Михаил Григорьевич, неизбежен вопрос: как произошло, что ни министр обороны Язов, ни другие должностные лица не посоветовались с юристами о законности задуманной акции в августе прошлого года? Или это их не беспокоило?

— Думаю, беспокоило. Утром 18 августа (это было воскресенье) у дежурного офицера нашего отдела затребовали для министра текст Закона о правовом режиме чрезвычайного положения. Но если

Что же касается других должностных лиц, то в Генеральном штабе юристов пока нет вообще, а в нижестоящих звеньях положение осложняется тем, что все они обязаны безоговорочно выполнять приказы старших начальников. Юристы же, как было уже сказано, исполняют лишь консультационные функции, с их советом могут и не посчитаться. Так что если мы сегодня сознаем, что армия в те тяжкие дни стала заложницей существовавшей системы, то в отношении войсковых юристов это справедливо вдвойне.

Понятно, что из всего этого уже сделаны надлежащие выводы. Проведена департизация армии, ликвидированы политорганы. Подготовлены изменения в законодательстве, исключая использование армии в «политических играх», а также освобождающие военнослужащих от исполнения преступных приказов. С министром обороны согласован план дальнейшего развертывания юридической службы. Она будет представлена и в управлениях

Генерального штаба, и в основном войсковом звене — в полку. Наконец, мы пересматриваем сейчас и Положение о юридической службе, где будут более четко определены обязанности и права военных юристов, гарантии их профессиональной самостоятельности и активного участия в выработке решений.

— В печати уже звучали предложения о том, чтобы представители юридической службы входили по должности в состав соответствующих военных советов, а на высшем уровне — в коллегию министерства. Ваше мнение?

— Это было бы полезно.

— Но где вы возьмете столько офицеров с высшим юридическим образованием?

— Во-первых, за счет увеличения их подготовки в Военном институте. А во-вторых, за счет войсковых офицеров, уже имеющих образование или завершающих учебу в юридических вузах. Кстати, мы просим всех их дать о себе знать, если они, разумеется, желают служить в наших подразделениях.

— Но значительное увеличение штата юридической службы на фоне общего сокращения Вооруженных Сил, согласитесь, предполагает особо тщательный анализ всех «за» и «против». Существуют ли какие-то объективные данные, подтверждающие необходимость юристов там, где они будут вводиться, то есть не зря ли они будут есть свой хлеб?

— Вот уж точно, что не зря. Аналогичные службы имеются во всех цивилизованных армиях мира. В США, например, она насчитывает около 18 тысяч сотрудников. К тому же у нас выработана специальная методика определения эффек-

тивности нашей работы. Скажем, там, где пока еще нет юристов, военные прокуроры ежегодно опротестовывают до 4—5 тысяч приказов, изданных с нарушением законодательства. А что значит хотя бы один такой приказ? Дезорганизация каких-то служебных отношений, снижение боеготовности, чьи-то ущемленные права. И ничего подобного не случается там, где юристы держат издание такого рода документов под жестким контролем.

Возьмем другой вопрос — обеспечение сохранности государственного имущества, финансовых средств. В среднем за год мы предотвращаем их необоснованное списание на миллионы рублей, на десятки миллионов возмещаем за счет виновных ущерб, причиненный армии. А участие юристов в работе по заключению и исполнению договоров на поставку в войска оружия, техники, имущества, на строительство, перевозки, оказание бытовых услуг! Таких договоров заключается десятки тысяч. И если какие-то срываются или выполняются с огрехами, наше дело помочь взыскать с недобросовестных контрагентов положенные санкции. А это опять-таки десятки миллионов рублей. С включением же армии в рыночные отношения эта работа еще более усложнится и увеличится в объеме. Так что каждый военный юрист окупает себя многократно и фактически ничего не стоит нашим налогоплательщикам.

— Вы упомянули, что в правовом государстве у каждого гражданина должен быть свой адвокат. Видимо, это относится и к военнослужащим?

— Безусловно. Хотя, появившись даже в полку, юрист, конечно, не сможет стать личным

адвокатом каждого солдата и офицера. Тем не менее задачу оказания правовой помощи личному составу мы и сегодня считаем важнейшей. Например, все командиры, у которых есть помощники по правовой работе, ведут прием посетителей только с участием юрисконсультов. Это примерно 200—300 тысяч человек в год. Да и к самим юристам люди идут за помощью. И опять вспомним о юридическом контроле. Ведь если не состоится какой-то незаконный приказ, у человека не будет повода жаловаться на несправедливое взыскание, увольнение с работы.

— Сегодня, пожалуй, самый острый вопрос — это так называемая «дедовщина». Можно ли рассчитывать на какое-либо улучшение ситуации?

— Тут многое будет зависеть от того, когда юристы появятся непосредственно «в зоне повышенного риска», то есть в полку, на корабле, в отдельной воинской части. Ведь что является благодатной почвой для всякого рода эксцессов? Безнаказанность. Да, корень «дедовщины» не в казарме, а в школе, ПТУ, в неблагополучных семьях, в нынешнем уровне нравственности и культуры молодежи, и тут на какое-то чудо рассчитывать не приходится. Но конкретный «дед» — всегда перед нами, и наша задача на ближайшее время — добиться, чтобы каждый, буквально каждый случай неуставных отношений (не обязательно мордобой, но и оскорбление, унижение достоинства солдата, матроса) получил должную оценку.

— Что этому мешает?

— Недостаточное, как я уже сказал, правовое обеспечение работы должностных лиц, их собственная, подчас низкая,

правовая культура, а также существующая система оценки их противодействия нарушениям порядка: исключительно по количеству выявленных нарушений. Получается совершенно абсурдная ситуация: чем больше командир выявил и наказал нарушителей, тем хуже оценивается его работа!

— Действительно парадокс. Волей-неволей человек вынужден скрывать подобные факты.

— Чтобы этого не происходило, нужно коренным образом менять сложившуюся практику. Определяющим критерием оценки работы командира на этом участке должно стать единственное — законность его собственных действий. Если у него случилось 5, 10, 20 «ЧП», но в каждом случае он отреагировал, как положено, какие могут быть к нему претензии? Больше неприятностей, чем у других? Значит, обстановку у него сложнее, и не ругать его, а помогать ему надо: ужесточить отбор личного состава; прислать более опытных офицеров, сержантов; улучшить бытовые условия...

— Но это ведь так просто, Михаил Григорьевич!

— Не скажите. Что нужно сделать мне, большому начальнику, сегодня, чтобы оценить положение в разных частях? Сравнить их «показатели». У кого больше нарушений, того ругать, у кого меньше — хвалить. А так мне надо ехать на место и выяснять, действительно ли случилось лишь пять происшествий и действительно ли всегда командир поступал по закону? Согласитесь, это осложнит жизнь многих администраторов. Но иначе нельзя. Иначе болезнь и впредь будет замазываться, а не лечиться.

В конце прошлого года министр обороны СССР издал приказ, которым ужесточил требования к здоровью лиц, призываемых на действительную военную службу. Учитывая пожелания читателей, мы попросили полковника юстиции Игоря Михайловича ВАШКЕВИЧА подробно рассказать, при наличии каких недугов молодые люди не подлежат призыву.

АРМИИ НУЖНЫ

Определенные ограничения медицинского характера при призыве в армию существовали, разумеется, и ранее. Однако считалось, что с некоторыми заболеваниями юноши все-таки способны нести службу — пусть не в боевых, так хотя бы в строительных частях или подразделениях обслуживания. Поэтому в Расписании болезней и физических недостатков, введенном в действие приказом министра обороны СССР № 260 (1987 г.), имелась специальная оценка состояния здоровья при-

зывника: годен к нестроевой службе в мирное время. Таких призывников набиралось по стране ежегодно до 80 тысяч.

Но и такая служба подчас пагубно влияла на самочувствие молодых людей. Их болезни нередко прогрессировали, одни физические недостатки порождали другие. Ясно, что в условиях снижения уровня военного противостояния в мире, решительного сокращения вооруженных сил, более уважительного отношения к правам личности такое по-

КРЕПКИЕ РЕБЯТА

ложение не могло сохраняться. И оно было изменено, причем весьма радикально: приказом министра обороны № 436 (1991 г.) отменен сам термин «годен к нестроевой службе» применительно к мирному времени, а все, кого он касался, освобождены от призыва.

Итак, при наличии каких болезней и физических недостатков юноша не может быть сегодня направлен в воинский строй?

Начнем, пожалуй, с ограничений годности, существовавших и до ново-

го решения. Прежде всего это различные психические расстройства. Не подлежат, например, призыву: лица с такими расстройствами при наличии выраженного и длительного астенического состояния, патологических изменений личности и органического поражения нервной системы; лица, страдающие эпилепсией — даже при единичных редких припадках без психических нарушений вне припадков, невротами — при умеренно выраженных, но длительных болезненных проявлениях, де-

бильностью — хотя бы в легкой степени. Тщательно анализируют врачи природу и последствия и некоторых других психических расстройств.

Другая группа ограничений связана с болезнями и последствиями травм нервной системы. К ним относятся: сосудистые заболевания головного и спинного мозга, последствия инфекционных и инфекционно-аллергических заболеваний центральной нервной системы, врожденные аномалии (пороки развития, а также миопатия, миастения и другие заболевания).

Рубежным показателем негодности молодого человека к службе тут является хотя бы умеренное (в отдельных случаях — незначительное) нарушение соответствующих функций органов нервной системы.

Этой группы заболеваний уже коснулись нововведения.

Например, негодными к службе теперь признаются и те, кто вследствие перенесенных инфекционных и инфекционно-аллергических заболеваний, а также в результате травм головного и спинного мозга или перифе-

рических нервов испытывает хотя бы и незначительное нарушение функций соответствующих органов.

Среди болезней внутренних органов традиционно признавались ограничивающими возможность несения службы: хронические инфекционные заболевания, трудно поддающиеся лечению:

заболевания системы крови; последствия перенесенных острых или обострения хронических экзогенных интоксикаций или воздействий; различные пороки развития и стойкие остаточные явления после заболеваний легких, дыхательных путей, плевры. Критерием годности призывника при этом считается умеренное нарушение соответствующей функции. Невозможно несение службы при заболевании бронхиальной астмой хотя бы в легкой форме, даже при отсутствии приступов в течение трех последних лет; при заболевании мышцы сердца, венечных артерий, клапанного аппарата, а также при пороках развития этих органов, сопровождающихся расстройством общего или коронарного кровообращения первой

степени. В этой же группе значатся заболевания органов брюшной полости, воспалительные и дистрофические заболевания почек. Однако если нарушение функций этих органов носит временный характер, то призывнику предоставляется отсрочка от призыва до выздоровления, а не полное освобождение от службы.

Новые противопоказания к службе, касающиеся болезней внутренних органов, следующие: состояние после острых заболеваний эндокринной системы и обмена веществ либо после соответствующего оперативного вмешательства — при наличии хотя бы временных функциональных расстройств; активный затихающий туберкулез легких, плевры и внутренних лимфатических узлов; остаточные явления перенесенного экссудативного плеврита туберкулезной этиологии — даже в случаях, не требующих стационарного лечения; гипертоническая болезнь в первой стадии; заболевания суставов, мышц, сухожилий инфекционного, инфекционно-аллергического или обменно-дистрофического происхожде-

ния — при незначительном нарушении функций и редких обострениях.

Хирургические болезни, препятствующие выполнению обязанностей военной службы в мирное время, определены таким образом: последствия повреждений, врожденные дефекты и аномалии развития костей черепа без признаков органического поражения центральной нервной системы при дефекте костей свода черепа до 4 см²; наличие зоба — затруднение ношения одежды; злокачественные образования — с последствиями радикального удаления, даже без отдаленных и региональных метастазов.

К этим существовавшим ранее ограничениям прибавилось много новых. Юноша не подлежит призыву, если, например, рубцы кожи хотя бы незначительно ограничивают движение или затрудняют ношение одежды, обуви, снаряжения. А также если последствия повреждений (оперативных вмешательств) органов грудной или брюшной полости, малого таза или забрюшинного пространства привели к какому-либо нарушению функций этих

органов. Этот же признак — хотя бы незначительное нарушение функций соответствующих органов. — препятствует призыву лиц, страдающих болезнями, пороками развития или от последствий повреждений (заболеваний) позвоночника; хроническими болезнями костей, хрящей, мышц, сухожилий и суставов или последствиями повреждений этих органов, их врожденными дефектами. Освобождаются от службы и те, у кого наблюдаются доброкачественные новообразования либо искривление формы таза.

Не годными к службе признаются лица с укорочением ноги более чем на 2 см; с застарелыми или привычными вывихами в крупных суставах, даже возникающими редко, лишь при значительных физических нагрузках; с деформацией или дефектами кисти или пальцев рук, нарушающими их функцию, а также пальцев ног, если это затрудняет ходьбу и ношение обуви в умеренной степени. Препятствуют призыву болезни и последствия поврежденных кровеносных сосудов — при умеренном нарушении кровообра-

щения и функции конечности; туберкулез почек, в том числе неактивный, при отсутствии признаков активности свыше трех лет; неактивный туберкулез лимфатических узлов и органов брюшной полости; различные грыжи даже умеренных размеров, не затрудняющие ходьбу и не нарушающие функцию соответствующего внутреннего органа; любое проявление ануруса.

К болезням уха и верхних дыхательных путей, определяющим невозможность призыва на военную службу, всегда относились нарушения функции вестибулярного аппарата (даже нестойкие, умеренно выраженные), а также состояния после травм, последствия заболеваний — при неполном восстановлении функций соответствующих органов. Теперь к этим ограничениям отнесены: стойкая полная глухота на одно ухо при восприятии шепотной речи на другое с расстояния 4 метра; стойкое понижение слуха на оба уха при восприятии шепотной речи на каждое ухо с расстояния до 2 метров; полипозные и гнойные хронические за-

болевания околоносовых пазух.

В перечне ограничений для призыва ныне значатся также: тяжелая степень болезни зубов, парадонта и слизистой оболочки полости рта; хронические, трудно поддающиеся лечению экземы, псориаз; распространенные и тотальные формы гнездовой плешивости и витилиго; ограниченные формы туберкулеза кожи. Здесь же и болезни глаза и его придатков: резко выраженные недостатки положения века на одном или умеренно выраженные на обоих глазах; стойкий паралич двигательных нервов глазного яблока при наличии диплопии; спазм или паралич аккомодации глаза; глаукома — даже в начальной стадии или в стадии предглаукомы и гипертензии; атрофия зрительного нерва; наличие внутри глаза инородного тела, пусть даже и не вызывающего воспаления или иных изменений. По уровню остроты зрения не годными к службе сейчас признаются лица: имеющие зрение одного глаза 0,4 при зрении дру-

гого от 0,3 и ниже либо зрение одного глаза 0,5, а другого — 0,04 и ниже, а также страдающие близорукостью или дальнорукостью в одном из меридианов более 6 диоптрий.

Упоминаются в Расписании болезней и физических недостатков и некоторые другие ограничения для призыва на военную службу в мирное время. Но полагаю, что с ними лучше все-таки познакомиться самим в военкомате по месту жительства. Туда все равно придется обращаться, решая судьбу каждого призывника в отдельности. Настоящая публикация предназначена лишь для общей ориентации наших читателей. А приведенные данные — это своего рода «черта годности»: в мирное время на действительную военную службу не могут быть призваны не только те, кто страдает названными здесь недугами и дефектами, но также все, у кого имеются более серьезные отклонения в состоянии здоровья.

Без грифа
«СЕКРЕТНО»

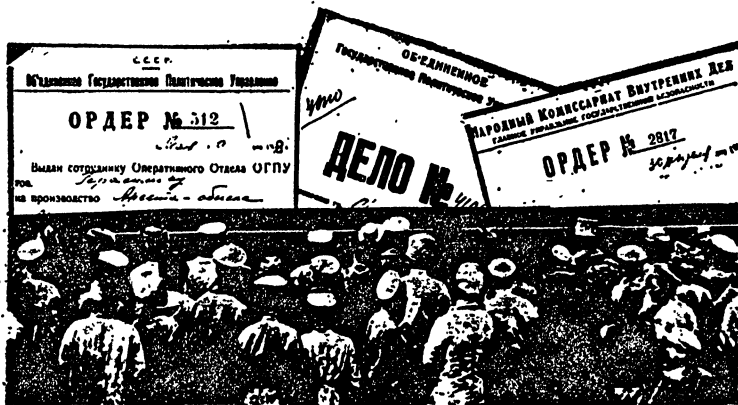
Любовь АРЕСТОВА

ИНОСТРАНЦЫ

Идеалы первого в мире рабоче-крестьянского государства были смелы и привлекательны: свободный труд, всеобщее благоденствие, интернациональное братство. Как бабочки на огонь, слетались в Страну Советов восторженные идеалисты сопредельных и дальних стран.

Одни искали защиты и покровительства, другие хотели набраться опыта и знаний, третьи желали помочь молодому государству. Слетались, как бабочки, и гибли во всепожирающем пламени ненависти и лжи.

В канун тридцать девятого года, темной декабрьской ночью, двадцать шестого числа прогремели выстрелы. Были убиты подданные Польши граждане **Василюк Яков Фомич**, 20 лет, уроженец Курска, украинец, и **Мациевский Антон Иосифович**, 32 лет, уроженец села Корец Ровенского уезда, поляк.

В одну ночь были отняты две жизни. Но не суетились сыщики, не опрашивали очевидцев, не осматривали место убийства проникательные следователи в скрипящих кожанках. Убийц не искали, и не нужно было их искать, они были известны. Убийство совершено по приговору военного трибунала Киевского особого военного округа.

Как мало знаем мы о тех, кто уничтожен росчерком пера! Уже под пальцами крошится серая бумага, выцветают фиолетовые чернила протоколов. Еще чуть-чуть времени — канут в лету даже те немногочисленные сведения, что доступны сегодня. Надо спешить. Изучать, печатать, рассказывать. Писать о том немногом, что знаем о них.

Где и как сошлись пути этих двух людей — Антона Мациевского и Якова Василюка, точно теперь не установишь. Но сошлись, переплелись как-то, связались до самой страшной их смерти.

Несладко, видно, было в Польше подданным ее в тридцать седьмом. Искали люди хлеба, работы, метались по чужой в сущности стране, потому что подданство было случайным и границы делили не они, а те, кто о судьбах подданных заботился при дележе меньше всего.

Может быть, тосковал курянин Яша Василюк по курским соловьям да яблокам. Вот и уговорил своего приятеля Антона Мациевского отправиться в Страну Советов в поисках лучшей жизни.

Может, было иначе. Но что совершенно точно — не рассчитывали они вместо этого получить там пулю.

В День международной солидарности трудящихся, 1 мая 1938 года, перешли они советскую границу на территории Славутского района Каменец-Подольской области, где были задержаны советскими пограничниками.

С того дня счет жизни их пошел на часы.

На допросах в УНКВД Каменец-Подольской области Мациевский и Василюк рассказали, что перешли на советскую территорию по бытовым мотивам, рассчитывая остаться здесь на постоянное жительство.

Не всех устраивало подобное объяснение. Дело нарушителей советской границы передали в НКВД Украины более опытным работникам. Беспрецедентный опыт изуверских допросов помог.

Следствие нарисовало фантастическую картину гнус-

ных намерений перебежчиков, и они предстали перед военным трибуналом.

По версии НКВД Мациевский перешел советскую границу по заданию польской разведки и должен был на заставе в селе Поддубцы установить наличие воинских частей, командиров, количество личного состава и вооружения. В последующем ему предписывалось устроиться на какое-либо оборонное предприятие, где заняться вербовкой антисоветски настроенных лиц для занятия шпионской и диверсионной работой.

По той же версии Яша Василюк должен был устроиться на предприятие оборонного значения, собирать сведения о выпускаемой там продукции, воинских частях и соединениях, изучать настроение рабочих, колхозников и интеллигенции по отношению к Советской власти.

Никого не смутило, что «шпионские» задания лишены всякого смысла без какой-либо связи с Центром или резидентурой. Что «шпионы» не могут назвать ни того, ни другого, а их показания путанны, неубедительны, более того, совсем неправдоподобны.

Никого не смутило, что Мациевский и Василюк объясняли суду, как из них выбивались «признания». Никто не поверил их клятвам, что искали они только работу. Не приняли во внимание, что очи по существу и задержаны не были, а сами явились на заставу.

Двадцать шестого декабря тридцать восьмого года прогремели выстрелы.

Антон Мациевский и Яков Василюк перестали заботиться о средствах к существованию.

Дополнительная, через полвека, весьма несложная проверка показала, что нет каких-либо доказательств причастности расстрелянных к польской или другой разведке.

Нет никаких данных, подтверждающих, что Мациевский и Василюк перешли границу с целью сбора сведений, являющихся государственной тайной.

К такому выводу пришел Генеральный прокурор СССР через пятьдесят два года после расстрела.

Поторопились. Расстреляли невиновных. Убили пришедших за помощью. Самое мерзкое из убийств.

За отсутствием в действиях состава преступления отменен этот приговор, и дело прекращено.

Пусть будет им пухом земля, к которой они стремились.

По делам так называемой «Польской организации войсковой» сгинуло много народу. Русские, поляки, украинцы, евреи, белорусы — всех их брали без разбору. И только в 1955 году компетентные органы провели, наконец-то, проверку: что за организация такая, как могла она существовать при тотальной слежке и всеобщем доносительстве? Тогда-то и выяснилось, что в 1937 году нарком внутренних дел Ежов своим приказом обратил внимание сотрудников НКВД на то, что в партийных и советских органах имеется засилье шпионско-диверсионной агентуры Пилсудского, участников «Польской организации войсковой», с которыми необходимо вести решительную борьбу. Неизвестно, на каких данных основано было это утверждение, но призыв к решительной борьбе означал массовые репрессии, и они начались. Аресты польских политэмигрантов, коммунистов и всех, кто имел к ним любое, самое малое отношение. Приказ Ежова требовал добиваться от арестованных, особенно от нелегально прибывших из Польши, признаний, что они являются агентами Пилсудского и переброшены на территорию СССР для шпионской и террористической деятельности.

Приказ исполняли рьяно. Сказано наркомом — добиваться признаний, и добивались, а каким путем — страшно, но необходимо представить.

Вайзер Марьян Юзефович, родившийся в 1907 году в городе Радом, поляк по национальности и польский гражданин, был членом коммунистической партии и 15 апреля 1935 года, спасаясь от репрессий властей, перешел границу на участке Волочического погранотряда НКВД на Украине. Не прятался он от советских пограничников, не скрывал своего перехода, надеялся на помощь и защиту, поэтому объявился сразу и тут же был задержан. Шел тридцать пятый год, еще не было установки на уничтожение, и Марьяна Юзефовича постановлением Особого совещания приговорили к пяти годам лагерей. Спустя полгода, в июле тридцать шестого, смилостивились над ним, освободили из лагеря и направили в ссылку в город Фрунзе. Ссылка все же не тюрьма. Наверное, Марьян Юзефович после полуторагодовой отсидки обрадовался такому обороту и начал уже привыкать к новому положению, но пришел год тридцать седьмой, и в недрах НКВД созрела и расцвела пышным цветом идея репрессий против «агентов Пилсудского».

Вспомнили и про ссыльного поляка Вайзера, схватили, снова бросили в тюрьму, и 21 августа тридцать седьмого года он предстал перед судом скорым и несправедливым.

Казавшееся коммунисту Вайзеру спасительным бегство в Советский Союз в новом чтении выглядело так: «...являясь членом шпионско-террористической организации «Польска организация войскова» и агентом 2-го отдела польского Генерального штаба, в 1935 году он как агент террористической польской разведки нелегально прибыл на территорию СССР для совершения террористических актов над руководителями ВКП(б) и Советского правительства» (из приговора).

В соответствии с приказом наркома Ежова все эти небылицы Вайзер признал на следствии. Еще бы не признать, побывав в «ежовых рукавицах». Старательные ребята, получив «признание», оформили дело в суд, даже не потрудившись собрать хотя бы плохонькие доказательства.

И тогда же, 21 августа 1937 года, Марьяна Юзефовича Вайзера суд приговорил к высшей мере наказания — расстрелу.

Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал.

Укрыла русская земля поляка Марьяна.

Отменено решение Особого совещания при НКВД СССР от 10 января 1936 года, отменен смертный приговор, дело в отношении Вайзера прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Слишком поздно пришла справедливость.

Подданный Польши **Свентоховский Станислав Адамович**, сорока лет, родившийся в Варшаве, поляк, 20 ноября 1940 года советским судом осужден по ст. 58⁴ УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего имущества.

Приговор приведен в исполнение 25 декабря 1940 года.

В тот день оборвалась жизнь Станислава Адамовича Свентоховского. Точнее, жизнь оборвали жестоко и преступно.

Начнем с того, что статья 58⁴ Уголовного кодекса сама по себе уникальна. Она гласит:

«Оказание каким бы то ни было способом помощи

той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности влечет за собой — лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела или объявления врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с конфискацией имущества».

Этот незаконный закон позволил палачам рыскать по всему миру, отыскивать неугодных, подкладывать бомбы, поднимать ледорубы. Расползлась ненависть, лилась кровушка... И несть числа жертвам. А мировая буржуазия, несмотря ни на что, так и не признала, что коммунистическая система приходит на смену капиталистической системе, как это установлено Уголовным кодексом РСФСР.

Более пятнадцати лет работал Станислав Адамович Свентоховский советником Министерства иностранных дел в Польском государстве. Какая это была работа, об этом судить не нам, не наше это дело. Лишь Польша могла оценить труд своего гражданина. Но Польша страдала, обливаясь слезами и кровью, став жертвой германской агрессии. Шли годы — тридцать девятый, сороковой. Польские эмигранты, пытавшиеся спастись под крылом великого соседа, скоро поняли, что попали из огня да в полымя. Приютивший Свентоховского город Львов не сулил безопасности, а тут еще стало известно, что МИД Польши находится теперь в Румынии. Станислав Адамович бросился в румынское консульство и получил визу на въезд в Румынию. Нужно было еще разрешение на выезд, и он получил бумагу, где было сказано, что выезжает в Румынию по месту жительства. Оформляя документы, Свентоховский, конечно же, и не помышлял о нелегальном переходе границы, иначе зачем документы — виза на въезд, разрешение на выезд.

Наверное, это было не главным. Не это, так нашлось бы другое обвинение.

Свентоховского сняли прямо с поезда 6 октября 1939 года и мытарили по тюрьмам больше года.

Суд состоялся 20 ноября 1940 года, и Свентоховский немало был удивлен предъявленным обвинением. В вину иностранному подданному вменили то, что, работая в своем родном государстве, а именно в Польском МИДе, по своей работе был связан со вторым отделом Польского генерального штаба. «После разгрома польской армии эвакуировался в г. Львов, где вместе с другими решил бежать в Румынию» (из приговора). По этому обвинению Станислава Адамовича приговорили к смертной казни, которую Свентоховский ждал до 25 декабря 1940 года.

Человек разумный, Станислав Адамович не хотел верить в то, что его могли судить в государстве, которому он не причинил никакого зла и законы которого на него, иностранца, не распространялись вообще.

Однако же пришла темная декабрьская ночь, когда его вывели из камеры. Наверное, он протестовал, кричал: «Я не виновен!» и услышал в ответ равнодушное: «вшиско едно» — все равно.

Приговор в отношении Свентоховского Станислава Адамовича отменен, и дело прекращено за отсутствием события преступления.

Интересной, содержательной, полной тревог и ответственных решений была жизнь **Леона Стефановича Козловского**. Профессор Львовского университета, министр по аграрным делам, финансам, премьер-министр, член Сената Польши — это только часть биографии польского подданного Козловского. Еще скрыты от нас тайные и даже явные причины, приведшие профессора в Страну Советов, и не об этом сегодня речь.

Расползлась по миру коричневая чума, неприкрыто смертельная. Спасая жизни, прятались люди, бежали к соседям, таким приветливым и правильным, увы, лишь на словах. Профессор Козловский был среди тех, кто верил, и оказался в России.

Скупые странички уголовного дела не смогли рассказать многое о его жизни. Однако известно, что 7 июля 1941 года советский суд приговорил Леона Стефановича Козловского к смертной казни. Обвинение было незаконным до жути. Ни в какие, самые аморальные правовые каноны оно не вписывается.

В чужой стране его осудили к смертной казни за то, что, занимая свыше 20 лет высшие посты в государственном аппарате государства Польского, он «враждебно относился к СССР и учинял расправы над революционно настроенными рабочими и крестьянами Польши» (из приговора).

Кого любил и кого ненавидел пан Козловский — это личное его дело. О деятельности его — на пользу была или во вред — судить лишь народу польскому.

Но судили советские судьи. Именем Союза Советских Социалистических Республик вынесен приговор о высшей мере социальной защиты.

Профессор Козловский, наверное, ушам своим не верил, слушая приговор. Но он уже приобрел тюремный опыт, безжалостно обещавший исполнение приговора.

В тюрьме узнал профессор о фашистском нападении на СССР, в камере смертников ловил скудные сообщения о том, что фашисты рвутся к Москве.

Июль миновал, прошел август, а Леон Козловский все сидел в ожидании. Чего он ждал? Смерти или избавления?

Шли томительные дни, полные убийственного безделья. Мир кипел, мир дрожал от напряжения, и деятельная натура профессора, привыкшего быть в эпицентре событий, более всего страдала от вынужденного ничегонеделания.

Как мучился он, как корил себя за наивную веру, как ругал за промахи и доверчивость! Он ничем не мог помочь своему народу, он ждал своей собственной смерти. Знал, что смерть будет мучительной и страшной, что погибает он в неизвестности.

Дни сменялись еще более жуткими ночами, полными таинственных шорохов и постоянным ожиданием рокового, самого последнего стука...

И вдруг постановлением НКВД СССР от 5 сентября 1941 года Козловского Леона Стефановича... амнистировали и освободили из-под стражи. Почему? Трудно сказать. Возможно, такое решение приняли в высших эшелонах власти. Негоже, мол, отправлять на смерть человека, занимавшего высшие посты в Польском государстве. Тем более, как и Польша, СССР стал теперь тоже жертвой агрессии. И обе страны, вроде, оказались волей судеб по одну сторону баррикад.

Через полвека был отменен незаконный приговор, потому что на иностранного гражданина не распространяются законы страны, в которой он не совершил ничего противоправного.

Это правило элементарно.

Штайб Лео-Феликс родился в 1901 году в местечке Альдорфа Вьягенбергской земли Германии, был по национальности немец и гражданин Германии.

В 1923 году вступил в Коммунистическую партию Германии, только что отметившую пятилетие со дня своего рождения.

Молодой Лео-Феликс стал курьером руководства партии в юго-восточных районах Германии и попал в поле зрения властей. Вскоре против него возбудили дело по обвинению в государственной измене, и в 1924 году Штутгартская комсомольская организация направила Штайба в СССР. «Спасется коммунист от тюрьмы, да еще и образование получит», — так рассуждали товарищи Лео и, наверное, потихоньку завидовали ему — как же, попадет в колыбель мировой революции и будет строить социализм.

Эти события и факты установлены достоверно. Есть документы, подтверждающие, что немецкий коммунист Штайб в связи с преследованиями на родине был направлен в СССР для спасения и продолжения политического образования, которое успел благополучно получить. Еще достоверно известно, что в 1925 году Штайб вступил в ВКП(б), такой он был убежденный сторонник коммунистических идей.

Между тем расползлась по Германии коричневая чума, начинался обыкновенный фашизм. Штайб решил не возвращаться на родину. Советский Союз, рассуждал он, становится передовым краем в борьбе с фашизмом, а на переднем-то крае он как раз и нужен. Он получил советское гражданство и стал комиссаром отдельной роты механизированного корпуса Киевского гарнизона. Дослужился до звания старшего политрука. Удар был нанесен с неожиданной стороны.

Штайб Лео-Феликс 9 сентября был осужден к расстрелу по нелепому обвинению. Он признан виновным в том, что в 1923 году, являясь гражданином Германии и членом Коммунистической партии, «был завербован в качестве агента тайной полиции. Через год со шпион-

ским заданием прибыл в СССР и установил связь с агентами немецких разведок. В 1933 году был завербован в контрреволюционную шпионскую организацию» (из приговора).

При аресте Штайб пытался возражать, рассказывал, как преследовала его тайная полиция Германии, как товарищи из Коминтерна спасли его, переправив в Союз. Но где старшему политруку тягаться со «специалистами» следствия! Несколько спецприемов — и вот уже комиссар Штайб признал, что преступно поддерживал взгляды Троцкого. Признание в шпионаже, правда, из него выбить не смогли, но этого и не понадобилось. Все равно в суде его даже не допросили, как и свидетелей.

Приговорили Штайба Лео-Феликса к смерти. Фашизм достал его и доконал.

Незаконный приговор отменен через полвека.

Реммеле Гельмут Германович. Еще один крестник Коминтерна и НКВД. Гельмут родился в городе Мангейме в 1910 году. Отец Гельмута был немецким коммунистом (расстрелян в Союзе ССР и реабилитирован посмертно 30 сентября 1988 года). Сын пошел по стопам отца и повторил его судьбу. Коминтерн собирал под своим крылом заложников гитлеровского режима, и они верили, что вырвались из лап смерти. Гельмут приехал в Союз в 1934 году, через год после установления на его родине диктатуры Гитлера. Вскоре началось победное шествие фашизма по Европе. О скором возвращении не могло быть и речи, надо было устраивать жизнь.

Гельмут Реммеле стал советским гражданином, переехал из Москвы в Магнитогорск и стал работать слесарем-инструментальщиком в механическом цехе Магнитогорского металлургического комбината.

Гельмут был далеко от Москвы, а там всюю громили Коминтерн. Один за другим в топках репрессий сгорали коминтерновцы. Расстрелян отец Гельмута и его друг — бывший член ЦК Компартии Германии Гейнц Нейман (оба реабилитированы посмертно). Один из арестованных коминтерновцев упомянул Гельмута, этого оказалось достаточно, чтобы 24 августа 1937 года его арестовали. Первый допрос не дал требуемого палачами результата. Но 3 ноября Реммеле, не выдержав пыток, признал себя виновным в том, что переброшен в СССР по заданию Гейнца Неймана для контрреволю-

шпионской деятельности. Никакого подтверждения этому заявлению в деле не было.

Сейчас установлено, что ни Гельмут Реммеле, ни его отец, ни Гейнц Нейман антикоминтерновской и антисоветской деятельностью не занимались.

За массовые необоснованные аресты, фальсификацию дел, применение физических и моральных истязаний осуждены бывшие сотрудники Управления НКВД по Челябинской области: Чистов (начальник управления), Луговцев, Волинский, Лапшин, Истомин, Осмоловский и другие.

Но они успели сострять обвинение Гельмуту Реммеле. Среди немыслимого абсурда обвинений, предъявленных магнитогорскому слесарю-инструментальщику, есть такое: он «является одним из руководителей контрреволюционной организации правых, проводившей диверсионно-вредительскую работу и подготавливавшей террористические акты против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, а также создал террористическо-диверсионную группу в составе четырех человек, совместно с агентами гестапо подготавливал бактериологическую диверсию, занимался сбором и передачей шпионских сведений фашистской Германии» (из приговора).

И — ни одного факта, ни одного доказательства.

2 января 1938 года продолжался счет беззакония. Состоялся суд над Гельмутом Реммеле, и он был приговорен к смертной казни. Приговор приведен в исполнение немедленно, в тот же день, и отменен лишь через полвека.

«Интернациональной солидарности» вкусили не только западные, но и восточные наши соседи. И им полной мерой отмерены лагеря и расстрелы.

Китайский гражданин **Аула Самдин Бауянэрэл (Замдан)** родился в 1898 году в деревне Мэхэртэ Баргинского округа Китая. По национальности монгол, он хотел принять участие в преобразовании жизни своего родного народа и стал членом Народно-революционной партии Внутренней Монголии. Полная борьбы и самопожертвования, крутила, вихрила жизнь Замдана и в 1932 году занесла аж в самую Москву. Стал он учиться в Коммунистическом университете трудящихся Востока, одновременно подрабатывая там переводами.

Много их было, трудящихся Востока, проходивших курс науки в Коммунистическом университете. В тридцать восьмом году НКВД ввело «новый учебный курс» для трудящихся Востока — лагеря и расстрелы. Очевидно, обучение должно было завершиться именно там. Мы не знаем, по какому принципу формировались группы «трудящихся» для получения этих страшных знаний. Но коль скоро уже более тридцати лет реабилитируются незаконно осужденные в СССР восточные наши братья и еще не видно конца длинной череде имен, можно сказать, что акция была достаточно серьезной, длительной, беспощадной и бездоказательной.

Аула Замдан был обвинен в том, что являлся якобы агентом японской разведки и был связан с другими ее агентами. Ринчино, Аула Цаган Лама, Цыдыть Цыден Еши, Борисов, Мерсе — это только часть репрессированных, и все они реабилитированы: кто раньше — еще в 1957 году, кто позже — в 1989, 1990 годах. Все «шпионы», никакими шпионами, как выяснилось, не были, и в этом легко было убедиться, если бы было такое желание у следствия или суда. Кроме связи с японской разведкой (в чем заключалась эта связь, нигде и ничего не сказано), Замдан обвинен в том, что «среди студентов-монголов проводил активную пораженческую работу, направленную на создание панмонгольского государства под протекторатом Японии, высказывал свое мнение о необходимости террористических актов в отношении руководителей Монгольской Народной Армии, а также ВКП(б) и Советского правительства» (из приговора).

Ни одного конкретного факта, доказательства обвинения суду не представило. Но суд состоялся.

10 марта 1938 года Аула Самдин Бауянэрэл (Замдан) был приговорен к смертной казни с конфискацией имущества.

В тот же день, а точнее, следующей за этим днем ночью, Аула был расстрелян.

Вряд ли было какое-то имущество у студента университета трудящихся Востока Аулы Замдана, но жизнь у него была, и ее забрали, бросив в общий интернациональный котел несправедливости.

Мартовской ночью десятого числа тридцать восьмого года закончилось образование студента и переводчика Коммунистического университета трудящихся Востока Аулы Замдана.

Дело его прекращено за отсутствием состава преступления.

Гражданин Монгольской Народной Республики Беликтэ Амогалан, монгол по национальности, член Монгольской народно-революционной партии, работавший в министерстве внутренних дел Монголии, 3 июля 1939 года был схвачен и увезен в Читу. Две недели хватило читинским чекистам, чтобы Беликтэ признал свою принадлежность к контрреволюционной панмонгольской организации. Казалось бы, какое дело советскому НКВД до внутренних монгольских организаций? Но пролетарская солидарность уже прочно превратилась во вседозволенность. Беликтэ перевозят в Москву, где он, надеясь на справедливость, заявил, что ни в какой контрреволюционной организации не состоял, а признался после того, как его два с лишним часа непрерывно избивали, и, потеряв всякую возможность терпеть, он оговорил себя. Это заявление Беликтэ сделал 23 ноября 1939 года. Московские специалисты владели методами допроса не хуже своих читинских коллег, и уже в марте сорокового года Беликтэ вновь «признался». Страшно думать, что делали с 27-летним монголом, с крепким орешком, который вновь отрицал свою вину, едва заживали раны и забывалась нестерпимая боль пыток.

Как выяснилось, еще в октябре 1939 года сотрудник НКВД СССР Добротин, принимавший участие в расследовании дела, обратился в партком НКВД СССР с заявлением о необъективности следствия по делам «участников заговора в МНР». Расследование по этому заявлению все же провели. Подтвердилась правильность выводов Добротина, однако главные чекисты страны Берия и Меркулов никак на это не реагировали.

Но были все же Добротин и другие. Кстати, он был допрошен во время дополнительной проверки в 1956 году и рассказал, что в распоряжении органов следствия не было никаких доказательств вины арестованных «заговорщиков», все следствие сводилось к выбиванию показаний, часто протоколы составлялись вообще без арестованных и давались на подпись после потрясающей, уничтожающей волю взбучки.

Переводчик, присутствовавший при допросах монголов, тоже нашел в себе смелость рассказать об избиваниях и истязаниях своих земляков. И это были иностран-

ные граждане, и никаких дел — ни плохих, ни даже хороших — на территории СССР они не совершали, а потому не подлежали юрисдикции Союза.

Его осудили 5 июля 1941 года, через два года после ареста. Уже шла война, вставали на смертный бой народные ополченцы, Москва готовилась к бою, добровольцы стояли в очередях, чтобы отдать за Родину, если потребуется, жизнь.

27 июля 1941 года пуля, которой бы лететь на поле боя в сторону коварного врага, убила друга. В тот день был расстрелян Беликтэ Амогалан, гражданин Монгольской Народной Республики.

Поразительные, странные дела творились с нашими монгольскими братьями. Вот хотя бы по этому делу. Как уже говорилось, следователь НКВД СССР Добротин в октябре 1939 года подал рапорт о незаконном аресте Беликтэ. Никакой реакции. Но 21 февраля 1940 года за грубейшие нарушения законности, повлекшие незаконные массовые аресты, истребление партийных, государственных деятелей и граждан МНР, осужден бывший советник НКВД в Монгольской Народной Республике некто Кичков Л. Б., по доносу которого арестовали Беликтэ.

И, несмотря на это, тот же суд через год с лишним после осуждения доносчика расстрелял оклеветанного им.

Беликтэ Амогалан реабилитирован спустя полвека, приговор отменен.

Судным днем для арестованных монголов был день 5 июля 1941 года. Очевидно, в спешном порядке ликвидировались следы «братской помощи» Монгольской Народной Республики.

Судный день прошел, и наступил день для них последний, 27 июля 1941 года, когда всех их — в один день! — расстреляли.

Сколько их было? И как их казнили? По одному или сразу всех, прицельным залпом?

Страшно.

Базар-Ханда, Чимит-Доржи, Баир-Сайхан-Хасо, Идам-Сурун-Бимбо-Жаб, Галсан-Пунцука, Бояс-Халан, Насын-Тохтохо реабилитированы еще в 1956 и 1965 годах.

Другие монголы — жертвы репрессий — через полвека.

В номере «Правды» за третье мая позапрошлого года я еще раз перечитал свою статью. Речь в ней шла о молодежной безработице в самой плотнонаселенной области страны — Андижанской. Говорилось о нищете материальной и духовной, в которой вынуждены жить люди плодородной когда-то долины. И о возможных последствиях всего этого для общества. Еще не зная, что вот-вот должно произойти, закончил я статью тогда так:

«Социальное напряжение возрастает все больше. Растет и недовольство молодежи... Люди начинают бояться выходить по вечерам на улицы городов и кишлаков. В районах участились столкновения между преступными группировками. А в УВД разбирали недавно с приглашением общественности кражу в школе. Кражу винтовки...»

Не знаю, при каких обстоятельствах судьба сведет нас с Акбаром (главный герой публикации. — В. Г.) снова. За плом? У стенда бюро по трудоустройству? Или в жестокой толпе?..»

Отложив газету, я набрал номер телефона одного из андижанских знакомых. Трубку на другом конце провода никто не брал. По второму — та же история. Лишь через пять минут мне ответили по третьему. Сообщив, что статья будет опубликована в завтрашнем номере, я услышал в ответ: «Газету мы, наверное, взять не сможем. У нас сейчас идут погромы...».

Статью «Где встретимся, Акбар?» можно было переименовать. Понятно уже — где. В Андижане жгли, громили, убивали.

Кто-то может сказать: что было, то будем поросло. Тем более что события те произо-

шли несколько лет назад. Сколькo после них уже было, привыкли...

С такой позицией не хочется даже спорить, потому что уверен на сто процентов: то же самое может случиться практически в каждом городе. Да и случается ведь. Случается, тоже на сто процентов, потому что не идут нам эти многочисленные уроки впрок. Мало кто хочет копаться в истоках трагедий.

А чтобы ухватить суть преподанных нам уроков, их надо анализировать. Давайте вспомним, кто принимал активнейшее участие в ферганских, душанбинских, алма-атинских событиях? Кто был впереди во время «табачных» бунтов в Челябинске, Киргизии, Ленинграде?

Она — молодежь. Неприкаянная, не имеющая хоть какой-нибудь надежды на светлое будущее, которое ей, кстати, не один год подряд обещали.

А моральная опустошенность, как известно, быстро заполняется экстремизмом и ненавистью к крайнему. И перманентное насилие молодежных банд в Поволжье, Татарии, Башкирии — это, в общем-то, лишь репетиция того, что может произойти в ближайшие месяцы. И об уже сложившейся тенденции лучше всего говорят статистика и социологические исследования.

За последние двадцать пять лет преступность только среди несовершеннолетних увеличилась более чем вдвое. Число преступлений, совершенных подростками, подскочило в каждом из суверенных государств, но не везде одинаково. В этом смысле их можно разделить на три группы. В первой окажутся Литва, Россия, Эстония. У них — самые высокие показатели. Во второй будут Бело-

руссия, Молдова, Казахстан и Украина. В третьей — «южные» республики.

Преступность несовершеннолетних всегда была и остается по преимуществу групповой. Объяснений тому много. Это, с одной стороны, осознание каждым из ребят в отдельности своей личной незащищенности в обществе, а с другой стороны, и думать-то легче: в толпе — меньше груз ответственности. Так или иначе, но преступные группировки вырастают чаще всего из неформальных объединений подростков. Почти в каждую из них входят уже судимые ребята. Разновозрастный коллектив (кстати, это давно установили педагоги) делает такие группы более устойчивыми.

События во всех «горячих» точках показали легкость быстрого, а то и мгновенного объединения подростковых групп, их готовность к действию, привычку к общению в группе, интерес к участию в конфликтных ситуациях и... слабость всех социальных «якорей». И все совершенно естественно — это ответная реакция на полную неустроенность в жизни.

Вот только несколько картинок из той же Андижанской области. Главный герой публикации побывал в Москве на положении второсортного человека, «лимитчика». Зарабатывая мало, вернулся домой, в семью, где 380 рублей распределялось на двадцать три человека.

И он парень достаточно типичный. Подойди там к любому — всяк без работы. Я тогда поражался: как, за счет чего живут люди? У другого дарня, Рузмата Мамаджанова, родители — пенсионеры. Ему самому — 21 год. Увеличить бюджет семьи даже на копей-

ку уволенный в запас солдат не мог — нет работы. Вшестером семья перебивалась на... 140 рублей. В другой семье, с которой пришлось повстречаться, месячный доход на двадцать человек составлял 335 рублей.

Люди здесь, можно сказать, никогда и не жили — выжидали. Не попробовав со своего огорода овощей и фруктов, везли их напрямик на базар. Хоть хлебом накормить ребятшек — и так ведь смертность большая по республике.

И все-таки по сравнению с тем, что было несколько лет назад, сейчас — просто катастрофа. При моей последней поездке в Узбекистан местные жители называли то время раем. Да, тогда не было еще диких повышений цен на все и вся. Сегодня — это без огорок — жизнь стала еще трудней. Бесперспективной. А потому возрастает и опасность все новых и новых побоев. Появился в них и новый мотив: корысть.

При резком расслоении общества, которое мы наблюдаем, в ориентация на корыстную преступность не последнюю роль играют и наши родные средства массовой информации. «Красиво жить не запретишь» — заметили, как реже стала мелькать в разговорах эта фраза?

Тем не менее жить хочется красиво. И это вполне естественное желание давит на молодежь. В первую очередь потому, что приходит понимание: честным трудом красивую жизнь не устроишь. А между чем выбирать ясно — все ведь на виду: и «нувориши» в «мерседесах», и нищие в подземных переходах.

Подростки уже свыклись с мыслью, что они никому в стране не нужны. У них нет мест,

где можно было бы вполне легально собираться, у них нет своих газет, а интересуются ими только в тех случаях, когда за что-то нужно наказать.

Совсем недавно встречались мы с руководителем уникального в стране подросткового объединения «Юнстрой». Владимир Владиславович Алексеев, который шесть лет подряд выводил школьников, вопреки всяким запретам, на стройплощадку, сетовал: объединение распадается. Им никто не дает работы. Не выгодны ребятишки при деле...

А какой-то доход нашему юношеству все-таки нужен. Как его получить? Способов известно много, но подходов прослеживается два: за счет эксплуатации себе подобных и за счет «богатых» взрослых. Поэтому-то все большее распространение получают: организованное и срежиссированное попрошайничество у гостиниц «Интуриста», у вокзалов, в метро; мелкий рэкет в своей среде; участие в перераспределении «дефицита», добыча которого вполне возможна легальным путем (железнодорожные, авиа- и театральные билеты, продажа очереди за обувью, одеждой и т. д.); торговля девочками. Несовершеннолетние, кстати, начинают теснить сегодня с улиц традиционных торговцев-цыган... И постепенно втягиваются в преступную деятельность. Механизм вовлечения в нее сейчас действует настолько мощно, что и переход к рынку, и откат к плановой экономике позволяют подросткам лишь менять «ниши», но никакой опасности устранить не смогут.

Показательно поэтому, что сегодня под воспитанием подрастающего поколения власти понимают только жесткие ме-

ры. А они даже при социальных взрывах себя не оправдывают и оправдать не смогут. Скорее всего потому, что источник конфликтов — в максималистских ответных реакциях.

Казалось бы, прописная истина — и государство, и семья созданы во имя одинаковых целей, во имя будущего людей. Но обратите внимание, как разнится их политика к своей смене! Мать с отцом делают все, что в их силах, чтобы «выбился ребенок в люди». Будут работать, отказывая себе порой в последнем, чтобы купить для его развития игрушки. Будут откладывать деньги для того, чтобы он мог продолжить учебу. Накопят первоначальный капитал для создания молодой семьи.

А что государство? Его отношение к молодому поколению можно легко понять, если вспомнить, как пробивал себе дорогу к итоговому голосованию Закон об общих началах государственной молодежной политики в СССР. Сегодня можно вполне уверенно утверждать: если бы не пять-шесть человек, в основном из молодых же депутатов, то он так и затерялся бы навсегда в коридорах законодательной власти.

Объясняли буквально на пальцах, зачем такой закон нужен. Писали длинные пояснительные записки. Устраивали «круглые» столы. Но... готовый закон лежал под сукном почти два года...

Но даже и перед его слушанием в обществе напряглись некоторые молодежные издания подхихикивали над каким-то «особым, именно для них законом», называли его комсомольско-функциональным. И что советскому народу он, ну, никак не нужен. Писали все это в

обшем-то чистые дилетанты в области молодежной политики. Поскольку, если бы они хоть немного разузнали о том предмете о котором лихачески рассуждали, то непременно услышали бы о существовании документа, одобренного на 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, который назывался «Руководящие принципы для дальнейшего планирования и осуществления мер, касающихся молодежи». Положение молодого поколения в мире оценивалось как «напряженное», а потому были в нем разработаны рекомендации правительствам о проведении национальной политики в отношении молодежи.

А если бы хулители закона решили разобраться поконкретней, то наверняка узнали бы, что действующий и ныне в ФРГ закон о благоденствии молодежи восходит аж к одноименному законодательному акту 1922 года, отмененному в Германии с приходом к власти фашистов. С момента возобновления его действия в 1949 году идет непрерывная модификация самого закона. Новейший сборник действующего законодательства ФРГ о молодежи, где представлены 38 выдержек из различных правовых актов, может показаться хрестоматийным по истории права: один из этих актов был принят в 20-е годы, два — в 40-е, девять — в 60-е, четырнадцать — в 70-е, десять — в 80-е. А две выдержки даны из Гражданского кодекса, принятого еще в 1896 году (с поправками 50—80-х годов).

И все же, несмотря на все тернии, закон принят был. Он охватывает почти все проблемы стороны жизни несовершеннолетних и молодежи. Однако всегда в таких случаях появляется новое «но».

Как это было и всегда, для развития общества не хватает денег. В этой связи уместно провести пословицу: как аукнется, так и... Продолжать, думаю, не стоит. Сколь бы спорным не показалось это, но я считаю, что родители вкладывают деньги в своих детей не только из-за огромной к ним любви. Есть нечто на уровне, пожалуй, даже инстинкта. Обеспечивают они себе этим надежную старость. Так вот, с нынешним нашим «государственным» подходом к проблемам молодежи мы обеспечим себе старость самую что ни на есть ненадежную.

Хотя примеры, как можно было бы разумно о ней позаботиться, есть. В Италии, например, в 1986 году был принят Закон о чрезвычайных мерах по развитию молодежного предпринимательства на юге страны. Он предусматривает льготный порядок создания молодежных кооперативов. В сфере туризма, например, в таких кооперативах могут работать лица в возрасте от 18 до 29 лет. Государство возмещает им до 60 процентов расходов на строительство, приобретение оборудования. За десять лет на одну треть снижается процент выплаты за полученные кредиты. Возвращаются до 75 процентов расходов в течение первого года работы, до 50 — в течение второго. Аналогичные законы, стимулирующие молодежное предпринимательство и молодежную кооперацию, прежде всего в сельском хозяйстве, были приняты во Франции и Бельгии.

Такая продуманная политика — один из путей избавления от огромных социальных нарывов, которые порождают позже бунты, погромы, убийства.

Зарабатывать подросткам и молодежи надо дать возможность официально. И получать за это большие деньги. Стимулировать труд, а не преступность.

Кстати, никакая система профилактики преступлений несовершеннолетних и молодежи не может быть сегодня эффективна, кроме ставки на самореализацию личности. Если ее нет, начинается страшное. Либо буйные выходы молодых против старых, порядком надоевших им уже поколений, либо тихий уход от действительности.

Сегодня уже существуют прогнозы, что в ближайшее время у нас будет быстро наращиваться сырьевая база наркотических веществ. Расширение потребления слабых наркотиков коснется, в первую очередь, несовершеннолетних и молодежи. Затруднения с алкоголем, высокие цены и плохая его очистка сделают употребление наркотиков предпочтительнее.

...Какая смена нужна нашему обществу? От ответа на этот вопрос зависит многое. В первую очередь — развитие самой страны. В пользу чего самоопределится новое поколение?

Во время августовских событий, которые многие называют переворотом, стало ясно: власть у того, кто владеет ситуацией в молодежной среде. А ее около «Белого дома» было немало. Почему?

Думаю, в первую очередь, потому, что впервые нашлось

место для самореализации молодых людей. Впервые для решения государственного вопроса потребовались их голоса. Они и пришли. Вторым и очень важным фактором, моему, стал концерт «Рок на баррикадах». О нем в сегодняшних «мемуарах» забывают, но именно при этом слиянии молодежной субкультуры и политики новое поколение стало ближе к власти. Власти также новой. Был в приходе молодых людей к «Белому дому» и третий фактор: «делать было нечего». Как и всегда, как и долго, вероятно, еще будет.

Точно можно сказать одно — молодежь новой власти поверила. Весь вопрос только в одном: надолго ли? Ведь подходы к молодежной политике по-прежнему остаются старыми. А разрушенная вера, родившаяся в вакууме, оставшемся от исчезнувших коммунистических идеалов, может обернуться потрясениями, куда более глубинными, чем можно было бы ожидать.

Конечно, если мы согласны и на потоп после нас, то предпринимать ничего и не надо. Ну, а если заинтересованы все же в продолжении и более го-го — развитии цивилизации, то надо координировать усилия.

Но пока нет одного и очень важного условия — заинтересованности общества в проведении молодежной политики. Что же, будем прятаться от своего будущего по домам? Бояться по вечерам выходить на улицы?

РОЗЫСК ВЕДЕТ АС

У многих из нас слово «сыщик» ассоциируется с погонями, перестрелками и прочими атрибутами, которыми наделили таких людей писатели и режиссеры остросюжетных фильмов о работе милиции. Безусловно, всего этого в работе сотрудников уголовного розыска хватает, особенно в последнее время. Противоборство с преступниками, поиски особо опасных рецидивистов, убийц, бандитов, грабителей занимают львиную долю в деятельности оперативных сотрудников уголовного розыска. Но есть категория преступников, поиск которых требует от сыщика не столько героизма и личного мужества, сколько аналитического мышления, умения анализировать и прогнозировать дальнейшее поведение противника, смекалки и обыкновенной хитрости. Это — мошенники. Публика, как правило (надо отдать ей должное), обладающая изобретательным складом ума, артистическим даром и прочими незаурядными качествами. И «работать» с ними, ох, как не просто, ибо фантазия и смекалка человеческая неистощимы, а талант, к сожалению, порой достается и поддцу.

На Петровке, 38, есть отделение, специализирующееся на подобного рода преступлениях. И есть ведущий специалист, который не один десяток Остапов Бендеров вывел на чистую воду. «Ас» своего дела! Это старший оперуполномоченный, подполковник милиции Алексей Николаевич Сидоров.

Не будем здесь приводить его служебную характеристику. Расскажем только о нескольких, интересных, на наш взгляд, делах, которые пришлось «раскручивать» Алексею Николаевичу, и все станет ясно.

Нашу беседу прервал телефонный звонок. Алексей Николаевич внимательно выслушал начальника, затем заказал пропуск для посетителя, коротко пояснив: «Сейчас своими глазами увидите жертвы очередной автомобильной аферы».

Мужчина и женщина, вошедшие в кабинет Сидорова, от обрушившегося на них несчастья, были растеряны, долго мялись, не зная, с чего начать и кому рассказать о происшедшем.

— Недавно купили машину, — неуверенно начала женщина, — «Жигули», девятую модель, за 21 тысячу у жителя города Орджоникидзе. Он оформил на мою фамилию доверенность, но мы не успели ее перерегистрировать, так как автомашина была неисправна. А вскоре ее хозяин заявил, что «Жигули» ворованные и машину необходимо вернуть. Сегодня утром мы передали Анвару ключи от машины, он нам сберкнижку, выписанную на мужа, но посмотрите! вместо 21 тысячи на счету всего 200 рублей...

МАРТЫН ПЕТРОВИЧ

У института имени Склифосовского резко затормозила «Скорая помощь». Из нее вышел профессор Мартын Петрович. Жестом отпустив водителя, направился к Челноку. Стоявший рядом клиент в ондатровой шапке с почтением смотрел на «настоящего профессора», пока тот разговаривал с Челноком.

Этого южанина в восточном халате и ондатровой шапке вместо традиционной тубетейки Челнок заметил еще у комиссионного магазина в Южном порту. Сразу понял — его клиент. По тому, как тот разглядывал машины, показывал пальцем на светлые «Волги» и «Жигули», как прицокивал языком, заглядывал почему-то под колеса, а главное — скользил взглядом по авоське, где лежали завернутые в газетную бумагу пачки с деньгами...

Момент для знакомства был выбран подходящий. Челнок вынырнул из-за спины, когда человек в ондатровой шапке остановился у темно-вишневой «Волги» и, покачивая головой, говорил хозяину: «Белый-белый машина хачу».

— Земляк, есть лотерейный билет. Выберешь машину любого цвета.

— Где былэт?

— Ну я же, папаша, не такой дурак, чтобы таскать его при себе, — с укором сказал Челнок. — Билет не мой, а одного профессора. Поедем к нему в институт и там обо всем договоримся.

«Земляк», не долго думая, согласился.

— Мартын Петрович! — весело кричал в телефонную трубку Челнок. — Я вам покупателя нашел. Ждите нас возле института.

Челнок звонил на явочную квартиру. Вся преступная группа была в сборе. Время коротали за картами. Обязанности свои каждый знал прекрасно. На сборы ушли считанные минуты.

— Я же говорил, что Челнок без лоха не вернется, — укладывая в портфель белый халат, не без гордости заметил Мартын Петрович.

Южанин Мартыну Петровичу тоже понравился своей наивностью, простодушием, а главное авоськой.

Мимо прошла женщина в белом халате и почтительно поздоровалась: «Добрый день, Мартын Петрович».

«Профессор» снисходительно кивнул головой. Затем все сели в машину «Скорой помощи» и поехали к сберкассе. Там проверили таблицу. Номер билета совпал с выигрышем «Волги».

Клиент проверил билет на свет, спросил у кассира, не фальшивый ли. Билет действительно не был фальшивым. Просто незадолго до приезда Мартына Петровича в сберкассе побывал один из участников преступной группы, подменивший таблицу розыгрыша другой, куда типографским способом была впечатана строка с «выигрышем»...

Покупатель отсчитал тридцать тысяч и попрощался. Как и все предыдущие жертвы Мартына Петровича, он узнал о подлоге лишь в центральной сберкассе, куда пришел сдавать билет на экспертизу.

— Таким образом Мартыну Петровичу удалось обмануть двенадцать человек, — вспоминал Алексей Николаевич. — Самая серьезная проблема возникла с установлением личности мошенника. Большая путаница была с составлением фоторобота. Странное дело — всем потерпевшим казалось, что у этого Петрова худое лицо, хотя на самом деле лицо у него круглое, а сам он тучный человек. Однажды мы даже задержали очень похожего на него мужчину. Один из потерпевших его опознал. Но это была ошибка. Мы с ног сбились в поисках пройдохи, а он все продолжал дурачить людей.

— Версия, что Мартын Петрович был уже судим, — продолжал Сидоров, — подтвердилась. На наш запрос пришел ответ, что это не кто иной, как Барбашов Владимир Григорьевич, находившийся во всеоюзном розыске за аналогичные преступления в Ферганской области.

Способ совершения преступлений был один и тот же. Как правило, Мартын Петрович подбирал выигрышные таблицы лотерей из других союзных республик, чтобы их можно было проверить только в центральных районных сберкассах столицы. Именно туда он водил обманутых клиентов. Вариант был беспроигрышный. Потому что в обычных сберкассах таких таблиц нет и перепроверить там, выиграл ли билет, нельзя.

Мы собрали заведующих сберегательными кассами Москвы, проинструктировали, поместили тиражные таблицы и предупредили сотрудников: как только кто-то из посетителей подменит какую-нибудь из них, срочно звонить к нам на Петровку.

В конце концов в одной из столичных сберкасс появился мужчина, который совершил такую подмену. Но контролер растерялась и вместо того, чтобы позвонить нам, нажала кнопку сигнализации. Спустя три минуты к сберкассе подкатил милицейский «уазик» с мигалкой и сиреной. Операция сорвалась, а Мартын Петрович понял, что его обложили, и очередную аферу проделал в Ленинграде. Но самое главное было уже сделано — была установлена личность преступника, объявлен всеоюзный розыск, и вскоре Мартына Петровича задержали коллеги из Московской области.

* * *

Алексей Николаевич говорит, разглядывает сберегательную книжку: «Простым карандашом подрисованы цифры. Вместо двухсот рублей стало 21 тысяча 200 рублей», — показывает Сидоров подделку.

— Мы сразу не разглядели, — поясняет жена, — поехали в сберкасса проверить, настоящая ли сберкнижка.

Женщина разводит руками и замолкает.

— А вы разве не поняли, что имеее дело с самым настоящим жуликом? — спрашивает Сидоров.

Супруги молчат.

— Ладно. Не будем терять времени. Где и когда вы с ним сегодня встречались? — спросил Алексей Николаевич.

МАЙОР КУК

Вечером в квартире инженера кондитерской фабрики «Калев» в Таллинне Тынниса Вайно раздался телефонный звонок. К телефону подошел хозяин квартиры. Звонили из другого города. Звонивший поздоровался и повел разговор по-эстонски:

— С вами говорит майор КГБ Кук. Будьте добры, пригласите к телефону Вальдемара.

— Вы ошиблись, здесь таких нет.

— Простите, ваш номер...

— Да.

— Извините, может быть, я что-то путаю, но разве не вы отдыхали летом в Пярну и просили, чтобы я помог вам приобрести «Жигули» четвертой модели? Нет? Странно, а почему же у меня записан ваш телефон? Простите еще раз, я, видимо, действительно что-то перепутал. Хотел помочь хорошему человеку, благо такая возможность сейчас появилась.

Собеседник Кука замер, лихорадочно соображая, как бы не прервать разговор и попробовать договориться о столь важном и затратном приобретении.

— Но ... погодите,— начал мяться инженер,— а у вас, что, действительно, есть такая возможность? Может быть, вы уступите эту машину мне?

— Да в общем-то мне все равно,— растягивая слова, отвечал майор КГБ. Но вы понимаете, что это делается на определенных условиях...

— Я все прекрасно понимаю, товарищ майор,— инженер спешил заверить в сообразительности своего собеседника.

— Желательно все сделать как можно скорее. Сами понимаете, конец месяца.

Инициатива перешла к Вайно, который стремился не упустить счастливый случай, соглашаясь на все условия. Договорились о встрече в Москве на Гоголевском бульваре в три часа дня.

— У меня в руках будет черный дипломат,— сказал на прощание майор.

Инженер приехал в столицу с приятелем, который был как прикрытием на случай ограбления и сам тоже давно искал возможность приобрести новую машину.

Майор оказался человеком внешне интеллигентным и солидным, коротко, внушающим уважение.

— Вы, конечно, понимаете, удостоверение свое вам показать не могу,— многозначительно начал разговор майор КГБ.— Но вот, пожалуйста, мои права,— развернул он водительское удостоверение.

Разглядывать документ гости из Эстонии посчитали не совсем приличным, но успели заметить фотографию майора, а рядом с ней фамилию Кук. Майор любезно согласился помочь приобрести машину у приятелю инженера.

Условия были приемлемые: по две тысячи друзья отдают человеку, который должен выписать открытки на покупку машины. А с майором они после оформления всех формальностей посидят вечером в ресторане «Прага». А там уже сами решат, как его отблагодарить ...

— Мне важнее вечер провести с земляками,— объяснял Кук,— до сих пор не могу привыкнуть к этой Москве. Если б не служба, бросил бы все и уехал на родину ... Ну, ладно, давайте деньги и

ждите меня здесь. Постараюсь долго не задерживаться,— сказал он, укладывая пачки с деньгами в дипломат.

Друзья внимательно наблюдали, как майор зашел в здание из белого мрамора.

Прошло несколько часов, пока гости из Эстонии окончательно поняли, что их обманули самым беспардонным образом. Постовой из белоснежного особняка разрушил их последнюю надежду, заявив, что никакого майора Кука он в глаза не видел.

— Прежде чем мы его арестовали,— вспоминал Сидоров,— Кук успел таким образом одурачить шестнадцать человек. Всегда действовал по одному сценарию. Звонил в Эстонию, якобы ошибался номером телефона. Предложение о покупке ВАЗ-2104 срабатывало безотказно. Люди приезжали в Москву. При встрече он брал у них деньги и спокойно уходил.

Нам удалось выяснить, что майор Кук — это Кют Велло Вальдемарович, эстонец, разыскиваемый за побег со стройки народного хозяйства. Установили его связи: родственников, друзей, знакомых. Здесь нам очень помогли коллеги из МВД Эстонии: Роланд Силь и Владимир Савиных. По эстонскому телевидению рассказали о мошеннике, в газетах напечатали его фотографию и вскоре благодаря этому вышли на его любовницу, которая жила в Гаграх. Установили наблюдение за ее домом.

Несколько дней Кук не появлялся. К тому времени мы уже знали его почерк, большую работу провели на московских переговорных пунктах, потому что понимали: из квартиры он звонить не будет. Нам удалось установить, с какого переговорного пункта он разговаривает чаще всего. Телефонистки опознали его по фотоботу.

Ну, а дальше — дело техники ...

* * *

— Мы с ним встречались сегодня в 9 утра у кинотеатра «Комсомолец», недалеко от автостоянки,— вступает в разговор муж.— Передали ему ключи от машины, а он нам — сберкнижку.

— Так. Сейчас одиннадцать. Анвар говорил вам что-нибудь о своих планах? — спрашивает Сидоров.

— Говорил,— вспоминает жена,— что собирается поехать на станцию техобслуживания. У машины неисправная коробка передач.

Сидоров связался с дежурным по управлению ГАИ, передал номер машины, сообщил ее приметы, просил проконтролировать выезд из города, автостоянки. Затем позвонил дежурному III-го отделения милиции, чтобы тот дал команду проверить гостиницы «Заря», «Восток», «Алтай» и «Восход»: не проживает ли там владелец «девятки», а заодно посмотреть, не припаркована ли поблизости сама автомашина.

ШАЙТАН ИЗ ОДЕССЫ

Эlegantный молодой человек, очаровательно улыбнувшись, протянул кассирше сбербанкаменной чек на десять тысяч рублей.

— Будьте любезны, всю сумму ...

Наметанным взглядом женщина быстро сличила данные в паспорте клиента с денежным документом. Все сходится. Тем не менее

женщина неспешно начала пролистывать паспорт, внимательно всматриваясь в каждую страницу. Посетитель занервничал.

— Побыстрее, пожалуйста, мне некогда ...

— Не волнуйтесь, гражданин, сейчас я вас рассчитаю. Только подождите еще одну минуту. Кое-что надо уточнить у заведующей

Женщина встала из-за стола. Но не успела она сделать и нескольких шагов, как элегантный мужчина, утратив свою респектабельность, со всех ног бросился из помещения ...

Работникам сберкассы ничего не оставалось делать, как передать именной чек и паспорт клиента на Петровку, 38. Так эти документы попали к подполковнику Сидорову.

То, что чек настоящий, не вызвало у оперативника никаких сомнений. Паспорт, на первый взгляд, внушал доверие. Немного потрепанный. С пожелтевшими от времени листами. Подчисток штампов и текста, исправлений не видно. Серия везде сходится и номер один и тот же. Впрочем ... На страницах, где записаны данные владельца документа, в середине номера были другие цифры. Сидоров перегнул паспорт пополам. И только теперь четко разглядел, что эти страницы вставные. Но как все аккуратно подогнано. Ничего не скажешь, чистая работа!

Занятие Сидорова прервал стук в дверь.

— Войдите ...

На пороге появился восточного типа мужчина.

— Меня прислал к вам начальник отдела полковник Песцов, — проговорил вошедший с заметным акцентом.

— Присаживайтесь к столу. Что случилось?..

Гейдар Мамедов (имя и фамилия потерпевшего изменены) рассказал, что несколько дней назад приехал в Москву покупать автомашину. В Южном порту познакомился с одним человеком, который назвался Леонидом. Обаятельный, одет прилично.

Слово за слово — разговорились. Гейдар посетовал, что не может найти подходящей машины. То цена его не устраивала, то автомобили были слишком подержаны ...

— Пожалуй, я смогу вам помочь, — успокоил Леонид собеседника и показал лотерейный билет, по которому выиграл недавно «Жигули».

— Машина мне ни к чему, — пояснил Леонид. — Одна уже есть, хватит, поэтому, если хотите, могу продать билет за десять тысяч.

Конечно, Мамедов на это предложение с радостью согласился, хотя сначала сомневался, как бы не было подвоха. Когда ехал сюда, друзья предупреждали, что в Южном порту надо держать ухо востро. Но все опасения развеялись, как только Леонид привел Мамедова в ближайшую сберкасса и он собственными глазами увидел официальную таблицу выигрышей. Номер в таблице и лотерейном билете совпал тюtelька в тюtelьку.

Гейдар расплатился со своим благодетелем именным чеком, так как наличных денег при себе не имел. Билет в тот же день был отдан в сберкасса. Его приняли без проблем. Но вдруг оттуда пришло извещение, что билет поддельный.

— Значит, вы утверждаете, что расплатились именным чеком, — перебил собеседника Сидоров. — Случайно не этим?

Алексей Николаевич положил на стол чек, который передали из сберкассы.

— Да, это он ...

— А теперь посмотрите внимательно на фотографию в этом паспорте,— продолжал Сидоров.— Не узнаете вашего знакомого?

Лицо пострадавшего посерьезнело. Он слегка подался вперед, словно боясь, что не разглядит.

— Он самый, начальник... Ах, шайтан поганый!

Итак, кое-что для начала розыска мошенника у Сидорова уже было. И в первую очередь — портрет, хотя внешность можно легко изменить. И паспорт, по которому «шайтан» собирался получить деньги в сберкассе.

Проконсультировавшись со специалистами, Сидоров выяснил, что паспорта с такой серией выдавались в Краснодарском крае. Выехал туда в командировку. Увы, безрезультатно. Нашли, правда, несколько человек. Но ни один внешне не был похож на разыскиваемого. Тогда Сидоров разослал в управления внутренних дел страны запросы с просьбой сообщить о фактах подделок лотерейных билетов. Вскоре из Одессы пришел ответ, что таким мошенничеством здесь занимался в свое время некий Леонид Корнев. За это был осужден и отбывал наказание. К сожалению, не так давно, воспользовавшись ротозейством охраны, Корнев бежал из колонии. К ответу было приложено фото Корнева. Экспертиза дала заключение, что на этой фотографии и той, что в паспорте, оставленном в сберкассе, изображен один и тот же человек.

— Теперь предстояло главное,— вспоминал эту историю Сидоров,— найти Корнева. Но где его искать? По имевшимся у меня сведениям — он мог скрываться в Херсоне, Одессе, Каховке, Батуми, одном из сел на берегу Черного моря... Пришлось опять оформлять командировку. На этот раз она была более удачной. Очень помогла сопроводительная бумага, подписанная заместителем министра МВД СССР, о том, чтобы ее обладателю оказывалось полное содействие в розыске мошенника. Я не знал проблем ни с транспортом, ни с гостиницами, ни с людьми. Проехал почти все побережье. Наконец, в Батуми установил, что здесь проживала жена Корнева с ребенком. Но недавно она выписалась и переехала в Москву...

Найти в столице дом, в котором поселилась Корнева, для Сидорова было делом не сложным. За домом установили наблюдение. Но время шло, а Корнев здесь не появлялся. Алексей Николаевич, грешным делом, стал уже было подумывать: не ошибся ли в расчетах. И вдруг... однажды из подъезда вышел человек со знакомым по фотографии лицом. Неужели он? Или показалось? Да нет. Действительно это Леонид Корнев. Элегантен. Не старше сорока лет Кудрявый.

Корнев внимательно огляделся и быстро зашагал по улице. Остановил такси...

Сидоров с коллегами тотчас бросились к оперативной машине, где сидел Гейдар Мамедов, специально приглашенный Сидоровым в Москву для опознания мошенника.

Такси приехало в центр города и остановилось возле мастерской по ремонту зажигалок. Корнев пробыл там минут пять — десять. Когда вышел обратно, едва не столкнулся лоб в лоб с бывшим «знакомым». От неожиданности мошенник застыл, как вкопанный, но быстро взял себя в руки. Лицо расплылось в радушной улыбке.

— Гейдар, дорогой, никак это ты!..

— Паразит... Шайтан... — услышал в ответ мошенник.

Дальнейший диалог прервал Сидоров.

— Московский уголовный розыск. Прошу следовать за мной...

— Все ясно,— чертыхнулся Корнев.— Приехал. И дернула меня нелегкая заправить зажигалку!

Во время допроса Леонид Корнев не запирался. Да и глупо это было бы делать в подобной ситуации. Сидоров предъявил ему акты экспертизы, свидетельские показания, которые дали Гейдар Мамедов и другие, обманутые Корневым люди.

— А мошенник Корнев был знатный,— улыбнулся, заканчивая рассказ, Сидоров.— Одно слово — профессионал. Как-то во время допроса спросил его: «Леня, что тебе нужно, чтобы подделать лотерейный билет?» «40 минут времени, лупу, скальпель, клей и несколько таких же билетов»,— ответил Леонид. Клей, правда, он готовил по собственному рецепту, который хранил в глубокой тайне...

* * *

Кабинет подполковника Сидорова превращается в штаб по поиску автомашины и Анвара.

Звонит дежурный 111-го отделения милиции, который сообщает, что «Жигули» ВАЗ-2109, номерной знак..., обнаружены в одном из переулков неподалеку от гостиничного комплекса. Дежурный говорит также, что владелец машины действительно проживал в гостинице «Восток», но утром выписался, сдал номер.

— Установите наблюдение за автомашиной,— просит Сидоров.— Надо обязательно дождаться, когда за ней вернется хозяин.

Спрашиваем Алексея Николаевича, случайно ли он сузил круг поиска и просил коллег обратить пристальное внимание именно на этот гостиничный комплекс.

— Нет, конечно,— улыбается Сидоров.— Просто сопоставил факты. Судите сами: сберкасса, куда были положены деньги Анваром, находится на Дмитровском шоссе, неподалеку от этих гостиниц. Потерпевшие живут на улице Фонвизина. Встречу им Анвар назначил возле кинотеатра «Комсомолец» и в течение пятнадцати минут после звонка приехал туда. Все это находится в одном районе.

Вновь звонит телефон. Сидоров снимает трубку. В уголках губ мелькает усмешка.

— Ну, вот и хорошо. Везите его к нам. Кабинет номер... Пропуск я закажу.

Смотрим на часы. Время 12.20. Поиски мошенника длились час и двадцать минут. На этот раз все завершилось довольно быстро. К сожалению, чаще бывает иначе.

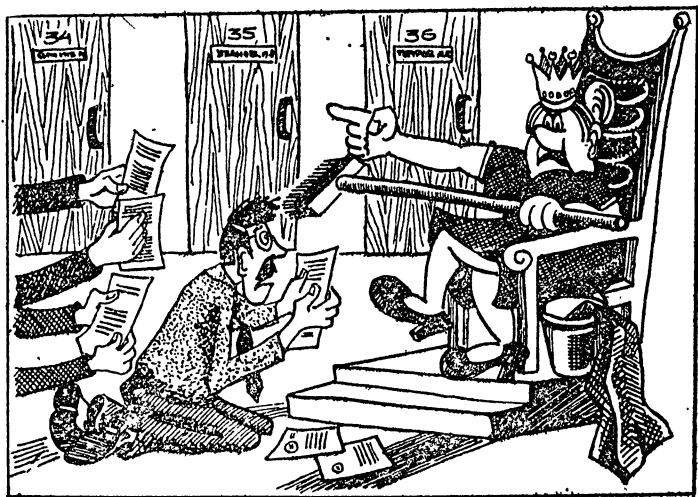
ПЕЧАЛЬНО, НО ФАКТ...

ПАРАД УБОРЩИЦ

Одни мои знакомые твердо убеждены, что самый главный человек в нашей стране — уборщица. Вот как они пришли к этому мнению.

Приехав в загс за час до открытия, супруги Покорные все же были

вторыми в очереди. Постепенно приемную заполнял народ. Первым делом все натыкались на объявление: «Для регистрации брака вход со стороны улицы». Здесь, со стороны двора, разводили. Работа эта нудная,

напрягаться, изображая радость, не требовалось, и поэтому, очевидно, доброжелательность или хотя бы внимание к посетителям отсутствовали напрочь. словно усугубляя несчастье собравшихся здесь людей, с ними не разговаривали, а рычали. Да и чего церемониться-то в самом деле? Им же нужны документы, значит, потерпят. Не хотят — пусть уходят. Все меньше работы!

Время тянулось медленно, очередь росла быстро. Вдобавок угнетали безысходность, крушение семейного быта, неизвестность, маячившая впереди, домашние скандалы, переходящие порой во взаимную ненависть... Только через час пять минут мои знакомые вошли, наконец-то, в заветную дверь, перед которой смиренно стояли с самого утра.

— Мы хотим развестись.

— Пожалуйста, — протянула им бланки молоденькая сотрудница. — Идите в коридор и заполняйте.

— И все? — изумились супруги. — А мы так долго стояли в приемной без дела.

— Нет, не все. Потом

опять придете ко мне. У нас такой порядок!

(Господи, только советский человек осознает и в полной мере ощущает на себе значение этих волшебных слов: «Так принято... Такой порядок... Не вашего ума дело...» Они начисто парализуют его волю, стремление к активным действиям.)

Удивляясь столь нелепой организации труда, Покорные, тем не менее, самым тщательным образом заполнили бланки. И снова они очутились у неприступной двери, ожидая повторного визита. Тут в приемную восшествовала уборщица загса Анна Захаровна. Сбоку семеняла ее знакомая.

— Вот здесь все и узнаешь, — она уверенно взмахнула тряпкой и поправила рабочий халат. — Надь, — бесцеремонно обратилась затем уборщица к еще одной сотруднице, гордо восседавшей за амбразурой окошка с табличкой «Архив». — Подготовь ей справки.

К окошку также стояла многочисленная очередь, но Анна Захаровна привычно оттеснила робко молчавших людей и протолкнула к Наде свою

знакомую. Затем властно открыла дверь, перед которой уже два часа томились Покорные: «Иди за мной».

— Ну надо же! — то ли позавидовала, то ли загоревала старенькая женщина.

Очередь зашумела. Видимо, всякому терпению есть предел. Одурманенные ожиданием и духотой, супруги Покорные решились на опрометчивый поступок. Они вошли вслед за уборщицей. Муж залепетал что-то жалкое насчет очереди.

— Что? — разъярилась Анна Захаровна. — А ну иди отсюда, хулиганье несчастное! — с этими словами она основательно толкнула супруга. Тем временем ее знакомая что-то спешно шептала на ухо молоденькой инспекторше. Та отвечала. А распалившаяся уборщица продолжала бушевать. На ее крики прибежала Надя, бросив на произвол судьбы своих посетителей. Сообща сотрудники стали теснить к двери супругов, требуя, чтобы они вышли и не мешали работать.

— Но очередь-то наша! — затравленно твердили Покорные. Они еще не осознали всей тяжести своей вины. Чувствуя

поддержку, Анна Захаровна еще чувствительней толкнула супругу, назвав ее нервнობольной, которой, конечно же, надо лечиться и которую именно по этой причине бросает муж.

Очередь роптала через открытую дверь. Покорные просили вызвать заведующую.

— Я здесь главная заведующая! — гордо объявила Анна Захаровна и опять приблизилась к супруге. Та затравленно озиралась вокруг. Ее испуганный взгляд перехватил муж. Он отбил очередную атаку уборщицы, затем загородил собой женщину, с которой прожил восемнадцать лет и эту минуту, женщину, которая была матерью двух его детей, женщину, с которой он еще совсем недавно хотел развестись.

Но его выход на сцену только усилил страсти. «Убивают, — завопила Анна Захаровна, хватаясь за сердце. — Милиция!» К ней присоединился дуэт сотрудниц. Дело пахло керосином. Силы были неравны, к тому же противник звал мощное подкрепление, поэтому Покорные сочли за благо вновь оказаться перед закрытой дверью.

Мыслимо ли человеку справиться с госучреждением?!

Очередь супругов все еще не подошла, когда в окошке опять появилась Надя. «Здравствуйте! Извините, пожалуйста, я...» — робко проговорил какой-то мужчина с пышной седой шевелюрой. «Я занята!» — резко отрубила Надя. Из разговора с окружающими выяснилось, что у мужчины серебряная свадьба, он пришел узнать о церемонии юбилея, но не знал, в какой кабинет обратиться, и хотел спросить — в какой. Праздничное настроение Надя отбила ему напрочь.

Этот конфликт оказался для Покорного тем самым перышком, которое сломало спину верблюду. «Да ну их к черту! Какой еще развод! — он потащил супругу к выходу. — Пойдем отсюда, малыш!» Так он не называл ее уже лет пять...

Они долго сидели на скамеечке, тесно прижавшись друг к другу, со смехом обсуждали эпизоды недавнего сражения

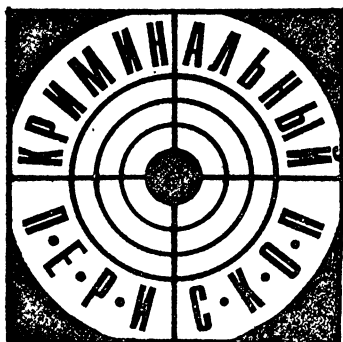
и никак не могли понять, как могла прийти им в голову эта идиотская мысль о разводе.

Недалеко от загса Покорные заглянули в магазин. Женщина в коричневом плаще громогласно возмущалась: «Почему же без очереди! Не отпускайте ей!» Это была Анна Захаровна. Не обращая на нее внимания, продавщица обслуживала знакомую уборщицу магазина...

Эту историю мне со смехом рассказали сами супруги Покорные. Вернее — Морозовы, так звучит их настоящая фамилия. Причем Люба совершенно искренне убеждена, что подобным отношением к посетителям сотрудники загса стремятся сократить число разводящихся.

Я слушала их искренний смех и с горечью думала, что и сегодня Гоголь и Достоевский могли бы написать об «униженных и оскорбленных» и об Акакии Акакиевиче Башмачкине.

Д. ГАЛИНА

■

В Словакии в 1991 году зарегистрировано 15 тысяч ограблений. Ограблено 2143 квартиры, 2605 вилл, 1454 ресторана, 1755 магазинов, 754 школы. Преступники активно орудуют в музеях, церквях. Об этом сообщил сотрудник следственного управления министерства внутренних дел Словакии.

■

В США газеты обошло сообщение о том, что в Лос-Анджелесе специальным управлением Службы эмиграции и натурализации проведена масштабная операция по пресечению деятельности контрабандистов, занимающихся незаконной переправкой людей из Китая в Соединенные Штаты Америки. 13 руководителей преступной группировки арестованы. В ходе операции задержано также 118 китайских «эмигрантов».

Этих клиентов находили в отдаленных сельских районах Китая. Затем, используя рыбо-

ловные траулеры, переправляли их к берегам Калифорнии. На берег перевозили ночью на небольших лодках. За рискованное «путешествие» каждый желающий платил по 30 тысяч долларов.

В Хельсинки завершился процесс по делу первого в истории Финляндии случая по обвинению в преднамеренном убийстве в результате заражения обвиняемым потерпевшего вирусом СПИД. Суд признал виновным жителя города Эспо в преднамеренном заражении своего партнера-гомосексуалиста СПИДом, что привело к смерти потерпевшего. Преступник приговорен к двум годам лишения свободы и штрафу в размере 75 тысяч финских марок. По свидетельству газет, судебный процесс по данному делу был закрытым и все документы, связанные с этим делом, объявлены секретными.

В Таиланде власти чрезвычайно обеспокоены накоплением оружия у населения. По данным полиции, в настоящее время на руках у тайландцев находится более 22 миллионов стволов. (В стране проживает 56 миллионов человек). Помимо официально разрешенного хранения оружия, по стране ходит множество незарегистрированного. «Торговцы смертью» наживаются на этом миллионы долларов.

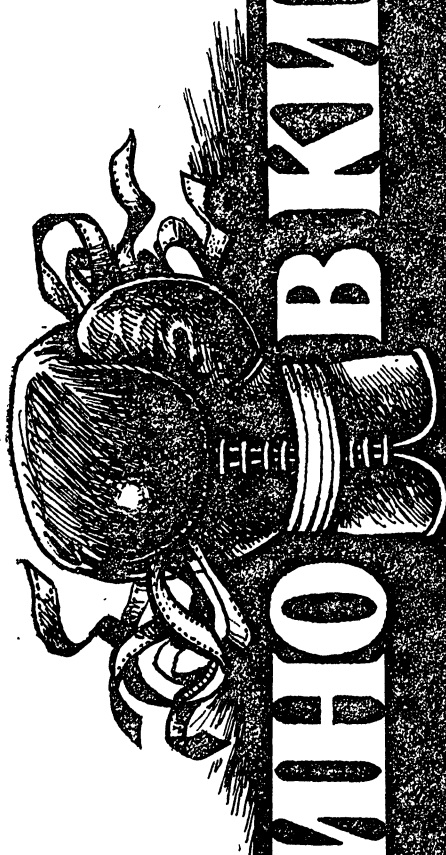
Подготовил
Геннадий ЧАРОДЕЕВ

ПОВЕСТЬ

**Владимир
СУХОРЕБРЫЙ**

СУХОРЕБРЫЙ
Владимир Гаврилович (род. в 1946 г.). Закончил сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии в 1972 г. Затем, в 1974 г., закончил Высшие двухгодичные курсы сценаристов и режиссеров. Автор тринадцати сценариев художественных фильмов. Среди них: «Сентиментальный бокс» (1970 г.) «Эфиоп» (1974 г.) «Безбилетная пассажирка» (1978 г.), «Каракумы. 45° в тени» (1982 г.), «Генеральная репетиция» (1988 г.).

В прошлом году в журнале была опубликована его повесть «Обаяние дьявола».

КИНО В КИНО

У подъезда студии хроникально-документальных фильмов оператор Беднов укладывал в «Рафик» киноаппаратуру.

— На съемку? — спросила Таня с крыльца студийного здания.

— Как видишь.

— Что снимаешь?

— Болты в томате, — сказал Беднов.

— С твоим талантом снимать заказухи — грех.

— Хорошо говоришь, слезу вышибает. Скажи еще что-нибудь.

Насчет таланта желателью.

Мимо Тани, доедая на ходу бутерброд с колбасой, прошел водитель микроавтобуса.

— Ну что, господин Желудок, поедем? — спросил Беднов.

Ланч у рабочего класса кончился?

Ничего не ответив, водитель похлопал ботинками по колесам «Рафика», затолкал в рот оставшийся кусок бутерброда, сел за руль и завел мотор.

Беднов, попрощавшись, уехал.

День был солнечный, но вегер дул по-осеннему холодно. Таня поправила на шее пестрый японский шарфик и взглянула на свое отражение в стеклянной двери. Силуэт ее точно копировал силуэты самых экстравагантных журналов мод. Придирчиво осматривая светло-коричневое кожаное пальто в сочетании с кремовой сумкой, всевшей у нее на плече, и сапогами точно такого же цвета, она не обнаружила в своем одеянии никаких прорех — все наилучшим образом сочеталось одно с другим. Хорошо подобранные цвета в мутноватой велени стеклянной двери обрели еще большее равновесие, и танино отражение впрямь походило на гляцевый отпечаток в богато иллюстрированном журнале.

Возле крыльца остановился широченный «Плимут». Из машины выбрался измученный человек с померкшим взглядом. Брюки, галстук, пиджак висели на нем, как на вешалке. Таня мысленно окрестила его доходягой.

— Кажется, я опоздал, — слабым голосом произнес он, доставая из жилетного кармана часы.

— Нет, нет, вы очень точны, — заверила Таня.

— Не очень, — сказал доходяга. — Опоздал почти на минуту.

Прошу прощения. Здравствуйте.

— Здравствуйте, — Таня пожала протянутую доходягой руку.

Они вошли в вестибюль, поднялись лифтом на третий этаж. У дверей просмотрового зала, что прямо напротив лифта, стоял двухметровый громилла восточного типа.

— Что вы здесь делаете? — спросила Таня.

— Это Хасан, — сказал доходяга.

Хасан, используя индикатор, проверил, нет ли у Тани с собой металлических предметов.

— Что это значит? — от возмущения голос ее задрожал. — Меня обыскивают?

— Не обращайтесь внимания, это формальность, — успокоил ее доходяга. — Хасан за это получает деньги.

В зале их ждала монтажер.

— Этот мордonoрoг меня всю облапал,— пожаловалась она.

— Хасан может,— то ли с гордостью, то ли с печалью констатировал доходягa.

Начался просмотр фильмотечного материала. Он весь посвящался боксу, а именно: Вадиму Ларину, высокому худошавому средневесу, лишенному внешних признаков атлетизма. На его сложение доходяга сразу обратил внимание, потому что представлял себе боксеров непременно широкоплечными, с арбузными мускулами.

— Боксеры называют его фигурой,— сказала Таня.

Жилые руки боксера походили на плети. По сравнению с другими бойцами он выглядел на ринге довольно пассивно, работал, как объясняла по ходу Таня, вторым номером, на контратаках. Ларин редко использовал серии, отдавая предпочтение кинжальным одиночным ударам. Удары эти обладали сокрушительной силой и часто приносили победы досрочно.

— Нокаутом называется? — спросил доходяга.

— Да, нокаутом.

Следы увечий — скошенная правая бровь, искривленный нос, рубец на скуле — внушали с экрана определенный страх. Глаза смотрели с пугающим безразличием, холодно. На вопросы именитый боксер отвечал как бы с некоторой неохотой, но вполне обстоятельно, за словом в карман не лез.

Его спрашивали:

— Говорят, когда ты пришел первый раз записываться в секцию бокса, тебя не приняли. Мы знаем немало аналогичных случаев. Например, Юрия Никулина в свое время не приняли на актерский факультет, Федора Шаляпина не взяли петь в хор. Как ты относишься к таким роковым ошибкам?

Он отвечал:

— Со мной никакой ошибки не было. Я пришел записываться, когда набор уже кончился. Поэтому меня не приняли.

— Скажи, почему ты выбрал именно этот вид спорта?

— Хотелось научиться драться.

— И все?

— Все.

— А потом?

— Потом втянулся.

— Чем ты объясняешь свои достижения на ринге? Трудолюбием? Природными данными? Хотелось бы знать секрет успеха.

— Никакого секрета нет,— отозвался Ларин, поерзав на стуле.— Просто я уникам. Вы же знаете, как я бью. Некоторые называют мои кулаки чугунными. Этим все объясняется.

— Ты родился с такими чугунными?

— Нет, их сделал такими мой тренер. Я всем в этой жизни ему обязан.

— Собираешься ли ты стать профессионалом?

— Не знаю.

Итак, Вадим Ларин стал чемпионом мира среди любителей, завершив большинство поединков досрочно. Спустя год он с трудом добился призового места на первенстве Европы, а еще через полгода проиграл первый же бой в чемпионате страны. На следующих всесоюзных соревнованиях, через год, он потерпел новое поражение и больше на ринг не поднялся.

Пленка кончилась, в зале зажегся свет.

— Вот вам и уникам,— удовлетворенно сказала монтажер, как если бы сама послала чемпиона в нокаут.— Вообще, мне кажется, здесь налицо дебилность.

— С чего вы взяли? — полюбопытствовал доходяга.

— У меня дебилный сосед, так этот Ларин словцо его родной брат.

В зал вошла директор киностудии Дарья Иванова, поздоровалась с доходягой за руку.

— Ответьте,— сказал доходяга,— зачем вы эту муру показали мне?

— Почему «муру»? Хороший, по-моему, материал.— возразила Дарья, вперившись в гостя коричневатыми линзами мощных очков, сделанными, как могло показаться, из грубого бутылочного стекла.— Ларин живет в нашем городе, и мы его где-нибудь здесь откапаем.

— Зачем вам его откапывать? — спросил доходяга.

— Ну как вы не понимаете? — вмешалась Таня.— Этот парень взошел на Олимп и тотчас с него свалился. Вчера был кумиром, сегодня — ноль.

— Это участь всех чемпионов,— парировал доходяга.— Кому это интересно?

— Всякий успех таит в себе драму,— продолжала доказывать Таня,— поэтому судьба чемпиона по боксу может быть интересна многим. Надо узнать, куда этот парень делся. Что с ним стало? Попытаться понять, почему он так быстро сломался. Надо подробно исследовать случай.

— Вся эта бодяга с боксером,— настаивал на своем доходяга,— мне кажется, выеденного яйца не стоит. Надо чем-то эпатировать публику, факты должны быть жареными. Да вы это знаете лучше меня.

— Факты найдутся,— сказала Таня,— а я их слегка поджарю. На то я и режиссер.

— Но факты жарятся не на студии,— заметил доходяга.

— А где?

— Не знаю.

— Не знаете, а говорите.

— Во всяком случае, я считаю, что нашей фирме бессмысленно финансировать ваш проект. Прокат будет мизерный. Стало быть, наше участие в титрах особой рекламы фирме не сделает. Одни расходы, никакого престижа. Прощайте.

Доходяга вышел из зала.

— По-моему, он голубой,— высказала предположение Таня.

— Однозначно,— Дарья подергала крупным, неженским носом, служившим надежной опорой для ее окуляров.

— Зашла б вечером,— пригласила Таня.— Поболтали бы, как бывало.

— Картошку пожаришь?

— Да.

Картошки дома не оказалось, зато нашлись маринованные огурчики, зеленый горошек, ветчина, яйца, масло. Таня сварганила яичницу с ветчиной, вспомнила: есть еще брынза, нашелся и хлеб.

— Эх, пивка бы! — Дарья крякнула и потерла ладоши.

— Чего нет, того нет,— сказала Таня.— Есть только водка. Растиралась, когда болела.

Дарью не пришлось уговаривать: раз нет пива, можно «растертая» лекарством. Рюмки, початая бутылка кубанской, тарелки с едой, сковородка, хлебница каким-то чудом уместились на небольшом квадратном столе в тесной кухоньке.

— Хорошо быть пьяницей,— после первой заявила Дарья.

— Не уверена. С утра, говорят, голова болит.

— А ты думала! Во всем есть свои неудобства. Зато, говорят, к обеду уже нормально, если полечишься. До чего у тебя все вкусно!

Дарья смачно хрустела маринованным огурцом, мычала, наслаждаясь поджаренной ветчиной с яйцами. Не пора ли повторить «растирание»? Повторили.

Из крана капала в мойку вода, по радио тихо «кружился вальсок» Яна Френкеля, протяжно скулил закипавший чайник. Закипев, стал с шипением выплескивать на огонь воду и нетерпеливо стучать отлежавшей на пару крышкой. Таня встала, заварила чай.

— Так о чем ты хотела поговорить? — спросила Дарья.

— Даш, найди на картину деньги.

— Где?

— Это твои проблемы.

— Ты думаешь?

— Ну ты же директор, Даш.

— Директор. Но у меня никаких субсидий. Сама ведь знаешь — кручусь.

— Может, телевидение нам закажет?

— Заказать они вряд ли закажут, а тему сопрут — это точно.

— Наверное, тебя надо переизбрать,— сказала Таня.— Зачем нам такой бездарный директор?

— Грубиянь?

— Грублю.

— А я вдвое старше,— сказала Дарья.

— Почему же вдвое?

— Не вдвое, так на пятнадцать лет старше.

— Тринадцать,— поправила Таня.

— Женщине ровно столько, сколько ей можно дать,— сказал Дарья.— Ничуть не меньше.

Дарья выглядела значительно старше своих сорока: олышка, чрезмерная полнота, сосудистая дистония — и добавляла себе лишний десяток лет, а то еще «уличат», не дай Бог, в позорном преуменьшении возраста.

Попили чаю, и хозяйка пошла провожать гостью на трамвайную остановку. Иногда, как бандит, наскакивал в темноте ветер, пытался сорвать одежду, пронизывал холодом.

— Ты права,— говорила Дарья,— меня надо переизбрать. Мне все надоело.

— Да я пошутила.

— Знаю я эти шутки.

На остановке захмелевшая Дарья проявила себя с неожиданной стороны. Увидев милиционера, она загорланила на всю улицу «Очи черные». Лейтенант, совсем еще мальчик с тонкими шелковыми усами, вынужден был попросить гражданку держать себя в рамках, а то придется проводить ее в отделение. С таким красавчиком, согласилась Дарья, хоть на край света! Пока лейтенант размышлял, как ему реагировать, Таня, пользуясь замешательством офицера, подтолкнула своего директора в подоспевший трамвай. В вагоне Дарью разобрал смех, она послала лейтенанту воздушный поцелуй и сказала такое, что Таня едва не прыснула: «Я тебе позвоню, красавчик! У тебя 0-2, если не ошибаюсь». Трамвай, позвякивая, уехал. «Клинический случай»,— констатировал милиционер. Таня извинилась за Дарью: «Что-то, понимаете, напало на человека, не сердитесь, пожалуйста, будьте великодушны».

Уже больше года Таня ничего не снимала. Лепить заказухи ей не хотелось, политический материал затаскали до дыр. Имена государственных деятелей последнее время стали вызывать у нее аллергию. Наркобизнес и проституция, по мнению Тани, тоже набили у всех оскомину, равно как божжи, гомосеки и лесбиянки. А вот спорт, ей казалось, свежести не утратил, спорт интересен всегда и всем: любая жизненная ситуация, любая проблема моделируется на материале о спорте, в данном случае боксе. Надо только как следует присмотреться, копнуть поглубже... Но где же все-таки взять ей на производство деньги?

Впрочем, денег не было и на жизнь, так что на следующий день, не сумев одолжить до лучших времен, Тани пришлось поехать в комиссионку. Там она сняла золотое кольцо, серьги и вместе с паспортом положила на стол приемщика — пожилого мужчины в белом халате.

Приемщик бросил украшения на весы, стрелка показала количество граммов. Таня расстегнула верхние пуговицы пальто, сняла золотую цепочку с кулоном, положила на чашу весов рядом с серьгами.

— Позвольте дать вам один совет,— сказал приемщик.

— Не надо.

— Почему?

— Не надо.

— Тогда извините. Но золото не следует все-таки продавать. Пригодится в хозяйстве.

— Такой совет и я могу дать,— сказала Таня.

— Займите денег до лучших времен. А золото заберите.

— Занять?

— Конечно.

— А где?

— Да хоть у меня.

— Я так и думала.

— Сколько? — спросил приемщик.— Для начала две тонны хватит?

— Я похожа на шлюху?

— Да.

— Вы очень любезны.

— Я знаю.

Приемщик взглянул на стрелку весов, выписал чек, голожил его в паспорт и протянул Тане. В обмен на чек ей выдали в кассе деньги. «На какое-то время хватит,— подумала Таня.— Ну а потом? Потом будет суп с котом, а сейчас надо делом заняться. Наверное, пора уже встретиться с Лариным, может быть, с его тренером...»

— Что ты зациклилась на этом Ларине? — спросил Беднов, повстречавшийся Тане в студийном буфете.

— Такой материал — верняк,— сказала Таня.— Неужели не чувствуешь? Надо только копнуть поглубже.

— Копни.

— Так будешь со мной снимать или нет?

— Пока что некому финансировать,— напомнил Беднов.

— Найдется кто-нибудь. Не все же толстосумы тупые, как этот... Сейчас проблема — Ларина отыскать.

— Если человек живой,— сказал Беднов,— значит, его можно найти.

По телефону Таня узнала часы занятий тренера Толмачева и к трем часам дня, как раз к середине тренировки, была в спортзале. «Плохая вентиляция,— догадалась Таня, почувствовав застоявшийся запах пота,— и отопление тоже неважное — сыро». Шведская лестница, ринг, зеркальные стены, пневматические и насыпные груши, мешки, набитые резиновой крошкой. Чужой, почти незнакомый ей мир, неведомая работа.

На стене, у входа в спортзал, висел портрет Лермонтова. Под ним была вырезка из газеты, успевшая от времени пожелтеть. Таня с любопытством пробежала глазами текст. Великий русский поэт, писали в заметке, несмотря на некоторые физические несовершенства, прекрасно владел искусством кулачного боя и с упоением участвовал в поединках. Примерно то же говорилось там о Юлии Цезаре, портрет которого, вероятно, не сумели найти.

Между тем боксеры заканчивали бинтовать эластичными бинтами запястья и кисти рук, надевали перчатки. Толмачев объяснял задание: первые номера атакуют, вторые номера защищаются. Удары любые. Апперкоты, свинги, прямые... Тренер говорил и одновре-

менно показывал, как следует наносить удары и как от них защищаться. Он был чрезвычайно толст, с большим животом, и в движении походил на медведя, одетого в тренировочный костюм изумрудного цвета.

Как только боксеры разбились на пары и начали отработку техники, Толмачев подошел к Тане и спросил, кого она ждет. Таня представилась и сказала, что ждет его. И еще ей хотелось бы повидать Ларина, о котором она намерена сделать фильм.

— Мне тоже хотелось бы его повидать,— сказал Толмачев.

— Его не бывает здесь?

— Да, он у нас редкий гость.

— Скажите, как получилось, что Ларин так мало продержался в качестве чемпиона?

— Трудно сказать,— уклончиво ответил тренер.— Не хватило силенок. Одним силенок хватает надолго, другие сгорают быстро. Как спичечные головки.

Сравнение со спичечными головками ничего не прибавило к ее знаниям о Вадиме Ларине.

— Спичечные, говорите, головки... Я вот думаю, что в каждом отдельном случае должны быть свои предпосылки. Правильно?

— Конечно. Раз на раз не приходится,— согласился тренер.

— Чем, по-вашему, случай Ларина отличается от всех прочих?

— Не могу ответить на этот вопрос. Не знаю. И не нужно вам это.

— Мне надо понять, что к чему. Иначе получится: был себе чемпион да сплыл. Нет ни морали, ни чемпиона.

— Не мудрите только,— посоветовал Толмачев.— Сделайте фильм о взлете Ларина. Видели, как птица взлетает? Точно так же и человек. Это очень красиво — взлет, и это обязательно надо показывать. Вот в чем заключается смысл вашей работы.

— Откуда вы знаете, в чем заключается смысл моей работы? — сухо спросила Таня.

— Как же не знать? — ухмыльнулся тренер.— Я опытный человек. Мне сорок три года. На десять лет старше Христа.

— И в сорок раз толще,— сорвалось с языка у Тани.

— Да. У нас с Инсусом разные весовые категории. Скажите, а почему вам не сделать что-нибудь о балете? А? Музыка, лебеди-мебеди, эльфы там всякие — красота неопишущая! А у нас здесь что?.. Мой вам совет: создайте что-нибудь о балете. В крайнем случае, о пинг-понге. А сейчас, извините, у меня работа. Желаю удачи.

Через неделю Таню вместе с Бедновым вызвала к себе Дарья и показала письмо, подписанное Толмачевым и председателем спортивного общества. В письме говорилось: «Вадим Ларин, имевший некогда большие достижения в боксе, деградировал, забросил тренировочные занятия и в настоящее время не может служить примером для других спортсменов. На основании вышесказанного,— резюмировали они,— создавать о Ларине документальный фильм было бы глубоко ошибочно».

«Но почему,— задумалась Таня,— Толмачев поначалу вел совсем иной разговор: мол, сделайте фильм о взлете Ларина, это очень красиво — взлет, а теперь, подумав, составил эту бумажку? Разве тогда он не знал о его, как там сказано, деградации? И где же все-таки отыскать ей Ларина?»

— Говорят, он играет на бильярде в парке культуры и отдыха,— сказал Беднов.

Беднов не советовал Тане одной наведываться в бильярдную: в таких местах, деликатно выражаясь, собираются не самые большие интеллигенты, но она по наивности рискнула действовать в одиночку.

Таня вышла из трамвая на Пушкинской, не доехав до парка одной остановки. Струсила, значит, призналась она себе, не чувствуя, впрочем, чтоб ее всерьез колотило от предстоящей встречи. Всего лишь небольшое волнение, всегда сопутствующее новому предприятию, и все же, как ни крути, а коленки ослабли, слегка участился пульс, и время от времени возникающее в груди ощущение «воздушной ямы», словно она летела на самолете, холодящей волной разливалось по телу и сводило лопатки. «Ничего,— сама себе говорила Таня,— пройдусь немного пешком, успокоюсь».

Еще не было и восьми часов, а на главной улице города безлюдно и тихо, лишь редкий прохожий куда-то торопится (в гости? домой? в кино?), и никто не бродит гуляючи, никто по центру «не проминается», как в летнее время.

Моросило. В парке было темно, безлюдно. Тане стало по-настоящему страшно, и желание вернуться назад и прийти в другой раз с оператором и командой его помощников обозначилось с такой ясной определенностью, что остается загадкой, почему она тут же не повернула обратно и бегом не бросилась к выходу, где изредка попадались прохожие, пусть равнодушные и куда-то спешащие, но все-таки люди.

Какая-то неодолимая сила, несмотря на возрастающий страх, притягивала ее к бильярдной. Так тянет вниз, когда смотришь с большой высоты, и ангел-хранитель страх уже вовсе не ангел и не хранитель, а дьявольская его противоположность.

Из бильярдной с шумом вывалились трое парней, что заставило Таню притаяться за деревом. Одного из троих она сразу узнала — это был Вадим Ларин. Он подталкивал в спины парней и кричал: — Подонки! Сволочи! Ну я вам сейчас устрою! Вы получите у меня за это! Я вам выпишу харч...

Тот, что был от Ларина слева, коротконогий, большеголовый крепыш, сильно смахивающий на дородного карлика, ударил локтем его в живот. Второй ударил по голове. Вадим упал, и они с остервенением принялись избивать боксера ногами. Били долго и беспощадно. Таня, боясь, что не сможет сдержаться и закричит, закусил зубами руку, зажмурилась. Когда стихли удары и двое избивших Ларина вернулись обратно в бильярдную, она открыла глаза и увидела лежавшего на земле Вадима. Набравшись храб-

рости, Таня подошла к боксеру, присела на корточки, провела по лицу рукой.

— Вставай, я тебе помогу,— сказала она.

Ларин поднялся и, ни о чем не спрашивая, послушно побрел за Таней. Его заметно покачивало из стороны в сторону, и желание обрести под ногами твердость отразилось напряженной сосредоточенностью в лице. У выхода из парка культуры ему стало плохо: начался приступ рвоты. Рвало так сильно, что он потерял сразу силы, длинные журавлиные ноги вдруг затряслись, и Вадим упал, воткнувшись коленями в землю. Через некоторое время, минут через пять, он все-таки сумел встать и, глядя налитыми кровью глазами, спросил:

— Зачем я тебе?

— Надо швы наложить. Тебя сильно избили,— сказала Таня.

— Ну, допустим.

— Надо швы наложить,— повторила Таня.

— Ну, так давай... накладывай.

— Что накладывать?

— Швы накладывай,— рывкнул Ларин.

— Но это не здесь.

— А где?

— Мы подъедем сейчас в травмпункт. И там тебе сделают все, что надо.

— А мне ничего не надо.

— Надо, надо.

— Не надо.

— Надо.

— Ошибаешься,— сказал Ларин.

— Мы возьмем машину и поедem сейчас в травмпункт. И там буквально за десять минут тебя приведут в порядок, ваштопают.

— Надо ж какие специалисты! Тьфу! Пусть они себе болт ваштопают. В гробу я видал твоих травматологов-гинекологов. И не думай, что меня так легко провести. Не надо! Не на такого нарвалась, детка! Я знаю, ты вместе с ними, но со мной такие понты не проходят. С Вадимом Лариным так не шутят. И если ты сейчас не исчезнешь, я тебя сдам, шалаву.

— Куда меня сдашь? — поразилась Таня.

— Куда? — Ларин многозначительно помолчал.— В ментовку тебя я сдам. Поняла? Так что катись отсюда.

— За что же меня в ментовку?

— А за что... они сами там разберутся. Не маленькие. Подсказывать им не надо. В ментовке, слава Богу, не дураки сидят. Это только ваша блатная шваль думает, что там дураки собрались. А там есть такие... люди, что видят насквозь любого! У них не глаза, а рентгены.

— Ты меня с кем-то спутал,— сказала Таня.

— Ошибаешься!

— Правда, правда. Я вовсе не та, за кого ты меня принимаешь.

Ларин достал из кармана куртки милицейский свисток на сереб-

ряной цепочке, повесил его на шею и произнес надменно:

— Дэ эн дэ.

— Это что за буквы такие магические? — спросила Таня.

— Добровольная народная дружина. Понятно? — с еще большим высокомерием отозвался Ларин и, взяв свисток в зубы, с непонятным ожесточением стал сверлить застывшую вечернюю тишину обширного парка.

Таня чувствовала, что ей в самом деле лучше уйти, но почему-то продолжала оставаться на месте: будь что будет!

Ларин свистел так долго, что за это время могла бы съехаться вся милиция города, и тем не менее никто не откликнулся на пронзительные призывы о помощи. Выплюнув свисток, Вадим грязно выругался в адрес «ментовки» и сделал хотя и странный, но смелый вывод:

— Значит, они повязаны с вами. Коррупция. Ладно, иди. Я не трус, но с мафией связываться не собираюсь. Мафия — это мафия. Не желаю... пачкаться.

Взвывла сирена, и «Москвич» желто-синей милицейской окраски подъехал к Вадиму и Тане, неприятно мигая мертвенным синим светом. Из машины выскочили два милиционера — рядовой и сержант.

— Наконец-то явились, — сердито произнес Ларин. — Пока до вас досведишься, меня тут могли разуть и раздеть.

— Кто такой? — строго спросил сержант. — Документы есть?

— Ларин. Член дэ эн дэ. Опорный пункт номер четыре. А вот и мой документ.

Пока сержант рассматривал книжку члена добровольной народной дружины, рядовой произнес, как видно, со свойственной ему прямотой:

— Да он же пьян, как свинья.

— Почему «как»? — возразил сержант. — Он и есть свинья, — и, обращаясь к Тане, спросил: — А ты кто такая?

Не успела она ответить, как рядовой поспешил вмешаться:

— Ты что, не видишь? Сука она спидоносная.

— Вот именно, — сказал Ларин.

— Заткнись! — прикрикнул на него сержант. — Садитесь в машину. Поехали.

Сержант с задержанными сел сзади, рядовой — за руль, и машина под вой сирены рванула из парка. Таней овладело полное безразличие: «А, милиция так милиция! Надо когда-то и в милиции побывать». Впрочем, Таня надеялась, что, как только она покажет свое удостоверение, ее отпустят. Ну, может быть, заставят написать объяснительную, и — домой. А дома... Дома она примет ванну, выпьет стакан красноватого сладкого чаю, заберется с книгой в постель и утрет... Утром она придет беседовать с протрезвевшим Лариным, которого по Таниной просьбе задержат в милиции до утра. Возможно, все сложилось бы именно так, как задумала Таня, если бы не ЧП, переполошившее в ту ночь отделение. По разговорам в милиции она поняла, что сгорела «Глория» (магазин «Глория»,

а -не кинотеатр с тем же названием), и сгорела, как все полагали, ничуть не случайно — пожару наверняка предшествовало «хищение в особо крупных размерах». Никто не верил, будто бы коммерческий магазин мог сгореть случайно. Отчего не сгорел случайно кинотеатр, в котором не было ничего, кроме старых обшарпанных кресел и залатанной простыни экрана?

Неизвестно, какой версии по этому поводу придерживался начальник милиции, уехавший разбираться на место пожара, а тем более неизвестно, какую связь могла иметь Таня с несуществующей теперь «Глорией», но ее заодно с боксером затолкали в камеру до выяснения обстоятельств.

Наяву ли творился этот кошмар, во сне ли? Раскинувшись на нарах, Вадим ужасно храпел. Храп иногда прерывался кашлем, стонами, непристойными звуками. Таня, прислонившись спиной к двери, с отвращением наблюдала за героем задуманного произведения. «Какой-то нелюдь», — пробормотала она и стала с силой бить по двери кулаками.

Открылся глазок, из коридора спросили: «Ну что вы шумите? У нас ЧП. Начальник придет утром. Наберитесь терпения, ждите», — глазок закрылся. «Я буду жаловаться, — закричала Таня, продолжая колотить кулаками в дверь. — Вы не имеете права меня задерживать! Да еще в одной камере с этим дебилом!» — «Других дебилов у нас для вас нет», — донеслось из коридора под громкий смех веселых охранников.

Забившись на нарах в угол, Таня под утро уснула. Когда она открыла глаза, перед ней стоял милиционер в чине ефрейтора.

— Вы свободны, — милиционер вернул ей студийный пропуск в темно-вишневой коже с золотым тиснением и принялся будить Ларина. — Эй, просыпайся! Вставай! И проваливай побыстрее!

— А начальник не будет с нами беседовать? — спросила Таня.

— Не будет. У него и так дел по горло.

— Амнистия, значит? — Таня поднялась.

— Амнистия.

— Но, может быть, протокол составите?

— Вы лучше не нарывайтесь. Идите, пока отпускают. А то ведь могут и передумать.

Ларин искренне удивился тому, что утро нового дня застало его в «конторе», и особенно удивило присутствие в камере женщины. Таня сделала вывод: события вчерашнего вечера в его памяти не зафиксировались.

— За что тебя сцапали? — спросил Вадим, когда недавние узники зашли в кафетерий выпить кофе с баранками.

— А тебя за что? — вопросом на вопрос ответила Таня.

— Не знаю. Не помню. Совсем ничего не помню, — признался Вадим.

— Много, должно быть, выпил, — сказала Таня.

— Да вроде не так-то много. Таблеток, наверно, в портвейн намешали.

— Кто намешал таблеток?

— В бильярдной,— сказал Вадим.

— А зачем это надо мешать таблетки?

— Зачем? По-другому не сумели бы обыграть. Не сумели бы ободрать по-другому. Да вдобавок, кажется, еще избили,— Ларин потрогал рукой подбородок.— Скажи... между нами ночью что-нибудь было?

От такого вопроса Таня едва не поперхнулась кофе.

— Ну это уж слишком!

— Знаешь, только муху цеце не надо из себя здесь изображать. В милицию так просто не попадают. Да еще в одну камеру с мужиком. Или, может быть, ты за деньги? Тогда пиши сумму прописью.

Таня отодвинула чашку, вышла из магазина, часть которого занимал кафетерий. Остановив такси, она села рядом с водителем.

— Эй, мы еще увидимся?— крикнул Вадим, вышедший вслед за Таней.

— Надеюсь, что нет,— сказала она, но это мог слышать только водитель.

Ну его к черту, Ларина! Мысль о том, что ей придется когда-нибудь еще встретиться с бывшим чемпионом по боксу, отозвалась в ней тошнотой.

Дома Таня, почувствовав страшную усталость, прилегла на тахту и сразу уснула. Когда проснулась, почему-то подумала: хорошо бы поставить «Золушку». И чем больше Таня размышляла над содержанием сказки, тем больше хотелось воплотить ее на сцене.

В городе было четыре профессиональных театра: «Оперы и балета», «Музыкальной комедии», «Молодежный драматический театр-студия в тупике Льва Толстого» и «Драматический театр имени А. П. Чехова», претендовавший на высокое звание академического. Сцены последних двух, наверное, могли бы стать местом постановки «Золушки». Хотя, пожалуй, театр Чехова исключается. Там царствовал пожилой симпатяга Иван Иннокентьевич Дуров, имевший склонность остерегаться сказок. Он говорил, что мы еще обычную пьесу не научились ставить, а уже замахиваемся на сказку. Не гордыня ли обуяла? Гордыня, утверждал Иван Иннокентьевич, во всем повинна гордыня. Он любил проповедовать, за что и получил свою кличку Поп. Понятно, что чаще других в театре упоминалась пословица: «Каков поп, таков и приход». К слову сказать, театр помещался в здании бывшей церкви.

Молодежным руководила Эльжбета Вацлавна Понаровская. Если верить молве, она была бесовски талантлива, но с причудами и отчаянный деспот. С этой теткой, считалось, лучше не связываться — превратишься в марионетку, а будешь сопротивляться — сгноит, потому что художники ей не нужны (она, как известно, сама художник), ей нужны только марионетки, актеры-марионетки, режиссеры-марионетки, словом, «театр марионеток». Ну, а поскольку выбора не было, Таня отправилась в тупик Льва Толстого. «В конце концов,— думала она по дороге,— все люди связаны между собой незримыми

нитями, с помощью которых приводят друг друга в движение (дергаются и дергают), а это значит, что все мы в каком-то смысле марионетки, включая властолюбивую Эльжбету Вацлавну».

— Я хочу поставить в вашем театре спектакль,— сказала Таня.— Надоело кино. Хочется поставить «Золушку».

— Чем же вас привлекла эта барышня по имени Золушка? — спросила главный режиссер театра.

— Напротив, она отталкивает меня. Я терпеть не могу девиц, мечтающих выйти замуж за принцев,— сказала Таня.— Сегодня таких Золушек очень много, которые во дворец норовят прорваться. А работать, в золе копать, не любят.

— И как это сделать на сцене?

— Да очень просто. На роль Золушки назначается грубая, агрессивная актриса, и смысл, о котором я говорю, обязательно проявится в постановке.

Понаровская молча смотрела на Таню. О чем она думает? Тане хотелось, чтобы Эльжбета Вацлавна думала примерно так: «Ах, какая она молодчага — пришла с таким замечательным предложением! Сколько тонкости в ней! Изящества! И как она чувствует современность! Талантливая девка, что да, то да!»

А если так: «Мне эту Татьяну сам Бог послал!» Так тоже было бы хорошо, только вряд ли она так думает, ведьма, украшенная дешевой бижутерией. Не человек, а елка с игрушками-погремушками и всякой там сверкающей канителью. И как ей не стыдно в ее сорок лет ходить с рождественскими шарами в мочках и делать вид, будто у нее там жемчуг со дна Карибского моря. Пугало! А сумела ведь между тем прихватить театр. Об этом надо при случае поразмыслить, возможно, в ней все-таки что-то есть. И глаза непростые, хитрые, и живут они как бы отдельно от грузноватой своей хозяйки, неподвижно сидящей в широком деревянном кресле за рабочим столом с зеленым суконным покрытием.

«О чем она все же думает? О том, кто будет играть в спектакле? Примеряет актеров на роли? Если да, то напрасно,— подумала Таня,— роли она раздаст сама. Будут, как обычно, интриги, давление сверху и снизу, но режиссер, если только он режиссер, должен в этом случае проявить характер».

— На этот раз,— сказала Эльжбета Вацлавна,— вам характера проявить не удастся, потому что «Золушку» мы ставить не будем.

— Вам не нравится мое предложение?

— Нравится, да кто ж вас пустит сюда? У меня свои режиссеры простаивают.

— А как же рынок, свободная конкуренция? — спросила Таня.

— Именно поэтому мой театр сплотился сегодня, как никогда. Настоящая шайка во главе с профсоюзом. Кому охота оказаться на улице, без работы?

— Значит, получить постановку у вас невозможно?

— Выкиньте это из головы,— сказала Эльжбета Вацлавна.— Постановку не получают. Получают зарплату, пенсию, поздравительные открытки. Получают инфаркты, инсульты. А постановка, как

власть: ее можно взять, добиться, отнять. Может быть, даже украсть, похитить, но только не получить.

Сентенции Понаровской показались Тани забавными. Осталось лишь сожалеть, что украсть постановку она не могла, до пенсии далеко, на зарплату надежды не было, значит, реально можно было претендовать на инфаркт-инсульт и еще на поздравительную открытку, если бы только вдруг замаячил поблизости праздник.

Ночью позвонил оператор.

— Татьяна, привет.

— Привет.

— Это я, Беднов.

— Привет, Беднов.

— Извини, что так поздно. Ты там одна, с любовником?

— С любовником, разумеется,— зачем-то солгала Таня.

— Ты что, серьезно?

— Серьезно. А ты ревнуешь?

— Конечно.

— Ладно врать-то.

— Я не вру, я ревную,— сказал Беднов.

— Что ж мне теперь: на улицу человека выгнать?

— Нет, не надо. Я ведь за гуманизм. Кроме того, у меня на тебя нет прав.

— Добейся.

— Думаешь, у меня получится?

— Кто, если не ты? — сказала Таня.

— Действительно,— согласился Беднов.— Знаешь, мне кажется, тебе надо слетать в Москву.

— Зачем?

— Если тебе удастся договориться с ЦТ, что фильмы возьмут для показа, предоставив хорошее время в сетке вещания, то спонсор сразу расколется—это сто пятьдесят миллионов зрителей. Я думаю, Плотников мог бы тебе помочь.

— А ты ревновать не будешь?

— Буду.

— Тогда я согласна.

Часто летая самолетами, Таня хорошо изучила обычаи аэрофлота и еще во время регистрации багажа, заметив, что пассажиры, собравшиеся на рейс 13, едва ли заполнят хотя бы треть самолета, предположила возможность его задержки. И действительно, вылет рейса, как объявили минут через сорок, был отложен по техническим причинам.

— А что такое, интересно, случилось? — заговорил мужчина, оказавшийся Таниным сотрапезником у высокого круглого столика в буфете аэропорта.— Самолет поломался, что ли? Какие к черту технические причины?

Позабыв о ряженке с булочкой, он вопросительно смотрел на Таню. Только теперь она обратила внимание на коричневый дорожный портфель, картонку, зеленый плащ и синюю шляпу, сложенные

на их столе. «Как они,— подумала Таня,— не мог вещички под стол поставить?»

— Передавали, что погода в Москве хорошая, и вот вам, пожалуйста, технические причины. Как прикажете понимать? — он встряхнул бутылку с ряженкой, но, так и не сделав глотка, вновь обратился к Тане: — Не знаете? А я вам скажу — они не хотят гонять машину порожняком. Объединят пассажиров двух или трех рейсов и отправят одним самолетом...

— Приятного аппетита,— сказала Таня.

Со второго этажа она спустилась на первый. Там, в одном зале с почтой и телеграфом, находился междугородний телефон-автомат. Обменяв у служащей три рубля на горсть пятнадцатикопеечных монет, Таня вошла в кабину. Удивительное дело — с первой попытки удалось соединиться с Москвой.

— Добрый день.— сказала она.— Мне нужен Плотников Сергей Игоревич.

— Его нет,— ответили из Москвы.

— А где он? То есть когда он будет? — спросила Таня.

— Обождите секундочку, я сейчас узнаю, Вы можете обождать секунду?

— Да, конечно.

Поиски ответа на ее вопрос заняли не менее трех минут, и Таня, растроганная любезностью незнакомца, все это время безмолвно, одну за другой, опускала в автомат монеты. Из кабины ей было видно, как приземлился ТУ-134 и подрулил к зданию аэропорта. Объявили прибытие самолета из Харькова.

— Алло, вы слушаете? — наконец прозвучало в трубке.— Сергей Игоревич во Внуково встречать поехал кого-то. Говорят, сегодня его не будет.

— Благодарю вас,— Таня повесила трубку.

Жаль, не успела перехватить Сергея — теперь полдня он будет торчать во Внуково.

Уже два года тянулись их отношения, с тех пор, как они познакомились на семинаре в Болшево. В Доме творчества кинематографистов собрали режиссеров документальных студий. Сергей Игоревич Плотников был одним из руководителей семинара. На первой же встрече он попросил называть его просто Сергеем: «У нас здесь нет учителей и учеников, мы все здесь коллеги, и все мы будем друг у друга учиться»,— сказал Плотников, чем сразу расположил к себе всех, кроме Тани. Вскоре она узнала о его застенчивости, а тогда заподозрила молодого мэтра в кокетстве и ложном демократизме. Встречаясь с ней взглядом на семинарских занятиях, руководитель смущался. Не скажешь — краснел, розовел, зеленел, но что-то происходило с его лицом, и Плотников отводил глаза в сторону. Таня никогда не сталкивалась с подобной робостью, особенно странной для человека во всех отношениях сильного: коренастый крепыш, лауреат Государственной премии, обладатель международных призов и непререкаемого авторитета — и все это в тридцать лет.

Он ничего не делал для того, чтобы сблизиться — напротив, сторонился ее. «Меня и сблизил тем самым,— говорила она ему позже.— Я стала охотиться за тобой, как мышь за кошкой, бог знает кем себя возомнившая. Тут ты меня и сцапал, коварный мужик. Признайся, это была твоя тактика?» Сергей признался не только тактика, но и стратегия. На самом же деле, и Таня это хорошо понимала, он сторонился ее, пытался предотвратить крушение. Так она выразилась: «крушение». У него была жена и две дочери, он их любил. Фотографии своих девочек — девочками Плотников называл всех троих, включая жену,— он всегда носил в портмоне и охотно показывал, если кто-нибудь проявлял любопытство. Ей он не показывал. Она попросила, но он отказал ей в этом: «Не ношу с собой фотокарточек».

— Зачем ты лжешь? — взвилась Таня.

— Я не лгу.

— Лжешь, я знаю. Ты показывал кому-то из наших. Не кому-то, а целой команде. После этого только и говорили кругом: «Какие прелестные девочки! Какой семьянин! И такой талантливый!»

— Если я лгу, значит, так надо.

— Не надо. Ты можешь мне не показывать, я не стану настаивать, но не надо обманывать. Я же не идиотка, все понимаю. Все понимаю,— повторила она.— Ты боишься меня.

Он не стал возражать.

— Я для тебя разрушительница, стихийное бедствие.

— Тайфун,— иронически вставил Сергей.

— Если хочешь,— согласно кивнула она,— тайфун. Цунами. Землетрясение. Только это очень наивно.

— Наивно? Что наивно?

— Наивно думать, что ты тем самым оберегаешь своих девочек. Оберегаешь тем, что решил не показывать их фотокарточек мне. Запомни: девочкам твоим ничего не угрожает. Я не собираюсь у них отнимать отца. Можешь быть спокоен.

— Тебе не кажется, что между нами начались семейные ссоры?

— Первая и последняя,— сказала Таня.

— Мы больше никогда не увидимся? Я правильно понял?

Она не знала, увидятся они или нет. «Скорее — нет»,— подумала Таня.

Внезапная ссора, в самом деле напоминавшая чем-то семейную, неожиданно все упростила: теперь они могли разговаривать, как старые знакомые и хорошо понимающие друг друга люди. Таня достала из сумки керамические кофейные чашки, электрокипятильник, банку с растворимым кофе, лимон, ванильные сухари.

— У тебя ножа нет? — спросила она.— Я свой впопыхах забыла.

Сергей сходил за ножом в столовую.

— Что же теперь? — говорил он, отхлебывая из чашки кофе.— Впрочем, идиотский вопрос.

Она сказала: «Все будет хорошо». И все для этого делала: никогда при Сергее не выказывала ревности к его жене, вообще избегала разговоров о семейной жизни, не обременяла его и своими

печалями. Ей это стоило немалых усилий. Страшно угнетало затворничество. Хотелось появиться среди знакомых, хвастливо гордясь возлюбленным, а не прятаться от людей подальше. «На воровство похоже», — сказала она однажды.

Самолет приземлился во Внуково.

Спускаясь по трапу, Таня взглянула на часы. Они показывали четверть седьмого. Для осени это поздно — темно, как ночью.

В нескольких метрах от трапа, рядом с автобусом, Таня увидела «Жигули», прислонившись к которым, стоял Сергей. Как большинство молодых мужчин, никогда не расстающихся со своей машиной, он не носил пальто, ходил в свитерах и куртках.

— Как ты проник сюда? — удивилась Таня.

— Какая разница! Главное, что проник. Цветы, извини, завяли, и я их выбросил.

Сергей поцеловал Таню, помог ей расположиться в кабине сзади и сел за руль. Машина, обогнув самолет, помчалась к воротам аэродрома.

Пошел дождь, шоссе стало мокрым, скользким. Плотников и не думал сбрасывать скорость, стрелка спидометра замерла на отметке 110. Таня, панически боявшаяся быстрой езды, с Сергеем чувствовала себя спокойно. Как хорошо кому-то довериться — отпускают натянутые до звона нервы, стихает нытье под сердцем.

Через час они были в гостинице. Таня поднялась к себе в номер. Сергей отправился в ресторан «поразмыслить насчет съестного».

Она подошла к окну, выходившему на Москву-реку. За рекой, на Раушской набережной, клубами свинцового цвета дымили в сырой темноте высокие трубы электростанции. Справа, по Москворецкому мосту, на Большую Ордынку и обратно двигались машины. Из-под моста вынырнул катер. На черной воде, забранной в гранитные берега, в рассеянном свете своих огней белый катер производил фосфорисцирующий эффект. Он медленно проследовал в сторону Южного речного вокзала, казалось — погас в ночи.

Пальто она повесила в шкаф, достала из сумки платье, связанное из тонкой шерсти болотного цвета, разложила на кресле. Мыло, кремы, шампунь, зубную щетку и порошок (она не любила пасты), лаки для ногтей четырех цветов, всевозможные аэрозоли, помады, духи — все аккуратно расставила на стеклянной полочке в ванной комнате, прикрепленной над умывальником вместе с зеркалом. Что-то ей не понравилось в расположении предметов, и Таня взялась переставлять эти баночки, скляночки, тюбики, коробки, пузырьки, флаконы, пытаясь составить элегантную (Танино слово) парфюмерную композицию. Неизвестно, как долго она искала бы равновесие форм и цветов, если бы не зазвонил телефон: Сергей напоминал о своем существовании в ресторане. Таня пообещала быстренько сполоснуться и быть через десять минут внизу. Если не десять, то двадцать ей будет вполне достаточно.

Чего не любила Таня, так это оставлять необжигым номер. Первым делом она устанавливала определенный порядок вещей, свой порядок в о и х вещей, стремясь тем самым разрушить безликую стройность гостиничной комнаты, вытравить непривычные запахи. Пообещав Сергею спуститься через десять-двадцать минут, она все же неторопливо развесила в шкафу свои «тряпочки», пальто перенесла из шкафа в прихожую, где была настенная вешалка, телефон и пепельницу сместила на пол, на тумбочку возле кровати бросила блокнот и книжку, на столик поставила банки с чаем и кофе, пересыпала конфеты из целлофанового пакета в стеклянную вазу и только тогда пошла мыться.

Кто придумал это наслаждение — душ? Как всегда, сперва она включила холодную воду, попробовала ее пальцем одной ноги, другой, намочила пятки, икры, колени; руками стала плескаться на плечи и грудь, наконец вошла, энергично растирая тело ладонями. Окончательно привыкнув к холодной воде, она постепенно добавляла горячую, уменьшая напор холодной, и так до тех пор, пока невозможно становилось терпеть.

Минут через тридцать Таня вышла из номера. Она с удовольствием легла бы в постель и до утра не вставала, если бы не Сергей с его ужином в ресторане. Кроме чая с конфетой, Тане ничего не хотелось. И спать, спать, спать. Она сильно расслабилась после душа.

Отдавая ключ дежурной по этажу, Таня сказала:

— Я сейчас иду в ресторан...

— Идите, куда хотите.

— А потом вернусь...

— Это ваше личное дело,— опять не дала договорить дежурная.

— Что вы такая нервная? — спросила Таня.

— Ничего я не нервная. Просто мне нет никакого дела до ваших передвижений.

— Так вот, я вернусь не одна. Со мной будет гость. Мужчина.

— Ну и что, что мужчина?

— Пожалуйста, не забудьте позвонить без пяти одиннадцать ко мне в номер и напомнить, что гостю пора топ-топ.

— Ну нет,— воспротивилась дежурная,— этому не бывать. Любишь кататься, люби и саночки возить. Чего захотела: она там будет клиента раскалывать в кабаке, а я должна воевать с ним потом, выгонять из номера. Увольте, это не для меня! Сама, если совести нет, динаму ему устраивай.

До Тани дошло, наконец, за кого ее приняла дежурная. Ничего не поделаешь, у всех гостинично-ресторанных работников мозги направлены в одну сторону, и думать о чем-то другом они не умеют. Впрочем, о чем другом можно думать, если она сама говорит о госте, с которым собирается провести в ресторане время, и просит не позже одиннадцати выпроводить его из номера.

Забавная сценка! Спустившись в ресторан, Таня не удержалась от искушения — изобразила ее Сергею. Он смеялся до слез, потом

спросил, зачем ему уходить в одиннадцать? «Смертельно устала»,— призналась Таня. А что, нельзя было сразу сказать ему? При чем здесь дежурная, право? Нашла к кому обращаться!

Года два назад, вспомнила Таня, в другой гостинице, в другом даже городе она пошла в ресторан поужинать. Буфета почему-то в гостинице не было. Зверски голодная, она не думала об условиях. У входа, ведевильно гримасничая, ее задержал швейцар: «Дамов одних не пускаем внутрь». Что делать? Пойти в магазин, купить консервов и хлеба? Пока она размышляла, из зала — там, в оранжевой полутьме, кто-то имитировал популярную певичку — выпорхнул скуластый чернявый официант с атласными лацканами на бордовом смокинге, в бабочке и пышных хохлацких усах. С места в карьер предложил ей работать напару — сотрудничать, выражаясь высоким слогом. «Это как?» — спросила Таня. А очень просто: он сажает ее за столик, подает закуску, шампанское. Потом подсаживает к ней клиента. Они гуляют, клиент без ума от радости, сорит деньгами, платит по счету. Счет, как водится, на пару-тройку червонцев больше. Если клиент начнет ерепениться, она подтвердит, что счет абсолютно правильный, она давно тут сидит и все, что записано на бумажке, скушала до его прихода. А если вдруг им не повезет, не удастся найти клиента, то она заплатит за свой заказ всего пятьдесят процентов, остальные пятьдесят внесет он. Как говорится, на паритетных началах. И всем выгодно — и ему, и ей.

Кончилось тем, что она сходила в магазин и купила кильку в томате. Хлеба не было, пришлось взять пачку печенья.

— Представь себе, получилось совсем неплохо.

— Представляю,— сказал Сергей.

— Ты только не обижайся,— попросила Таня.— Я действительно очень устала. Просплюсь...

— Перестань. А то в самом деле обижусь.

Таня съела салат и ростбиф, от горячего отказалась.

— Завтра с утра я займусь твоими делами,— сказал Сергей.—

А часика в два возникну. Лады?

Несмотря на усталость, Таня засыпала мучительно долго: новое место, какие-то впечатления, неуютность. И все же уснула она глубоко и утром встала отдохнувшей и легкой. До встречи с Сергеем она успела съездить в Петровский пассаж, но ничего не купила (цены — жути!), съела сосиски и выпила чашку какао, к сожалению, почти холодного. Из магазина Таня прошла на Кузнецкий мост, постояла с минуту возле выставочного зала — зайти, не зайти? Решила, однако, что это будет слишком провинциально: пускаться вскачь по выставочным залам столицы. Не лучше ли просто побродить немного по улицам? Петровка, Столешников переулок, Пушкина...

На Раушской набережной, что видна из окна гостиничной комнаты, как обычно, дымили трубы электростанции.

Сергей, накрывшись до пояса одеялом, полусидя курил на кровати и наблюдал за Таней, разливавшей молоко по стаканам. На ней были вьетнамки и мужская сорочка в мелкую клетку.

- И все-таки секс — не твоя стихия, — сказал Сергей.
— Ну почему?
— Не почувствовал вдохновения с твоей стороны.
— Просто в моей жизни была беседка, — сказала Таня, подав Сергею стакан молока.
— При чем здесь беседка?

Рис. В. Родина

— При том, что беседка — это беседка, а замызганный гостиничный номер — совсем другое. Ни шелеста виноградных листьев, ни запаха резеды, расцветающей лепестками медно-красного цвета...

— Что ты плетешь?

— Как-то в Гурзуфе мы сняли с дружкой беседку в одном симпатичном дворике, — сказала Таня, надевая джинсы. — И прожили там две недели...

— Нюхая резеду? — догадался Сергей.

— Из беседки сквозь крышу тянулся вверх тонкий ствол пирамидального тополя. Когда ветер задувал сильнее, вместе с молодым деревом начинала раскачиваться беседка, скрипели стены, гудела вастрланная жестью крыша, качался и наш топчан, прибитый к одной из стен. По ночам нам казалось, будто мы проводим время на клипере в океане и слышим, как скрипят над каютой мачты большого парусника, и чувствуем, как ходит волна под нами. — Таня сделала глоток молока. — Знаешь, я хочу вернуться домой.

— Когда?

— Сейчас. Немедленно. Ты меня отвезешь во Внуково?

— Что случилось? — спросил Сергей.

— Сама не знаю.

— Хандришь?

— Сама не знаю.

Доходяга был удовлетворен проделанной Таней работой, скавал, что сто пятьдесят миллионов зрителей — это как раз то, что надо. При таком раскладе, конечно же, имеет смысл вкладывать в производство картины деньги. Беднову он обещал приличную пленку и камеру.

После переговоров с доходягой, за которым неотступно следовал телохранитель Хасан, Таня помчалась в городскую библиотеку имени Добролюбова (Добролюбовку), где, как ей стало известно, работала бывшая жена Ларина — Лина.

— Что случилось? — спросила она.

Узнав, что Таня — режиссер студии хроникально-документальных фильмов и собирается сделать фильм «про Вадима», Лина согласилась побеседовать с ней: «С удовольствием. Только здесь, я думаю, не удастся, — она печально посмотрела на выстроившихся к ней читателей. — Через два часа я заканчиваю работу. Вы можете подойти к восьми?»

Через два часа Таня стояла у входа в библиотеку. Холодный дождь обрывал последние листья с намокших ветвей деревьев, причудливой паутиной сплетенных в вечерней мгле. Гудел под мощными струями купол зонтика. Ровно в восемь на крыльце появилась Лина.

— Покатаемся? — предложила она.

Они сели в пурпурные «Жигули», одиноко стоявшие напротив библиотеки.

— Иногда меня спрашивают, — говорила Лина, осторожно вырвавшая на мостовую, — зачем я езжу в машине, когда мой дом сов-

сся рядом. Но ведь это очень удобно. Машина заменяет зонтик и сапоги. Зимой заменяет шубу. Не представляю, как некоторые обходятся без машины.

— Трудно представить, — согласилась Таня.

Лина уловила язвительность Таниной реплики и поспешила исправить свою оплошность:

— Извините, у вас, наверное, нет машины, но у вас такой вид... — она не закончила фразу.

— Слишком самодовольный? — спросила Таня.

— Благополучный. Можно подумать, что у вас не только машина...

— А что еще? Нефтяная скважина в Персидском заливе? Хлопковые плантации? Расскажите, как вы познакомились с Лариным.

— Толмачев познакомил, тренер. Он дружит с моим отцом. Они вместе боксировали когда-то, а теперь часами просиживают за шахматами. Это было в тот год, когда Ларин стал средневесом номер один. На любительском ринге.

— При каких обстоятельствах Толмачев познакомил вас? — спросила Таня.

— Вы режиссер или следователь? — Лина недоуменно взглянула на пассажирку.

— Подробности имеют существенное значение: может появиться неожиданная зацепка, потом еще и так далее. Хотелось бы как можно точнее реконструировать ситуацию.

Толмачев познакомил их на вокзале, припоминала Лина. В тот день Ларин возвращался с чемпионата мира. Встречали с помпой. На перроне собрались спортивные деятели, ветераны городского бокса (Лина увязалась за своим отцом-ветераном), присутствовал даже мэр города — Валерий Иванович Костиков, занимавший одновременно общественную должность председателя федерации бокса.

Толмачев, человек вообще угрюмый, в ожидании поезда был мрачнее обычного. Его ничто не радовало: ни торжественность обстановки, ни летнее солнце, ни дружеские рукопожатия и тычки «под дых» ветеранов бокса.

Они стояли втроем: Лина, ее отец, Толмачев. Подошел Костиков, двинул легонько тренера апперкотом в плечо и спросил, отчего он мрачный? Тренер сказал, что ему веселиться нечего, потому что у него уведут боксера: можно не сомневаться, Москва уже сделала Ларину предложение.

Поезд опаздывал, и военный оркестрик под командованием пожилого сержанта-сверхсрочника (он часто снимал фуражку и вытирал носовым платком на веснушчатой лысине крупные капли пота) умчался куда-то на похороны, где тоже произошла задержка, и вернулся на вокзал к шапочному разбору. Чтобы как-то оправдать свое назначение, лабухи (лучшего слова не подобрать для хмельной компании музыкантов) на пустующем перроне под истовое буханье барабана и неумеренный звон литавр продудели — что бы вы думали? — марш «Прощание славянки». Навряд ли виновник торжества догадался, что звуки, извлеченные из потускневшей меди

заявленных инструментов, адресовались ему. Возможно, оглушенный встречей, он вовсе не слышал марша.

Таня спросила:

— Не помните, кинохроника была на вокзале? Кто-нибудь снимал эту встречу?

— Да, там ходил человек с киноаппаратом,— не задумываясь, ответила Лина.— Вадим еще интервью давал.

На киноплёнке, найденной в фильмотеке студии, встреча была снята довольно подробно. Подошел поезд — точное повтора первого кадра люмьеровского «Прибытия поезда» 1895 года. Из вагона вышел Ларин. Судя по всему, он не сразу сообразил, что люди с цветами, собравшиеся возле вагона, встречали его. Далее следовало приветственное выступление председателя федерации бокса, но без звука. Затем шло синхронное интервью с чемпионом. Качество фонограммы оставляло желать много лучшего, диалог сопровождался множеством посторонних шумов. Что-то гудело, скрежетало, лязгало.

Вертлявый человек с микрофоном сказал:

— Мы рады поздравить тебя с замечательной победой. Наконец-то твоя мечта сбылась.

— Я никогда не мечтал об этом,— возразил Ларин.

— Понятно, ты даже мечтать не мог о таком высоком достижении.

— Нет, вы не так меня поняли. Просто я попал к Толмачеву, а он уже сам все сделал. Он из меня, как говорится, человека вылепил.

— Что ты планируешь на будущее?

— На будущее? Первенство Европы... Все давно расписано на бумаге. Что я могу планировать?

— Скажи...

Неожиданно грянувший марш «Прощание славянки» прервал интервью.

— Уберите музыку к чертям собачьим,— закричал в отчаянии человек с микрофоном.

Плёнка кончилась.

Таня выключила экран и молча повернулась к Беднову и Дарье. Они вместе с ней смотрели хронику на монтажном столе.

— А парень занятный,— сказала Дарья.— Как ты считаешь? — спросила она Беднова.

— С такими кулачищами,— сказал оператор,— любой бы мог показаться занятным парнем.

— Давайте послушаем мою запись дальше,— предложила Таня и включила диктофон с записью своего разговора с Линой.

— ...Толмачев познакомил нас, и я пригласила Вадима в гости,— продолжала рассказывать Лина, неторопливо ведя машину.— «Придете?» — спросила я. «Придем, придем», — ответил вместо Ларина тренер. Не знаю, пришел бы Вадим один или нет, но Толмачев

сдержал свое обещание, привел его к нам. Я мечтала выйти замуж за знаменитость... Желание, надеюсь, понятное?

— Да.

Дождь усилился. «Дворники» с трудом разгребали воду на лобовом стекле.

— ...В общем, мы расписались. Жили мы как-то жили, и однажды я спрашиваю: «Говорят, тебе предлагают в Москву переехать?» — «Предлагают, а что». — «А то, — говорю, — что мог бы сказать об этом и мне». — «А ты хочешь в Москву?» — «Естественно». — «Почему естественно?» — «Потому, — говорю, — естественно, что в Москву хотят все. Ты, наверное, один не хочешь». — «Я этого не сказал», — возразил Вадим. «Значит, мы едем в Москву?» Тут он вдруг обозлился: «При чем здесь мы? Меня в Москву приглашают, а не тебя». — «Но ведь я твоя жена». — «Ну и что?» — «Ничего себе заявление, — кажется, я даже заплакала. — Как это «ну и что?» Мы, — говорю, — супруги. Мы с тобой расписались». Он еще больше расписовался: «Плевать мне на эти росписи. Я человек свободный. Понимаешь, — кричит, — свободный! Я могу ехать, могу не ехать. Но без этого... без поклажи». — «Значит, я для тебя поклажа?» — «А что ты так обижаешься? — говорит. — Ведь я женат на тебе фиктивно». Тут я чуть не упала: «Фиктивно?»

Навстречу промчалась машина реанимации, воем сирены преврав на несколько секунд монолог.

«...Да, — говорит, — фиктивно, меня Толмачев попросил об этом, и я его просьбу выполнил. Но это не значит, что я должен таскать тебя за собой, как собственный саквояж». От этих слов, от сравнения меня с саквояжем я просто взвыла: «Женился на мне фиктивно, а спишь со мной не фиктивно!» И я сказала, что Толмачев меня тоже просил о чем-то. Просил побыстрее родить ребенка, а то и двух — Толмачев боялся, что Ларина перетянет Москва, а так он надеялся, что Ларин завязнет. Как только я Ларину это сказала, глаза у него налились кровью, и он стал кричать, что Толмачев просил меня об одном, а я хочу сделать совсем другое. «Да, — говорю, — Толмачев немножечко просчитался. А в Москве, — говорю, — если хочешь, мы потом разбежимся в разные стороны». Ларин взорвался, оскорбил меня всячески, обозвал дрянью и как дал кулаком в дверь. Удар у него чудовищный: дверь проломил, представляете? Правда, и руку сломал, долго потом ходил в гипсе. Помню, тогда еще Толмачев сказал: «Ну и зря. Такими кулаками надо доллары выколачивать, а не двери». Я, конечно, не поняла про доллары, спрашиваю отца: «Что за доллары? Что за юмор такой непонятный?» Выяснилось, что это не юмор. Боксеры-профессионалы зарабатывают доллары. Иногда так много, что можно стать американским миллионером. С ума сойти, правда?»

— Не знаю, — ответила Таня.

— С ума сойти, — убежденно сказала Лина.

Город тонул в дожде. Мигали светофоры, проплывали огни машин.

Лина остановилась на красный свет.

— Куда отвезти вас? — спросила она.

— Спасибо. Мне здесь как раз удобно. Всего хорошего.

Таня вынырнула под дождь, захлопнула за собою дверцу, раскрыла зонтик и быстрым шагом направилась к троллейбусной остановке.

После долгих дождей потянуло холодом, лужи на тротуарах покрылись льдом, ветви деревьев заиндевели.

Кинокамеру установили на улице рядом со студийным «Рафиком». Беднов снимал Таню, находившуюся в кадре с микрофоном и пожелтевшей газетой в руках. Рядом с ней стоял мужчина в сером демисезонном пальто и кожаной кепке. Начинаясь снег.

— Представьтесь, пожалуйста, — попросила Таня.

— Зуев Игорь Петрович, — представился мужчина в пальто и кожаной кепке.

— В руках у меня газета, — сказала Таня. — Уже достаточно старая, пожелтевшая. Газете этой полтора года. Нашли мы ее случайно, но суть не в этом. В этом номере опубликована заметка под названием «Двойная медвежья услуга». В ней говорится, что тренер Толмачев и председатель спортивного общества «Локомотив» оказывают медвежью услугу бывшему чемпиону мира среди любителей — Вадиму Ларину, который по сути дела бросил бокс, а ему тем не менее до сих пор выплачивают стипендию, предназначенную для действующих и результативных бойцов. Таким образом, писал корреспондент, руководство спортивного общества возвращает Ларина и тратит государственные деньги не по назначению, то есть оказывает двойную медвежью услугу: Ларину (раз) и развитию бокса (два). Это ваша заметка, Игорь Петрович?

— Моя, — сказал Зуев.

— И вот за эту заметку полтора года назад вас уволили с работы. Правильно?

— Правильно.

— Объясните нам, почему?

— Факты не подтвердились, и меня уволили.

— А почему вы не проверили факты?

— Факты я проверял. Но казуистика, как известно, штука коварная. Ларин, по сути дела, действительно бросил спорт и заслуживал общественного порицания. Однако стипендия, если формально подойти к вопросу, ему полагалась.

— Ничего не понимаю, — призналась Таня.

— Ларин незадолго до этого выиграл первенство «Локомотива».

— Можно ли было утверждать в таком случае, что он бросил бокс?

— Безусловно, — ответил Зуев, — «Локомотив» для Ларина — семечки. Ларин — человек-легенда, его кулаки принято было называть чугунами. Его побаивались. Он одерживал психологическую победу еще до начала поединка. Иногда напуганные противники вообще не выходили на ринг, и рефери без боя поднимал его руку.

— Я не знала, что так бывает.

— Бывает. Если кто-то не выходит на ринг, значит, он признает себя побежденным.

— И долго он сможет продержаться за счет легенды? — спросила Таня.

— Нет. Он уже сошел.

— А вернуться мог бы?

— Не знаю. Он давно не верит в свои кулаки, а без этого побеждать нельзя.

— Скажите, почему Толмачев мешает созданию фильма о Ларине?

— Из осторожности,— сказал Зуев.— Его роль во всей этой истории не очень-то симпатична.

— То есть?

— А вы не поняли? Ларина загубил Толмачев. Загубил. Понимаете, загубил. Сперва он его нашел, подготовил, а потом загубил. Можете, вы знаете, после чемпионата мира Ларин повредил себе где-то руку. Говорят, он на спор дверь кулаком прошиб. Не знаю, так это было, не так, но кисть себе Ларин сломал. Это факт. Не успела рука окрепнуть, не успел он восстановить спортивную форму, а его погнало соревноваться. Да, Толмачев не имел терпения. Чем это кончилось — хорошо известно.

— Спасибо,— сказала Таня.

В просмотровом студийном зале погас экран, одновременно вспыхнул свет. Рядом с Таней, на расстоянии одного кресла, сидел Толмачев.

— Я знаю, Зуев — любитель умничать,— сказал Толмачев.— Ему кажется, что он разбирается в боксе. А ведь он всего-навсего дилетант. Дилетант с апломбом. Ему кажется, что все имеет простые и понятные объяснения. Ларин сломал себе руку, потерял спортивную форму, а я, Толмачев, который, конечно, раз в десять глупее Зуева, погнало своего подопечного биться на европейском первенстве. Так объясняет Зуев. Но это же чушь собачья. Не я определяю состав нашей сборной.

— Стало быть, во всем виноваты руководители сборной? — спросила Таня.

— Нет, руководители сборной не виноваты.

Зуев, как понимала Таня, порядком разозлил Толмачева, и тренер, хотя и не хочет ничего рассказывать, должен все же «проговориться», потому что не может оставить журналистские рассуждения без ответа.

— Допустим,— сказала Таня.— Руководители сборной не виноваты. Вы, разумеется, тоже. Но хоть кто-нибудь виноват, когда мы говорим о падении Ларина? Может быть, виноват сам Ларин?

— Наверное, в чем-то виноват я,— признался наконец Толмачев.

— В чем именно? — продолжала спрашивать Таня.

— Трудный вопрос,— Толмачев надолго задумался.— Я боялся, что Ларина переманит Москва, я боялся потерять его. Но Вадим в Москву не поехал, а я все равно потерял его. Такая история.

Печаль, прозвучавшая в голосе тренера, почти что кольнула Таню: вот уже не ожидала! И она смущенно спросила:

— Простите, я что-то не очень-то понимаю.

— Однажды... Как бы это вам объяснить? Ларин стал мне чужим. Вдруг я почувствовал, что мы чужие, и с тех пор вся работа пошла насмарку. Как все это произошло, убейте меня, не знаю. Не знаю, как это случилось, что мы стали чужими, но чувствую, что я виноват был в этом.

— Извините,— сказала Таня,— мне показалось, что у вас какое-то обостренное чувство вины перед Лариным.

— Может быть,— согласился тренер.— Когда Ларин пришел ко мне первый раз, я не принял его. Сказал, что набор окончен. Но дело было, конечно, не в этом, можно было его принять, но Ларин мне как-то не показался. К тому же он был из этого интерната, где содержат дебильных детей.

— Значит, он в самом деле дебил? — опешила Таня.

— Затрудняюсь сказать. Я ему тестов не предлагал, однако он вышел из этого интерната.. Да, в те годы я сам уже не боксировал, но однажды меня попросили, руководство спортобщества попросило, и я рискнул. Тот бой окончился для меня плачевно: мое тело вынесли ногами вперед, ребята, которые у меня занимались, после такого моего фиаско перебежали к другому тренеру. И тогда опять появился Ларин. Он мне сказал: если я приму его в секцию, он научится боксу и отыграется за мое поражение. Человек я не очень сентиментальный, но тогда, признаться, едва не заплакал. Какое-то время я проводил занятия с одним воспитанником. Это был Ларин...

Толмачев неожиданно встал, прошел вперед и рукой приоткрыл занавес, за которым находился Беднов с кинокамерой.

— Я же дал вам полезный совет,— размеренно произнес Толмачев, повернувшись к Тане.— Создайте что-нибудь на тему пинг-понга. Зачем вам бокс? Кровавое это дело. А вы меня не хотите слушать. Кстати, Зуеву я тоже давал советы... Говорят, до сих пор не может на работу устроиться. Бедняга Зуев.

В словах Толмачева содержалась явная угроза. Таня не сомневалась: за словами последуют действия. Так и случилось, причем гораздо быстрее, чем могла она ожидать. В тот же вечер около Таниного подъезда топтались трое: Ларин и двое тех самых парней, что избили его тогда в парке. Час был поздний, гасли огни в домах. Дул холодный декабрьский ветер.

— Ты ее видел когданибудь? — спросил похожий на карлика парень, натягивая рукава нейлоновой куртки на озябшие без перчаток руки.

— Видел,— отозвался второй, одетый в легкий не по сезону плащ.

— Ну и как она?

— Какая разница! Мы же не свататься. Пугнем маленько и все.

— Жаба, наверное?

— Ист, нормальная телка. Ноги там, задница — все как надо, Режиссеркой работает.

— Зачем же ее пугать? — спросил Ларин.

— Толмачев сказал, что она суется, куда не надо. Сказал пугнуть, но не трогать. Сказал: если тронем, руки пообрывает.

— Ах, как страшно! Ах, как он меня напугал! Ах, какой страшный человек Толмачев! — произнес с озлоблением низкорослый.

— А не он тебя из кичмана вытащил?

— Ой, не надо!

— Тихо ты... твою мать! — сказал тот, что в плаще и повыше ростом.

Таня подходила к подъезду, на ходу вынимая ключи из сумки.

— Стоять! — выкрикнул низкорослый.

Таня оцепенела, испуганно вглядываясь в темноту, откуда доносился повелительный простуженный голос.

Она сделала шаг назад, и снова раздался воплеобразный выкрик:

— Стоять!

— Ладно, хватит, — вмешался Ларин. — Идите. Это моя знакомая.

— Ты что, охренел! — с угрозой произнес низкорослый.

— Проваливай, я сказал!

— Что с тобой, дуся? — ласковым вкрадчивым голосом вывел парень, кутавшийся в холодный плащ.

Едва сверкнул в его руке нож, как он получил удар в подбородок и рухнул лицом вперед. Низкорослый дважды успел зацепить Вадима, прежде чем хлопнулся рядом с первым. Таня схватила боксера за руку, затащила в подъезд и наверх, в квартиру, заперев изнутри ее на два замка. Тяжело дыша, она подтолкнула Ларина в ванную, где он тщательно вымыл руки, смыл с лица кровь, вытерся протянутым полотенцем.

— Может быть, снимешь куртку?

— Да.

Он повесил куртку в прихожей на вешалку, прошел за хозяйской на кухню.

— Ну что, вернулась вера в свои кулаки? — спросила она.

— А зачем она мне? Я давно сошел.

Таня налила два стакана томатного сока — себе и Вадиму.

— Знаешь, я все время надеялся встретить тебя, — промямлил Ларин.

— Деньги лишние завелись? — усмехнулась Таня.

— Извини, я не знал... я думал... Мы же встретились в таком месте. Я только не понял, как ты туда попала.

— В ментовку, что ли?

— Угу, — Вадим осушил стакан.

— По твоей милости, но по собственной глупости. Тебя эти самые парни размазали по асфальту. А я отскребла и подняла. И хотела отвезти в травмпункт. А ты стал свистеть в милицейский свисток, и нас, естественно, замели.

— Да-а,— задумчиво произнес Вадим.— А я потом вспоминал тебя.

— Может быть, я тебе нравлюсь? — спросила Таня.

— Не знаю,— сказал Вадим.

Забавно, подумала Таня. А что в самом деле дальше? Не вести ли шаши со своим избавителем? Но это была бы уже не жизнь, а роман в каком-то старофранцузском стиле. И все-таки, неделю поколебавшись, она откликнулась на его предложение сходить с ним в бар.

Не в каждой курилке бывает так дымно, как в баре с огнедышащим названием «Метеор», что стоит на главной улице города с постоянно припаркованными к нему милицейскими «воронками». Такое впечатление, будто бы в баре специально собираются покурить. И курят не только за столиками, но и танцующие в обнимку пары — это как бы особый шик. Ларин, танцуя с Таней, тоже хотел задымить, но она ему не позволила.

— Вадим, откуда такая телка? — спросил прыщавый парень с косичкой, повиснув на отрешенно топтавшейся спутнице с донельзя размалеванной рожницей.

— Тебе-то зачем?

— А вдруг там еще таких парочка обнаружится?

— Нет, там была одна,— ответил Вадим и спросил, обращаясь к Тане: — Тебе не противно здесь?

— Нет. Почему же! Хороший бар. Приятная публика,— лукавила Таня.— Только давай присядем, а то ноги гудят с непривычки. Они вернулись за столик и продолжили разговор; потягивая коктейли из массивных цветных стаканов.

— Так когда ты начнешь тренировки? — спросила Таня.

— Зачем тебе это?

— Затем, что если тебе удастся вновь вскарабкаться хоть на какую-нибудь ступеньку пьедестала почета, то моя картина получит иное качество. Появится интрига, этапы драматической борьбы, падения, взлеты. Понимаешь, все станет сразу же интереснее. Ты кино любишь?

— Я люблю художественное кино. С артистами. С музыкой.

— Вот ты и будешь теперь, как артист. А музыку мы подложим. Музыка у нас есть.

— Нет. Я уже сошел. У меня теперь не получится.

— Это не по-мужски,— сказала Таня,— складывать без боя оружие.

— Знаешь, о чем я подумал? Если бы была моей женой, ты была бы Татьяной Лариной.

— Очень заманчивая идея. Скажи, пожалуйста, почему ты женился на Лине?

— А ты с ней знакома?

— Пришлось познакомиться.

— Да, действительно,— задумался Ларин.— Почему я на ней женился?

— Почему, действительно?

— Ну... я не знаю. Сам не могу объяснить. Бывает, что-нибудь сделаешь, а вот объяснить не можешь.

— Так-таки и не можешь?

Вадим вопросительно посмотрел на Таню.

— Хочешь, я тебе помогу? — предложила она. — Ты женился на Лине лишь потому, что тебя Толмачев попросил об этом. Не так ли?

— Так.

— А вот этого, извини, я никак не могу понять.

— Я не мог отказать Толмачеву, — ответил Ларин.

— Но почему?

— Ну он же мой тренер. Как ты не можешь понять? Он из меня человека сделал. Тренер по боксу — это совсем не то, что тренер по бегу. Он тебя учит не убегать, а другому: он тебя защищаться учит. Постоять за себя. Ты становишься независимым.

— Независимым от кого? От тренера? Ладно, власть Толмачева над тобой мне теперь понятна, — сказала Таня. — Тренер по боксу — это что-то вроде сен-сея.

— Сен-сей — это кто?

— Наставник. Наставник в высоком смысле этого слова. Женился, потому что велел наставник. От переезда в Москву отказался по той же простой причине — наставник не одобрял.

— Да он ничего мне не говорил об этом, — возразил Ларин.

— Но ты тем не менее знал об этом. Лина ж тебе сказала, чего опасается Толмачев и о чем он ее просил. Он боялся, что тебя уведет Москва...

— Это его дела, — перебил Вадим.

— Да, он тоже так думал. Он думал, что это его дела, а это были ваши дела. Его и твои. Это были дела о б о и х, — сказала Таня. — Ты ему доверял. Доверял безмерно. А такое доверие не может быть без взаимности. И когда ты узнал, что твой Толмачев, вместо того, чтобы поговорить с тобой, за твоей спиной подговаривает к чему-то Лину, в тебе, должно быть, что-то оборвалось. Толмачев, между прочим, почувствовал это. Он говорит, что ты стал в какой-то момент чужим, но, как это вдруг случилось, Толмачев не знает. Он не знает, что Лина проговорила. Но знает, что ты стал в какой-то момент чужим, и этим объясняет твои неудачи. Потеря доверия, по мнению Толмачева, губительно сказалась на вашей работе. Я, конечно, не спец по части такой психологии, но, по-моему, здесь все сходится. Как ты считаешь?

Можно было не спрашивать, как он считает, потому что и так ей было понятно: сходится. А если и так понятно, зачем еще обсуждать? Пустое.

В «Меэгоре» стал назревать скандал между кланами завсегдаев, что сразу вспугнуло случайных посетителей бара, в том числе Таню. Выходя с Вадимом из помещения, она слышала, как там зазвенела бьющаяся посуда, как стала падать с грохотом мебель. Навстречу пробежал милицкий наряд.

После проведенного в задымленном баре вечера на улице ды-

шалось особенно хорошо. Чистый морозный воздух в холодном свете люминесцентных ламп искрился разноцветными блестками невесомых кристалликов, под сапогами поскрипывал еще не утоптаный сахарно-белый снег, прохожие кидались снежками, толкали друг друга в сугробы, заливались до неприличия громким смехом, где-то надрывался кассетник, а месяц над зелеными куполами декоративно раскрашенной псевдорусской церкви пыгался сиротаться в размазанном по звездному небу облаке.

Молчание провожавшего Таню Ларина на фоне вселившихся там и здесь компаний отдавало угрюмостью. У подъезда он сразу же попрощался. А на завтра неожиданно явился вечером в новом сером пальто с накиннутым, словно хомут, красным шарфом на шею и в черной широкополой шляпе, тоже новой. В руках он держал бутылку шампанского, торт и цветы.

— Что за явление? — удивилась Таня.

— Да вот... решил навестить.

Из двери напротив появилась соседка с совком и ренком и, осуждающе взглянув на Таню и ее гостя, принялась подметать и без того чистую лестничную площадку. Таня пропустила в переднюю Ларина, — заходи, раз пришел, — и сердито захлопнула дверь. Не снимая пальто и шляпы, Вадим уселся на кухонной табуретке между холодильником и столом, сложив на него гостинцы.

— Ну и зачем все это? — строго спросила Таня, прислонившись спиной к стене.

— Ты не любишь шампанское?

— Не люблю.

— Но хоть немного... Со мной за компанию. А то я могу обидеться.

— По-моему, тебе достаточно. Ты где-то уже побывал в компании.

— Да, пропустил немного для храбрости.

— Почему «для храбрости»?

— Потому что робею, — сказал Вадим. — Знаменитый боксер, а в твоём присутствии я робею, — он достал из кармана потрепанный номер «Советского спорта» и показал свое фото. — В газетах, видишь, меня печатают.

— Это было давно, — сказала Таня.

— Зато теперь фильм про меня снимается. Правильно? Кстати, сколько мне за эту работу заплатят?

— За какую работу?

— За работу в кино.

— Понимаешь, это документальный фильм. В документальном кино не платят.

— Но-но, — хитро прищурившись, произнес Вадим. — Я слышал, в кино гребут башли лопатой. Мне один человек сказал, который знает... Он ехал с одним артистом в купе. И когда они вмазали, тот ему рассказал, как они гребут. Так почему я должен сниматься бесплатно?

— У нас за такие съемки не платят, — сказала Таня.

— А в Америке?

— Про Америку я не знаю.

— Тогда я посоветуюсь со своим адвокатом,— Вадим пересел с табуретки на подоконник (там стоял телефон), снял трубку, поправил на голове широкополую шляпу и набрал пятизначный номер.— Жека? Здорово... А ты не узнал? Вадим... Ну конечно... Два года не виделись? Это срок!.. Нет, я развелся с этой фуфлыжницей... Да?! Ну ты молодец! Скажи, кто ты там у нас: адвокат или кто?.. Тогда у меня вопрос. Меня тут в кино пригласили сниматься, в главной роли... Как называется? — Вадим поднял глаза на Таню.— Как кино называется?

— «Чугунные кулаки»,— отозвалась Таня.

— «Чугунные кулаки» называется,— сообщил Вадим своему адвокату Жене.— Не просто про бокс, про меня лично. Лично про мою автобиографию. А платить не хотят за съемки. Говорят, в документальном кино не платят... Почему же правильно?.. Ты так считаешь? Ну я потом тебе позвоню.

Вадим бросил трубку.

— Да, ты была права,— сказал он.— Но тебе все равно придется расплачиваться со мной.

— Натурой? — спросила Таня.

— Как, как?

— Чем, говорю, я должна заплатить тебе? Своим телом? Я правильно поняла?

— Извини. Я... кажется, выпил лишнего,— Ларин снял шляпу и провел по вспотевшему лбу рукой.

— Так когда тебе заплатить, сейчас? Или после того, как начнешь тренировки?

Таня стала расстегивать на халате пуговицы.

— Извини меня, извини,— пробормотал шокированный Вадим.

Поспешно покинув квартиру, он сбежал по лестнице вниз, выскочил из подъезда, вздохнул полной грудью, собрал с перил снег и умыл им лицо. Утром Ларин появился в спортзале, к дверям которого на исходе второй недели, если считать со дня возобновления тренировок бывшим чемпионом по боксу, подъехал «Рафик» со съемочной группой фильма «Чугунные кулаки».

— Время! — громко произнес Толмачев, щелкнув секундомером.

Боксеры начали отрабатывать на снарядах технику. Ларин, истязая себя до «пота градом», казалось, хотел уничтожить «грушу», задав пневматическому снаряду бешеный темп: та-та-та, та-та-та, та-та...

Таня стояла перед камерой с микрофоном в руке и ждала Толмачева. Как только он вошел в кадр, помогавший оператору ассистент включил осветительные приборы, тихо зажужжал мотор камеры.

— По-моему, вы слишком далеко зашли,— сказал Толмачев, не дожидаясь Таниного вопроса.— Ларин влюбился в вас, а вы им крутите, как вам вздумается.

— Я должна сделать фильм.

— Но есть же какая-то этика.

— Интересно, что именно вы заговорили об этике,— заметила Таня.— Скажите, Ларин мог бы снова добиться успеха?

— Мамонты, как известно, не воскресают,— сказал Толмачев.

— Мамонты?

— Да. Ларин уже ископаемое, пожелтевшая страничка в истории ринга.

В зале появился Хасан.

— Это еще кто такой? — спросил тренер.

Повертев в руках микрофон, Таня не придумала ничего лучше, как вручить его Толмачеву, а сама направилась к Хасану. Беднов остановил мотор камеры, погасли осветительные приборы.

Ларин, видевший, как Таня подошла к громиле, опустил руки.

— Вас ждет спонсор,— сказал Хасан Тане.— Он смотрел материал и хочет поговорить.

— Я сейчас не могу, я работаю.

— У него мало времени.

— Ваш спонсор очень нетерпелив,— сказала Таня.

— Это не мой спонсор, а ваш,— поправил ее Хасан.

— В чем дело? — спросил подошедший Ларин.

— Все в порядке,— сказала Таня.— Ну, где же мой спонсор?

Где он?

— Там.

Доходяга, ожидавший ее в вестибюле, сказал без обиняков:

— Материал монотонный, ровный. Какой-нибудь шухер нужен, а так — фанера. Без шухера ничего не получится. Бесмысленная трата времени. Буду предельно откровенен: не сумеете взнудать материал, смещу режиссера.

Доходяга с телохранителем вышел, оставив растерянную Таню наедине с Лариным.

— Плюнь на это кино,— сказал он.— Я заработаю кучу денег. У тебя будут доллары, много долларов. Захочешь, купишь квартиру в Нью-Йорке. Яхту. Все, что захочешь, купишь. Мои кулаки послужат тебе. Я уйду в профессионалы.

Став в боксерскую стойку, Ларин повел «бой с тенью». Защищаясь от встречных ударов воображаемого противника и атакуя, боксер теснил свою тень, пока не скрылся в дверях спортивного зала.

Беднов снимал в раздевалке Ларина, бинтовавшего руки. Секунданты помогли боксеру надеть боевые перчатки, аккуратно зашнуровали. Один из секундантов взял Вадима на «лапы», и тот отработал на них свои «коронки». После этого секунданты накинули на бойца халат, повели на ринг. Оператор и его ассистент последовали за ним в зал.

Таня сидела на скамейке для прессы.

Зал гудел, приветствуя выход Ларина. Вадим, пританцовывая, занял середину квадрата, поклонился болельщикам, пожал судьё

и противнику руки. Рефери в традиционном белом костюме и черной бабочке проверил экипировку бойцов, напомнил правила ведения поединка, и боксеры разошлись по углам. Через несколько секунд ударил гонг, начался первый раунд.

Противник Ларина был пониже и тоже, кажется, предпочитал работать на контратаках. Судья сделал замечание за пассивное ведение боя. Ларин попытался атаковать и нарвался на мощную серию встречных ударов.

Таня спросила сидевшего рядом с ней фотокорреспондента:

— Кто такой этот парень?

— Из Саратова, — сказал фотокорреспондент. — Совсем молодой пацан. Никому неизвестный.

Ларин, не успев оправиться от пропущенных им ударов, снова пошел в атаку и снова был встречен снайперской серией молодого противника. После этого молодой, не дожидаясь новых действий Вадима, стал осыпать его боковыми ударами. Чем дальше, тем сильнее становились удары, превращая лицо Ларина в кровавое месиво, но он продолжал сражаться, совершая бесплодные попытки переломить ход поединка. Собрав, по-видимому, все силы, Ларин ударил своим излюбленным прямым правой, однако противник успел вырнуть под этот удар и встретил провалившегося бойца сокрушительным крюком снизу. Вадим упал, раскинув на ринге руки.

Досчитав до девяти, рефери выкрикнул:

— Аут!

Ларин попытался встать, но не смог. На ринг, обгоняя друг друга, поднялись врачи, секунданты и Толмачев.

Беднов, проводивший Таню домой, сидел с ней на кухне и молча пил кофе.

Зазвонил телефон.

— Алло, — Таня выслушала звонившего и, сказав: — Понятно, — положила трубку.

— Кто это? — поинтересовался Беднов.

— Толмачев.

— Что ему надо?

— Ларин умер в больнице.

— Как так умер? — не поверил Беднов.

— Кровоизлияние в мозг. С гладиаторами бывает, — сказала Таня. — Погиб человек, это ужасно. Но такой трагический поворот для фильма, для его, так сказать, концепции может оказаться настоящим подарком. Представь себе такой драматургический ход: я делаю фильм о Ларине, но это уже не работа, вернее, не только работа, но и сюжет картины одновременно. Ты меня понимаешь? Кино в кино. Мы видим на экране процесс. Я исследую историю Ларина, в судьбе которого Толмачев, хотел он того или нет, сыграл роковую роль. А к концу картины, уже после гибели моего героя, я прихожу к ужасающему для меня открытию: я, оказывается, ничем не лучше Толмачева. Оказывается, в истории с Ларинным я преследовала только свои интересы, несколько не думая о Вадиме, который ради меня сложил голову. Такой вот стриптиз на экране.

— Тебе придется сменить оператора,— сказал Беднов.

— Почему?

— Запашок не нравится. Спасибо за кофе.

— Я думала, ты останешься.

— Я тоже так думал,— сказал Беднов, уходя.

Таня включила телевизор. Шла культурная хроника. Главный режиссер «Молодежного драматического театра-студии в тупике Льва Толстого» Эльжбета Вацлавна Понаровская рассказывала:

— В наше время развелось великое множество Золушек, которые во дворец проскочить стремятся. А работать, в золе копаться, не любят. Не любят! Принцев им подавай! Не знаю, удалось ли выразить эту мысль на сцене, но я, честно говоря, пыталась в меру своих возможностей...

— Вы по-новому прочли старую пьесу,— вставила собеседница Понаровской.— Для меня, признаюсь, такое прочтение содержит элемент неожиданности.

— Ой, не надо меня так расхваливать,— попросила Эльжбета Вацлавна.— Я могу зазнаться, я женщина слабая...

Кладбище лежало в глубоком снегу, из которого торчали кресты и памятники. Черной дырой среди белых холмов зияла свежевкопанная могила, вокруг которой столпились люди. Гроб с телом Ларина стоял на земляной насыпи возле могилы.

Таня, прислонившись к дереву, издали наблюдала за тем, как закрыли гроб крышкой, вколотили гвозди, опустили в могилу, насыпали ее землей и установили временный памятник из мореных досок. Образовавшийся над могилой холм прикрыли венком и цветами.

Кладбище опустело. Появился титр: «Конец».

В просмотровом зале зажегся свет.

— Спасибо,— сказал доходяга.

Кроме него, в зале находились Дарья, Таня, Хасан, монтажер.

— Я считаю, что вы со своей задачей справились,— доходяга выдержал паузу.— Фильм представляет собой забавный симбиоз...

Таня встала, направилась к выходу.

— Вам не интересно знать мое мнение?— спросил доходяга.

— Не интересно,— призналась Таня, задержавшись на секунду у двери.

В коридоре она столкнулась с Бедновым. Он со своим ассистентом вышел из лифта, руки у них были заняты киноаппаратурой.

— Привет,— сказал Беднов Тане.

— Привет.

Она вошла в лифт.

— Тебя можно поздравить?

— Спасибо,— сказала Таня.

Двери лифта закрылись.

ЮРИДИЧЕСКИЙ

ПРАКТИКУМ

ОТВЕТЫ

Задача 1

Согласно части 2 статьи 7 Уголовного кодекса России, не является преступлением действие (или бездействие), хотя формально и содержащее его признаки (в нашей задаче — кражи), но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

Задача 2

Статья 149 УК России предусматривает ответственность за умышленное уничтожение или

повреждение личного имущества граждан, причинившее значительный ущерб потерпевшему. При этом под повреждением понимается причинение имуществу такого вреда, когда оно без ремонта (исправления, восстановления) не может использоваться по своему прямому назначению. Как видно из заявления Сальникова, в данном случае речь идет об обычном износе, амортизации машины. Поэтому оснований для возбуждения уголовного дела нет. Сальников вправе предъявить иск о возмещении причиненного ему ущерба в порядке гражданского судопроизводства.

Во всех случаях полиграфического брака экземпляры просим отсылать для замены в типографию.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО?

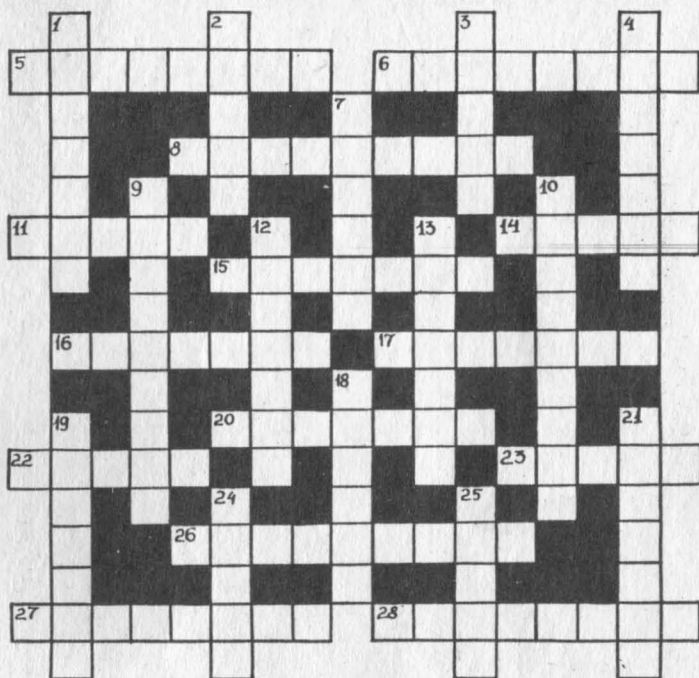
По горизонтали: 5. Официальный документ, в котором фиксируются какие-либо фактические обстоятельства. 6. Злоумышленные действия капитана или команды, причиняющие ущерб судну или грузу. 8. Неодолимое, импульсивно возникающее болезненное влечение к поджогам. 11. Правитель, власть которого основана на произволе и насилии. 14. Отец детей жены от прежнего брака. 15. Одна из форм материального обеспечения граждан. 16. Физическое или психическое воздействие одного человека на другого. 17. Вид ценной бумаги, денежное обязательство. 20. Мотив преступления, состоящий в стремлении к наживе, обогащению. 22. Принадлежащие пассажиру вещи, сдаваемые им для перевозки транспортной организацией. 23. Боевая операция. 26. Ценная бумага на предъявителя, дающая владельцу право на получение дохода в виде фиксированного процента. 27. Присоединение территории чужого государства вопреки воле его населения. 28. Сторона в обязательстве, имеющая право требовать от другой стороны совершения какого-либо действия.

По вертикали 1. Автор романа «Истина». 2. Наиболее деятельная, передовая часть какой-либо организации. 3. Учреждение или его часть, хранящие документы. 4. Умышленное изъятие чужого имущества с целью обращения его в свою пользу. 7. Исполнитель роли Садчикова в фильме «Петровка, 38». 9. Сословный орган городского управления в России с 1720 по 1864 год. 10. Привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта. 12. Советский актер, народный артист СССР, снимавшийся в фильме «Академик Иван Павлов». 13. Часть «Кодификации Юстиниана». 18. Плут, пройдоха. 19. Форма феодальной земельной ренты в России в XVI—XIX вв. 21. В Древнем Риме помощник консула в финансовых и судебных делах. 24. Следственное действие, связанное с обследованием помещений, участков местности, одежды подозреваемых лиц. 25. Документ, удостоверяющий право на проезд.

Сдано в набор 04.02.92. Подписано в печать 10.03.92.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая. Бумага газетная.
Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 8,1.
Тираж 1 861 894 экз. Заказ 0160203. Цена 1 р. 50 к.

Адрес редакции:
129850 ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22
Телефон 281-68-12

Комбинат печати издательства «Преса України»
252047, Киев-47. Проспект Победы, 50.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 1, 92.

По горизонтали: 1. Оскорбление. 6. Ажур. 7. Свод. 9. Квота. 10. Запой. 12. Запас. 16. Папиниан. 17. Горюшкин. 18. «Заключенный». 21. «Интерпол». 22. Бодмерея. 23. Олимп. 25. Арест. 28. Аваль. 29. Явка. 30. Риль. 31. Стояновский.

По вертикали: 2. Ссуда. 3. Рында. 4. Лучко. 5. Извоз. 6. Аноним. 8. Деша. 9. Кравченко. 11. Поручение. 13. Свидетель. 14. Банкрот. 15. Военком. 19. Гелизя. 20. Печать. 24. Пикет. 26. Район. 27. Серов. 28. Алиби.

1 р. 50 к.

Индекс 71075

